

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА •

Интеллигент

Введение

Уважаемые читатели! Журнал «Интеллигент. Нью-Йорк» планировался к выходу в свет весной 2013 года. Именно к этому времени я – учредитель медийной группы изданий «Интеллигент» Сергей Пашков и главный редактор Дина Лебедева собирались подготовить первый его номер. Однако мы не ожидали, что наши представители, а именно: Марина Викторова (наш представитель в Прибалтике), Екатерина Асмус (наш представитель в Санкт-Петербурге), Майя Шварцман (наш представитель в странах Бенилюкс), член редакционного совета Светлана Савицкая, Александр Мельник, Ирина Гусева и др. лица, сотрудничающие с нами, так активно возьмутся за дело и подготовят материалы для запуска нового журнала уже в 2012 году! На сегодняшний день мы

имеем множество актуальных и интересных материалов для первого номера журнала «Интеллигент. Нью-Йорк». Поэтому нами и было принято решение срочно издать первый номер уже сейчас, чтобы подготовленные нашими сотрудниками материалы не потеряли своей актуальности. Редакторский коллектив медийной группы «Интеллигент» благодарит всех людей, которые, сотрудничая с нами, качественно и оперативно помогли переформировать газетный вариант «Интеллигент. Нью-Йорк» на вариант – журнальный.

*Учредитель медийной
группы изданий «Интеллигент»
Сергей Пашков*

В подготовке номера принимали участие:

Материалы по конкурсу
«Пушкин в Британии»
стр. 3-24, подготовила
Марина ВИКТОРОВА

Материалы по конкурсу
«Эмигрантская лира»
стр. 25-30, подготовил
Александр МЕЛЬНИК

Материалы по конкурсу
«Золотое Перо Руси»
стр. 31-40, 58-59, 73
подготовила
Светлана САВИЦКАЯ

Материалы
стр. 49-54, 64-72
подготовила
Майя ШВАРЦМАН

Материалы
стр. 44-48, 55-57, 74-75
подготовила
Екатерина АСМУС

Материалы
польских поэтов
стр. 81-88, подготовила
Ирина ГУСЕВА

Письмо

Когда знакомишься с русской коллекцией Библиотеки Конгресса США, как и с тем, что на полках в других крупных публичных библиотеках страны, невольно возникает один и тот же вопрос: А по какому принципу отбирались все эти издания? Как гласит древняя китайская пословица: трудно найти чёрную кошку в тёмной комнате – особенно, если её там нет. Самое прискорбное состоит в том, что на подобный вопрос нужно найти ответ тем, кто обеспечивает продвижение русского языка и культуры в Америке, а самое радостное, пожалуй, заключается в искреннем желании сотрудников библиотек восстановить всю полноту русской литературной картины, а она, замечу, исключительно причудлива и своеобразна. Опираясь, в частности, на это радостное наблюдение, нам хотелось бы предоставить широкому американскому русскоязычному читателю возможность ознакомиться с изданиями Интеллигента, как с периодикой, являющейся отражением современной российской мысли, исходящей не от цензоров-критиков и псевдо-элитарных литературоведов, а от обычных российских граждан – будь-то из Москвы, из Санкт-Петербурга, из российской глубинки или даже из Нью-Йорка. Тут уместно было бы вспомнить некоторые общепринятые международные правила и обратиться при этом к совершенно сногшибательной (для русского человека) статистике: Итак, во-первых, если кто-то хочет, чтобы издание воспринималось как легитимное, серьёзное и вполне внушающее доверие, он должен послать два экземпляра в Библиотеку Конгресса США. Кто и когда это придумал – не мне судить, но мы, все, должны это помнить. Во-вторых, сегодня в каталоге русских литературных журналов Библиотеки Конгресса значатся лишь 37 наименований, где в качестве «серьёзных-легитимных» русских журналов признаётся «Лампа и Дымоход», альманах «Истоки» (не путать с популярным сибирским журналом «Истоки» Сергея Прохорова) и ряд других не выпускающихся изданий (!!!). Имея честь влиять на литературные вкусы русскоязычной аудитории США, мне бы очень хотелось, чтобы и Ваши журналы стали здесь доступными, и я искренне рад, что сотрудники Библиотеки Конгресса выражают свою полную поддержку этой идее.

Профессор,
Доктор Сергей ГОРА

P.S. Издания медийной группы «Интеллигент» поступают в различные библиотеки мира, в том числе в англоязычные страны: Австралия, город Сидней и в Оксфордскую библиотеку Англии.

МЕЖДУНАРОДНОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ «ПУШКИН В БРИТАНИИ» - 10 ЛЕТ!

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью...*

(«К Языкову», Михайловское, 1824)
А. С. Пушкин

Вот уже 10 лет особенная фестивальная атмосфера привлекает на этот праздничный поэзии в Лондон самых разных людей, пишущих на русском языке, но живущих за пределами России. Здесь они находят и интересное общение, и возможность почитать и послушать стихи, и сразиться друг с другом в поэтических турнирах. В прошлом году августовский номер газеты «Интеллигент - Санкт-Петербург» уже рассказывал читателям о том, что такое «Пушкин в Британии». Поэтому я лишь напомним, что речь идёт о ежегодном международном фестивале русской культуры и поэзии, автором идеи и организатором которого является живущий в Лондоне писатель Олег Борушко.

В этом году фестиваль «Пушкин в Британии» в 10-ый раз распахнул свои двери для 40-а русскоязычных поэтов из 16-и стран мира. По случаю его открытия, традиционно приуроченного ко дню рождения А.С. Пушкина, 6-го июня 2012 г. состоялся приём в Посольстве Российской Федерации в Великобритании.

Во время приёма Посол РФ Александр Яковенко произнёс тёплую приветственную речь в адрес организаторов и участников, после которой организатору фестиваля «Пушкин в Британии» Олегу Борушко был вручён почётный знак «За дружбу и сотрудничество». А Олег Борушко, в свою очередь, наградил памятной медалью «За веру и верность» тех, кто стоял у истоков, помогал и оставался бескорыстно преданным фестивалю на протяжении всех лет его существования. В этот же вечер, в Посольстве РФ, впервые в истории дипломатических миссий, состоялся поэтический слэм. Он стал своеобразной «разминкой» для поэтов перед более крупными поэтическими турнирами. Слоу представлял собой конкурс одного стихотворения, написанного на традиционно заданную строку А.С.Пушкина. В этом году для творческого осмысления была предложена строка «Как денди Лондонский одет...» из романа «Евгений Онегин». В работе импровизированного жюри слэма с удовольствием принимали участие как работники Посольства РФ, так и сами поэты. Каких только интерпретаций известной пушкинской строки не прозвучало в этот вечер! Но лучшим из всех в поэтическом слэме был признан поэт из Германии Михаил Юдовский.

Всего фестиваль продлился 5 дней. Его дальнейшая программа включала в себя и поэто-джем участников и гостей, и мастер-классы членов жюри, и непереносимые поэтические турниры. Так же участники посетили элитный интеллектуальный клуб «Атенаум», где прошли презентации фестивального альманаха и книги победителя Турнира переводов 2011-го года Владимира Севриновского. Здесь же был организован круглый стол «Марина Цветаева: поэзия или истерика?», блестяще проведённый генеральным директором библиотеки им. М.И. Рудомино Екатериной Гениевой и поэтом из США Андреем Корчевским. Гвоздём фестивальной программы, его основным событием, стал Гала-Турнир. Задачей Гала-Турнира было выявление лучшего поэта за прошедшие десять лет существования фестиваля. Для этого на внеконкурсной основе в Лондон были приглашены победители и призёры прошлых лет. А всем остальным только за одно право участия в финале пришлось побороться. Отбор достойных проводился в два тура. Победители первого, заочного, тура так же были приглашены в Лондон, где после второго, уже очного, этапа состязания в финал вышло ещё семь поэтов. Определилась эта «великолепная семёрка» совокупным решением публики, малого и большого жюри. Малое жюри было составлено из победителей прошлых лет, а большое жюри фестиваля в этом году представляли: генеральный директор Библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино Екатерина Гениева; писатель, сценарист Михаил Попов; поэт, переводчик, литературный деятель Максим Амелин; а также Королева фестиваля «Пушкин в Британии - 2011», поэтесса из США Ирина Акс. Возглавил работу жюри так же, как и в предыдущие годы, сам организатор фестиваля Олег Борушко.

В итоге 09 июня 2012 года в «Храме поэтов» - церкви Сент-Джайлс в Ковент-Гардене состоялся финал Гала-Турнира. Предпо-

лагаю, что история фестиваля «Пушкин в Британии» ещё не знала такого накала борьбы. Нет, я - не о духе соперничества. Конечно, турнир - есть турнир, и в какой-то степени соревновательный дух присутствовал, но атмосфера дружелюбия и умение порадоваться успехам собратьев по перу задавали тон. Поэтическое мастерство, разноплановость стихов и яркое дарование поэтов, выступавших один за другим, не оставили равнодушными ни публику в зале, ни членов жюри. И, как бы ни трудно пришлось последним, распределяя призовые места, а по основной кандидатуре расхождения во мнениях не случилось. Лучшим поэтом десятилетия в русском зарубежье единогласным решением жюри была признана Наталья Резник (США).

Остальные места распределились следующим образом:

2-е место получил Андрей Галамага (Словения)

3-е место досталось Михаилу Юдовскому (Германия)

Приз имени Риммы Казаковой «За лучшее стихотворение о любви» получил Михаил Матушевский (Израиль).

Приз зрительских симпатий, как и в прошлом, 2011 году, достался Михаилу Юдовскому (Германия).

Специального приза жюри был удостоен Александр Ланин (Германия)

На следующий день, 10-го июня 2012 года, уже во второй раз в истории фестиваля «Пушкин в Британии» состоялся супертурнир «Поверх барьеров». Для участия в этом турнире были приглашены победители ведущих поэтических конкурсов русского зарубежья последнего года, постоянно проживающие за пределами России. В результате, в Кембридже в аудитории Bateman колледжа Gonville and Caius, чтобы сразиться за звание Короля (Королевы) Супертурнира собралось 9 поэтов из 6-и стран мира - США, Германии, Беларуси, Молдовы, Израиля и Узбекистана. Победителей, как и в прошлом году, посредством тайного голосования выбирала публика. Вот здесь-то всех присутствующих и поджидало настоящее открытие - с большим отрывом по числу голосов, завоевав единственное призовое место и титул Короля Королей супертурнира, сильнейшим стал самый юный участник фестиваля, 17-и летний школьник из Молдовы, Леонид Поторак. На 2-ом месте оказался поэт из Узбекистана Бах Ахмедов, на 3-ем - Фаина Садко из Израиля.

Главными призом фестиваля для победителей стала поездка на остров Бали в составе российской делегации для участия в одном из крупнейших литературных фестивалей мира Ubud Writers & Readers Festival. Для победителя Гала-турнира предусматривалось издание авторской книги. А в качестве остальных наград, лучшие поэты получили бронзовые статуэтки, денежные призы и памятные медали.

Фестиваль прошёл при поддержке Фонда «Русский Мир», Федерального Агентства «Россотрудничество», Посла России в Великобритании Александра Яковенко и Посольства Великобритании в России.

Завершился 10-ый Международный фестиваль «Пушкин в Британии» конкурсами экспромта и пародии, раздвинувшими рамки официального мероприятия до непринуждённого, практически неформального, общения. Поэты с удовольствием слушали импровизированные творения друг друга и веселились от души. Благо, чувства юмора собравшимся на фестивале людям было не занимать. Лучшим в конкурсе экспромтов стал Александр Ланин (Германия), а лучшим в конкурсе пародии - Юрий Бердан (США). А чуть позже состоялся и разбор полётов, в ходе которого неутомимый Олег Борушко до позднего вечера отвечал всем интересующимся на задаваемые вопросы.

Заканчивая обзор фестиваля я невольно вспомнила рефрен русских народных сказок, вошедший и в строки А.С. Пушкина:

**«И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил...»**

(«Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях»)

Правда, учитывая тот факт, что действие происходило в Великобритании, следовало бы упомянуть не о пиве, а о настоящем английском эле. Ну, да не это важно. Гораздо важнее и интереснее то, что осталось за строкой моего очерка, но о чём намного красочнее поведают читателям «Интеллигента» интервью с участниками и членами жюри фестиваля и, конечно, стихи победителей. С конкурсными подборками финалистов в полном объёме можно ознакомиться на сайте фестиваля «Пушкин в Британии» <http://www.pushkininbritain.com>. На страницах же нашего альманаха, наряду с прозвучавшими на конкурсных турнирах стихами, вы найдёте, как стихи написанные ранее, так и совсем новые произведения получивших признание авторов.

Олег Борушко

Автор проекта «ПУШКИН В БРИТАНИИ». Председатель Большого жюри. Автор нашумевшей мистификации «Эротические танки» псевдояпонского поэта Рубоко Шо (анаграмма имени О. Борушко), изд. «Панорама», 1991, тираж 300 000. Печатался в журналах «Юность», «Московский вестник», «Детектив и политика», «Москва», «Новый Мир» и др. Автор восьми книг прозы и стихов, в том числе «Продаются щенки» («Молодая Гвардия», 1991), «Дао-дэ-цзин», поэтическое переложение, впервые на русском языке, («Вагриус», 1996, 1998, 2006), романа «Мальтийский Крест» (журнал «Москва», № 5 и 6, 2001г.) и других. Кавалер медали «За вклад в отечественную культуру», награжден грамотой Правительственной комиссии РФ по делам соотечественников за рубежом «За большой вклад в развитие российско-британского сотрудничества в области культуры».

Интервью с Олегом Борушко

- Олег! Во-первых, хочу передать дружеский привет от всей медийной группы изданий «Интеллигент» и поздравить Вас с десятилетием Вашего детища – фестиваля «Пушкин в Британии». И, в связи с этим знаменательным событием, первый вопрос: всё ли задуманное удалось?

- Всё задуманное не удаётся никогда.

- Всем ли Вы довольны? Что Вас особенно радует?

- Меня радует, когда поэт плачет. Я уже давно выбрал для себя такой критерий – если победитель плачет, значит, фестиваль удался. Никакого другого критерия нет. Судя по реакции Наташи Резник вчера на Гала-турнире и судя по сегодняшней реакции Лёни Поторака, не ожидали ни одна, ни другой, и подступившая к глазам влага – это и есть тот самый критерий, по которому можно судить удался Пушкин в Британии или нет.

- Как Вы оцениваете уровень подборок и выступлений финалистов в этом году?

- Уровень поэтов в этом году по определению был выше просто потому, что участвовали первые тройки победителей предыдущих лет. Т.е. это люди заранее победившие и отобранные, т.ч., конечно, уровень был выше на несколько голов. И поэтому было очень трудно судить жюри, было трудно отбирать...

- На протяжении 10 лет формат фестиваля неоднократно менялся. В какие-то годы проводился конкурс малой прозы, конкурс литературного перевода, шла речь о конкурсе детской поэзии, который так и не состоялся. Опять же, впервые в этом году состоялся поэтический слэм - конкурс стихотворения на заданную строку...

- Был даже конкурс видео-поэзии...

- Надо же! А мой вопрос как раз о том, будет ли меняться формат фестиваля в дальнейшем, и что за эти годы вошло в традицию?

- Традицией однозначно стал Турнир поэтов, который проводится каждый год. Какие бы другие события не появлялись в программе, Турнир поэтов останется центральным событием фестиваля. Как будет меняться формат в дальнейшем

- я не готов сейчас сказать. Наверное, будет турнир переводов в следующем году, и в связи с наступающим 600-летием Шекспира в 2014-ом, мы в следующем году выносим на Турнир перевода три шекспировских сонета. Детский турнир мне тоже всё-таки хочется провести. Проблема детского турнира, как я понял, связана с тем, что здесь учителя русских школ - их около 30-и, если не больше – абсолютно формально относятся к преподаванию русского языка. Учитель приходит в субботу в русскую школу, получает свою тридцатку фунтов и уходит. Попросить детей написать стихотворение на турнирную строчку и поставить это стихотворение на сайт «Пушкин в Британии» – ему этого не надо, денег за это не платят. Меня это поразило. Поразило полное равнодушие учителей русского языка к работе, которой они занимаются и их отношение к детям. Вот и всё. Я могу, конечно, это пробить, удешевить усилия, чтобы детский турнир всё-таки состоялся... Мне хочется его сделать. Ну, а что будет дальше – посмотрим.

- Кого из известных литераторов или деятелей культуры Вы собираетесь пригласить ещё для работы в жюри в дальнейшем?

- Мы как раз сейчас обсуждали. В этом году не смог приехать Кирилл Ковальджи, я хочу, чтобы в следующем году он приехал. Я приглашал Юрия Кублановского, но в этом году, но он где-то по Енисею путешествует, по-моему. Хочу пригласить Олесю Николаеву. Дело в том, что есть некий фокус. За годы существования сложился постоянный состав жюри – Попов, Гениева, Борушко. К нему периодически добавляются некие медийные фигуры, но, странным образом, поэты, принимающие участие в фестивальных турнирах, доверяют именно этому составу, вне зависимости, есть в жюри какие-то медийные лица или нет. Меня это радует потому, что в массе других конкурсов в жюри люди, которых видно в телевизоре, имеющие громкие фамилии, а доверия к судейству нет. А у нас почему-то есть.

- Спасибо, Олег. Ещё раз – с юбилеем! Желаю Вам успехов на Вашем поприще, а фестивалю «Пушкин в Британии» – долголетия и процветания!

Кембридж, 10. 06.2012

Екатерина Гениева

Член жюри фестиваля.

Генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино (г. Москва). Окончила филологический факультет МГУ. В 1993-1999 гг. состояла в руководстве Международной федерации библиотечных организаций (ИФЛА), была первым вице-президентом Федерации. Является членом Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, Президентом программы ЮНЕСКО «Память мира», Директором Института толерантности.

Интервью с Екатериной Гениевой

- Екатерина Юрьевна, несмотря на дефицит времени и занятость, Вы уже не в первый раз приезжаете на фестиваль «Пушкин в Британии», чтобы принять участие в работе большого жюри. На Ваш взгляд, для чего нужны такие фестивали?

- Такие фестивали нужны, чтобы поэзия была жива, чтобы поэты росли и чтобы в зарубежье, где русский язык существует на таких вольных условиях, он продолжал существовать если не на Пушкинском уровне, то, во всяком случае, приближаясь к нему.

- Поэты, которые приезжают в Лондон, отличаются от российских поэтов?

- Я думаю, и да, и нет. Потому что есть поэты очень хорошие и есть поэты не очень хорошие. Есть поэты замечательные и есть поэты средние. Есть поэты плохие и есть поэты совсем плохие. Если подходить к этому под углом арифметических пропорций, то можно сказать, что в России есть имена и более известные, и более яркие, чем имена тех, кто приезжает сюда, но от этого достоинство фестиваля «Пушкин в Британии» не уменьшается. Скажем, Наташа Резник, которой в этом году единогласно присудили первую премию, и не простую, но как «Лучшему поэту десятилетия», – пример того, как вместе с уровнем фестиваля растёт поэт. Поэтому, если Александр Сергеевич Пушкин говорил, что переводчик – это почтовая лошадь просвещения, то фестиваль – это почтовая лошадь мастерства.

- Екатерина Юрьевна, а насколько высок уровень поэтов приехавших на фестиваль в этом году? Вам есть, с чем сравнить.

- Да, мне есть, с чем сравнить, и я совершенно не лукавила, когда говорила, что нам, членам жюри, было трудно потому, что нам не хватило наград. На самом деле, если бы мы могли ещё что-нибудь такое придумать, то дали бы ещё одну премию, и ещё одну, и ещё одну... Это говорит само за себя. Если помните, то предыдущий год был несколько вяловатый, нам было трудно найти такие отчётливо-яркие имена и явления, как в этом году, но я не думаю, что это связано с десятилетием, скорее – с движением фестиваля «Пушкин в Британии» в целом.

- Понятно, что по кандидатуре Наташи Резник, как было сказано, вопросов не возникло и решение о присуждении ей первого места было единодушным. Скажите, а Ваше мнение по распределению остальных призовых мест совпало с мнением большинства в жюри или были какие-то разногласия?

- Моё мнение – да, отчётливо совпало. Я повторяю, что если бы у нас была возможность отметить четвёртое, пятое, шестое призовые места, то, наверное, я бы ещё какие-то имена назвала. Сейчас их называть не обязательно. Это, скорее, для

разбора полётов. Но когда я говорила, что мы волнуемся, все волнуются, – это оттого, что, на мой взгляд, большой разницы и нет – второй или третий, по чести сказать... Отмечу, что специальная премия Ланину была связана с тем, что всего три премии, а хотелось, чтобы их было больше.

- Да, чувствуется, что Вам было так же тяжело сегодня, как и публике в зале.

- Да, непросто, я скажу, непросто...

- Скажите, пожалуйста, а что для Вас было важно в работах конкурсантов?

- Мне лично была важна ясность слова, отчётливость интонаций и серьёзность отношения к тому, о чём пишут. Чтобы не было поэтического забалтывания смысла. Образно говоря, чтобы не стучали словами об стол, как выразился один мудрый человек. И, конечно, моя общая претензия ко всем – ужасно читали. Ужасно! Не читали, а невнятно бормотали себе под нос... Я вообще не понимаю, что и как зал мог слышать! Мы, сидя здесь, и то плохо слышали. Можно, разумеется, сказать, что и Бродский бормотал себе под нос, но он хотя бы бормотал членораздельно, и вообще, ему, может, была позволена любая манера. Я предложила Олегу – давай мастер-классы проведём, научим, как вообще читать надо... На самом деле, манера чтения не очень влияет на впечатление, но всё-таки, конечно, влияет, мы же все люди, и когда не понятно, про что человек вообще говорит, это вызывает некоторое внутреннее раздражение, как бы себя не смирять...

- И, в заключение, что бы Вы хотели пожелать фестивалю?

- Знаете, я бы в первую очередь хотела пожелать не фестивалю, а его организатору. Олег – большой молодец, он предан тому, что делает. Он действительно вкладывает в это дело себя и все свои возможности, и привлекает различные силы. А фестивалю я могу пожелать, чтобы он рос, чтобы получил ещё больше внимания со стороны тех, кто его поддерживает. Чтобы члены жюри были серьёзными, ответственными, чтобы сознавали, что они несут серьёзную и личную ответственность за это действо. Пожелаем ещё, чтобы Александру Сергеевичу Пушкину было, скажем так, приятно на этом фестивале. Хотела сказать, «не тошно», думаю, что ему и вправду не тошно! Вы знаете, сегодня я поймала себя мысли... Ну, понятно, почему мы в этой церкви проводим фестивали, ведь церковь известна тем, что в свое время привечала поэтов Лондона. В этом ощущается некая мистическая связь – между Пушкиным, поэтами, этой церковью и Россией. Точнее не смогу, наверное, определить. Сегодня, когда слушала кого-то из выступающих, не помню кого именно, я подумала: ведь Господь Бог не дал Пушкину стать убийцей, в этом есть перст providения. Ну, вот, яснее сейчас не скажу. На следующий год, быть может, скажу.

- Спасибо большое Вам и за Ваш труд, и за это интервью.

Лондон. 09.06.2012.

Залман Шмейлин

Мельбурн, Австралия

Участник фестиваля, финалист Галатурнира.

Автор стихов, рассказов, очерков, эссе.

Представитель медийной группы газеты «Интеллигент» на территории Австралии.

Печатался в местных и зарубежных периодических русскоязычных изданиях.. Публикации: журнал «Острова» НЙ; сборник «Пушкин в Британии» 2007, альм. «Альбион», альм. «Лауреат»; альм. «Автограф» г.Москва, журнал «Дон» г.Ростов, альм. «Австралийская мозаика» г.Сидней, альм. «Витражи» г.Мельбурн.

Лауреат поэтических конкурсов, финалист лондонского Турнира поэтов «Пушкин в Британии» 2007. Автор стихов, рассказов, очерков, эссе. В 2012 г. вышла книга поэзии и прозы «На костре своих строчек...». Член правления МСП «Новый современник». Президент литературного объединения «Лукоморье» г. Мельбурн.

Интервью с Залманом Шмейлиным:

- Залман! Я знаю, что вы являетесь представителем газеты «Интеллигент» в Австралии. Как давно Вы начали сотрудничество с «Интеллигентом»?

- Около полугода тому назад. С тех пор, как там начала работать Наташа Крофтс. Она нам рассказала о газете. И тогда я лично связался с Сергеем Пашковым. Потому, что у нас в Мельбурне уже около семи лет существует большое литературное объединение «Лукоморье», председателем которого я являюсь. В нём – около четырёх десятков прозаиков и поэтов. Конечно поначалу была разная публика, в том числе и полупишущая. Но за семь лет многое изменилось: кто-то отсеялся, а на их место пришли молодые, полные сил, пишущие люди. И в этом году, например, от нас уже четверо поэтов подавали заявки сюда, на турнир «Пушкин в Британии». Правда прошёл только я один, хотя считаю, что вполне достойна выхода в финал была Инга Даугавиете. Кроме того, теперь мы издаём и свой литературный альманах «Витражи».

- Да, я видела публикации Инги в «Интеллигенте». А как Вы находите авторов для этой газеты?

- Я предлагаю для публикации только членов нашего литературного объединения.

- Скажите, Залман, а Вам интересно сотрудничать с газетой «Интеллигент»? Почему?

- Да, конечно! Во-первых, нравится редакционный состав. Там много моих знакомых. и есть очень уважаемые и

талантливые люди. Поэтому и интересно сотрудничество. Кроме того, они как-то неожиданно появились, никто их не знал раньше, и я так полагаю, что это говорит о явном таланте организаторов. Иначе бы они не сделали то, что сделали. И газета приличная потому, что в ней собираются приличные авторы. Во всяком случае, мои ребята читают с удовольствием не только наши подборки, но и в целом газету. Конечно, в этом большая заслуга Наташи Крофтс. Она очень активно там работает. У неё прекрасный вкус, и я её вкусу доверяю. Кстати, она, ведь, так же сотрудничает и с нашим альманахом «Витражи». Наташа Крофтс у нас – редактор раздела переводов. И атмосфера у нас такая же, как и атмосфера здесь, на фестивале «Пушкин в Британии» – все, как родственники, как друзья, и это радует. Кстати, мы же в своём альманахе напечатали подборку всего редакционного состава газеты «Интеллигент». То есть, все члены редакции этой газеты в моём альманахе «Витражи» представлены, как авторы. У нас есть специальный раздел. Он так и называется «Проект «Интеллигент».

- Залман, спасибо Вам большое за все тёплые слова, сказанные в адрес «Интеллигента». Будем надеяться, что и дальнейшее сотрудничество будет обоюдно не менее интересно. Вдохновения Вам и всем авторам «Лукоморья»!

Лондон, 07.06.2012

Максим Амелин

Член жюри.

Современный русский поэт, переводчик, литературный деятель. С 1991 по 1994 год учился в Литинституте, в семинаре Олеси Николаевой. Печатался в «Новом мире», «Знамени», «Арионе» и других толстых журналах. Автор книг «Холодные оды» (1996), «Dubia» (1999), «Конь Горгоны» (2003), «Гнутая речь» (2011). Переводчик античной поэзии («Лирика» Гая Валерия Катутла, «Приапова книга», «Победные песни» Пиндара). Автор ряда статей и эссе о поэтах и поэзии. Лауреат Антибукеровской премии (1999) и премии журнала «Новый мир». Лауреат Большой премии «Московский счет» 2004 года. Лауреат премии журнала «Знамя» по итогам 2010 года. Лауреат премии «Человек книги» (2011), как главный редактор.

Интервью с Максимом Амелиным

- Максим, Вы в первый раз в жюри фестиваля «Пушкин в Британии», и это как раз пришлось на юбилейный для фестиваля год. Какие впечатления?

- Впечатлений много. Прежде всего, поразил довольно высокий уровень пишущих по всему миру наших бывших людей. В метрополии уже такого нет. Я с удовольствием слушал конкурсные выступления. Конечно, кто-то выше, кто-то ниже, но в целом — впечатляет.

- Скажите, на Ваш взгляд, чем фестиваль «Пушкин в Британии» отличается от российских фестивалей?

- Основное и явное отличие в том, что это всё-таки турнир и здесь собрались серьёзные люди, для которых мастерство — не пустой звук. Видно, что они работают над собой, работают над текстами. В России же сейчас, например, молодое поколение даже и не пытается это делать.

- Однако, пишущих людей очень много.

- Да, многие пишут. И поэтому меня поразил именно высокий технический уровень, который виден невооружённым глазом, множество интересных находок. Кроме того, любопытна сама форма турнира — у нас таких нет. У нас есть фестивали — а это, условно говоря, такой свальный грех, где отсутствует элемент борьбы. А где борьба, там — интрига. У нас процветает слэм, но это борьба иного рода — кто кого перекричит. Главное донести до публики — кричи, рви на себе тельняшку. Здесь ничего этого нет, здесь — поэтический турнир в чистом виде. Я впервые с подобным сталкиваюсь. На наших фестивалях, условно говоря, доминирует поза «69» — всем хорошо, и победителя нет. А если уж и есть призёры, то их назначают без участия публики и кого бы то ни было ещё. Мне нравится атмосфера борьбы, поскольку она истинно поэтическая, когда поэты выходят и читают — и результат только этим и предreshен... Конечно, поэзия — не спорт, но что-то общее всё-таки есть. Особенно любопытными мне показались поэтические задания, когда даётся строка и на неё пишутся стихи — кто куда уходит, совершенно в разные стороны.

- Скажите, Максим, а кто сегодня в России решает, кто поэт, а кто — не поэт. В чьей это компетенции?

- В атмосфере «69» всё решает дружба. Решают те, кого поэт сам считает поэтом.

- Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку?

- Именно так! Конечно, все так же существуют литературные журналы, фестивали, есть премии, но что толку? Журналы, по старой памяти, занимают охранительные позиции. Именно в них, естественно, новые люди пытаются прорваться, чтобы поставить себе галочку: вот, мол, я точно теперь законченный поэт, потому что напечатан в журнале «Знамя» или «Новый Мир» — они по-прежнему два главных российских журнала. Формально это есть. Но давно уже вменяемые люди на это не обращают никакого внимания: мало ли кто и по каким причинам напечатан в толстом журнале?! Многие прошли через фестивальное движение. Пригласить того или другого, когда «все чёрненькие, все прыгают», — решает дружба. Поэтические премии — наиболее серьёзные институты, но и наименее прозрачные. Открытых конкурсов, где участвуют конкретные книги, почти нет. Только «Московский счет», пожалуй. А закрытые, как премия «Поэт», например, фактически работают по принципу директивного назначения на должность: обсуждения не предполагается, все покрыто завесой тайны.

- А какие у Вас критерии в оценке произведений? Как член жюри нынешнего конкурса, на что Вы обращали внимание?

- Для меня важно живое слово и умение со словом обращаться каким-то особым образом, какие-то поэтические навыки, которые должны быть у поэтов, неважно даже, о чем они пишут. Мне немножко не хватило здесь верлибра, — действительно, ни одного прочитано не было, и это немного странно. Всё равно, как будто в каком-то изысканном обществе нет ни одного человека нетрадиционной ориентации, например. Это в современном мире выглядит странно. Так не бывает. Ну, хотя бы один-то верлибрист должен быть. На фоне традиционного стиха свободный, может быть, даже и смотрелся бы выигрышно.

- Чтобы хотели пожелать фестивалю?

- Поисков и находок! Новых людей, молодых и талантливых. Молодых маловато, а хотелось бы, чтобы они участвовали тоже. И конечно, свежих идей.

Кембридж, 10. 06.2012

Стихи Максима Амелина

* * *

Языком эзоповым не владея,
потому что поздно учить язык,
нечестивца, вора или злодея
власть имущих – собственными привык
называть именами без оговорок,
не взирая на звания и чины,
сопричастности не деля на сорок,
не преувеличивая вины.

Обходи меня стороной, прохожий!
ибо только ноги тебя спасут, –
нет, не человеческий на них, но Божий
постоянно я призываю суд,
где защитник и обвинитель слиты
воедино, свидетель – и тот один,
пламенеют гневом Его ланиты,
свет сияет истины от седин.

Я со древа страха земного зерен
не вкушал и не пил боязни вод
кесарю назло, как бы ни был черен
или бел, – иным наполнял живот,
посему, дрожащий, как можно прытче
от меня беги, не жалея пят,
а не то, напаялив личины притчи,
за спиною хищники засопят.

Изваянию Силена в Капитолийском музее

Безымянного страж именитый сада,
бородатый, косматый, великорослый,
с переброшенной шкурою через Рамо
кососаженное,

козлоногий, задастый, парнокопытный,
многогроздую между рогов кошницу
подпирающий шуйцей, в деснице свесив
кисть виноградную, —

что печаль по челу пролегла, Силене?
Мрачноличен зачем и понуровиден?
Ах, и кто же, скажи, не стыда, не срама, —
уда заветного,

прямотою прославленного стрекала
кто лишил-то тебя? За какие вины?
Неужели твои сочтены проказы
за преступления?

Позабыт-позаброшен толпой пугливых
прежде нимф, нагловатых насмешниц ныне, —
хоть гоняйся за ними, хоть не гоняйся,
все одинаково,

ибо надо, поймавши, сражать, а нечем.
Потерявшему большее потерявшим
меньшее не наполнить обломком лона
влаготочивого, —

ни на что похотливый скопец не годен,
безоружный же муж никому не нужен,
оттого и поставлен в музеи — Музам
на поругание.

* * *

Стихи ли слагаю, Венеру
ласкаю ли, пью ли вино, –
во всем осторожность и меру
всегда соблюдать мне дано:

ни жизни под юбку не лезу,
не хлопаю смерть по плечу;
богатством подохнуть Крезу
Лидийскому я не хочу;

чураясь и хлада и глада,
я чту и тюрьму и суму, –
чужого куса мне не надо,
но свой не отдам никому.

Короче, не будь я поэтом
по воле поющих небес,
не в том преуспел бы, так в этом,
где важен порядок и вес.

* * *

Откуда что берется? - Никогда
мне не был свет так нестерпимо ярко. –
Гори, гори, сияй, моя звезда,
мой ветром растревоженный огарок!

Еще не зверь, уже не человек,
покрыт непроницаемой корою,
что прозреваю сквозь смеженных век,
в том утверждаюсь, только веки вскрою.

Спасения иного не дано
от внутренних и внешних прей и браней:
не веселит забвения вино,
не насыщает хлеб неупований.

Дороже свой, пусть скромный, но уют
для каждого, – в цепи единой звенья:
живые смерти равнодушно ждут,
а мертвые не чают воскресенья.

Ирина Акс

США, Нью-Йорк

Член жюри, участник супертурнира

Королева турнира поэтов «ПУШКИН в БРИТАНИИ» 2011. Родилась в Ленинграде (Петербурге), сейчас живет в Нью-Йорке. Стихи сочиняет с детства, публикуется с 17 лет, выпустила две книги стихов, участвовала в сборниках и альманахах: «Земляки» (Москва), «Неразведенные мосты» (Петербург), «Нам не дано предугадать» (Нью-Йорк), «Галилея» (Иерусалим), «Тайвас» (Хельсинки), «Гайд-Парк» (Лондон), «Эмигрантская лира» (Брюссель), «Откровения» (Голландия) и др. Является одним из организаторов ежегодного нью-йоркского поэтического фестиваля и клуба «ПоэтФест».

Интервью с Ириной Акс

- Ира, ты на фестивале «Пушкин в Британии 2012» находишься в уникальной роли: ты – и полноправный член большого жюри, и участница супертурнира «Поверх барьеров», и теоретически имела право на выступление в Гала-Турнире в качестве участника, как и все победители прошлых лет. Что тебе больше по душе? Какая ипостась тебе интереснее?

- Ну, интереснее, конечно, выступать. И честно сказать, у меня было сначала желание отказаться сидеть в жюри и, всё-таки, выступать в Гала-турнире. Но в тот момент, когда я должна была решать, что выбирать – я ж не могу и то, и другое, правильно? – вот, тогда было принято такое решение, что участники «Поверх барьеров» не могут состязаться и в Гала-турнире, чтобы не сбивать людей с толку. Ну, думаю, раз за меня решили, то тогда я буду в жюри. Вот смотри: в Гала-турнире вчера выступала Наташа Резник – и совершенно справедливо победила, в жюри даже и спора о ней не было. И вот она сегодня, в супертурнире, читала очень хорошую подборку. Вчера я смеялась: «Наташка, ты поедешь на Бали два раза», – потому, что сегодня не было никого, кто бы от неё очень сильно оторвался вверх, и, таким образом, ситуация, что Наташа и сегодня оказалась бы лучшей, была вполне реальна.

- Да, есть вероятность, согласна. Ира, а, вот, если сравнивать два конкурса – вчерашний Гала-турнир и сегодняшний «Поверх барьеров», то уровень какого из этих конкурсов, на твой взгляд, выше?

- Это достаточно сложное сравнение потому, что если говорить о сегодняшнем турнире, то это – люди, которые выступают достаточно профессионально. Они все прекрасно держатся, прекрасно читают, на них приятно смотреть. А вчера все читали по-разному, но и участников в целом было больше. Хотя, вчера тоже очень сильный состав был. Ведь, гала-турнир – это не просто так, это – призёры прошлых лет. Это, конечно, высокий уровень. В любых творческих турнирах первое место от третьего отличается незначительно. Поэтому первые места разных турниров или места с первого по третье

на таком серьёзном турнире, как «Пушкин в Британии», куда съезжаются лучшие силы, примерно одного уровня. Нам было трудно судить.

- А что ты лично искала в работах победителей, на что обращала внимание?

- Неважно, нахожусь ли я в жюри или просто читаю чьи-то стихи, для меня существуют два основных критерия оценки – очень важна внятная авторская позиция и концентрированный текст. Я очень не люблю, когда много и красиво. Я запросто могу много-много и красиво-красиво. И все могут. Если, конечно, есть какой-то уровень ремесла. Но ведь если ремесла нет, то это вообще читать не стоит. И уже из тех, у кого имеется уровень ремесла, я выбираю только тех, у кого есть внятный авторский голос, кто может сказать только то, что находится исключительно в его и больше ни в чьей голове. Вот именно это – достойно и интересно. И это – то, что я буду читать. Если человек на редкость красиво сказал то, что в соседнем сборнике сказал другой человек, я не буду читать ни одного, ни другого.

- Ир, у тебя уже есть опыт работы с газетой «Интеллигент»...

- Ещё какой!...

- Расскажи, с чего начиналось, что ты знаешь о газете? Интересно ли было?

- Всегда интересно! Началось моё знакомство, как и моё сотрудничество с «Интеллигентом» ещё тогда, когда газета называлась «Провинциальный Интеллигент 1» и не было ещё газет «Интеллигент СПб», «Интеллигент Москва», «Интеллигент Нью-Йорк», когда ещё тот, старый, проект, был... И я помню, что тогда у меня вызвала сомнения и насторожила такая декларация: «Мы всем дадим сказать». Я подумала, какой ужас, сколько же этого всего и на бумаге, и в газетах, и в интернете... Им всем дают сказать. Боже мой! Хочу ли я это всё услышать?! А потом я начала смотреть и поняла, что не так всё однозначно, что есть кто-то там, за кадром, кто так аккуратно не допускает того, чего не следовало бы читать. А декларация эта для того, чтобы немножечко воодушевить, вдохновить тех авторов, которые могли бы и хотели бы по-

Окончание на стр. 10

Продолжение. Начало на стр. 9

слать туда свои работы, но не станут, потому что «никого там не знают в редакции». Мы же все в курсе: «самотёк» никто не читает. Это бесполезно – посылать рукопись от безвестного Вани Сидорова в журнал или газету. Я в 14 лет уже знала, что посылать рукописи в журнал смысла нет. Пока тебя никто не порекомендовал, тебя никто и читать не будет. И тут вдруг я обнаружила, что в «Интеллигенте», по крайней мере пока нет лавины, вроде, как читают... То есть, я не по себе сужу потому, что у меня как раз получилось так, что со многими из медийной группы «Интеллигента» я была знакома лично: с кем-то, как, например, с Сергеем Пашковым – заочно, с Наташей Крофтой и с Ниной Большаковой мы лично встречались и даже дружим. Но я вижу, что региональные представители «Интеллигента» читают всё то, что им посылается. Это – позиция. И вообще, периодически читая интернет-версии разных газет, я могу сказать: если сегодня выбирать, какую из электронных газет читать, так это – «Интеллигент», а не, к примеру, сегодняшняя Литгазета. Особенно, если вспомнить, какой «Литературка» была 30 лет назад, и сравнить с тем, что мы видим сейчас, сравнить ее нынешнюю политическую и гражданскую позицию – с той, прежней... Ничего личного, я публиковалась и в «Литературке» не так давно, и я этим горжусь, честно.. И всё-таки как читатель я делаю свой выбор в пользу газеты «Интеллигент».

- Да, согласна! Ир, спасибо за интересную беседу. Будем надеяться и на дальнейшее интересное сотрудничество.

10.06.2012, Кембридж

Стихи Ирины Акс

* * *

*Правилу следуй упорно:
чтобы словам было тесно, мыслям — просторно.
(Н.А. Некрасов)*

Слова, слова... им тесно в плотном тексте,
они едва вмещаются в строку!
А мысли - те изюминками в тесте,
и им просторно, как в степи жуку...

По части мыслей автор - не Овидий.
Ну, просто бог не дал! Так что ж с того?
Слова же - в тесноте, да не в обиде,
а в споре побеждает большинство!

* * *

Стихи - нужны! Не всем. И не всегда.
Однако в мире густонаселённом
поэзия - не хлеб и не вода,
но - водочка с огурчиком солёным!

* * *

А есть у жизни смысл?

Хвала судьбе:

пока хватает мужества тебе
дышать и делать вид, что ты - поэт,
узнав неутешительный ответ...

* * *

Барри Вершову

Нас - тысячи... нас - тьмы, и тьмы, и тьмы,
чей навык виршеплётства безупречен,
но скромным строчкам знаем цену мы.
Идём-бредём забвению навстречу...

Увы, но предстоит нам пережить
негромких строф локальную известность.
“Я - памятник себе”? Прости за честность,
но наша бронза - просто муляжи.

* * *

Поэты делят лавры... всякий раз
доходит не до драки - так до ора...
Над ними в облаках парит Пегас,
даря их конским яблоком раздора.

О самодостаточности

Я не жду ни славы, ни награды.
Я - поэт непризнанный. И пусть!
Вы меня не цените? - Не надо!
Не прочтёте? - Ну и обойдусь!

Не тревожу, братцы, никого я,
сам себе прочту свой новый стих...
В зеркале меня обычно двое,
и без вас мы выпьем на троих!

литературоведческое :)

*«...страшно перечесть...»
(А.С. Пушкин)*

Я — не то что всякий Тютчев
или эти — как их? — барды.
Я — изысканней и круче:
я — поэт пост-авангарда!

Скажем, в тему сдуру въеду,
перечту — сойду с ума я:
без ли-те-ра-ту-ро-ве-да
сам себя не понимаю!

ПОБЕДИТЕЛИ И ПРИЗЁРЫ ГАЛА-ТУРНИРА

Резник Наталья

Боулдер, США

1-ое место, Королева Королей поэтов, лучший поэт десятилетия в русском зарубежье

Родилась в Ленинграде, закончила Ленинградский политехнический институт. По образованию – инженер. С 1994 года живёт в США. Пишет стихи и короткую прозу. Занимается литературным переводом. Неоднократный лауреат турниров «Пушкин в Британии». Призёр таких конкурсов, как «Эмигрантская лира» и «Болдинская осень в Одессе». Публиковалась в журналах «Фонтан», «Невский альманах», «Чайка», «Иностранная литература», «Интерпоэзия», «Пролог», «Окно», «Нева» и других изданиях. Автор стихотворного сборника «Я останусь» (Центр книги Рудомино, Москва, 2011)

Синяя Борода

В деревне у нас говорили, что я горда,
Независима, свободна и весела,
Пока не пришел Синяя Борода,
Сказал: «Пошли со мною.» И я пошла.
Он запер меня в своем огромном доме,
Приходил иногда ночами,

как муж к жене.

Он делал со мной такое, что никому
Я б не позволила в самом

кошмарном сне.

А потом он себе другую найти решил,
Потому что был молод еще

и вполне здоров,

И однажды ночью он меня задушил
И сбросил около дома

в глубокий ров.

Нас тут много таких,

мы частенько его честим:

Мол, маньяк и убийца

без совести и стыда.

И сумел же вокруг пальца

дурочек обвести,

Вот если б опять,

то мы бы с ним никогда!

Я тоже в этом клянусь

на чужой крови,

Которая с грязью смешалась

в проклятом рву,

Но если придет и скажет он: «Оживи»,

Клянусь, что в ту же минуту я оживу.

Невский

Невский состоит из шумов
и обрывков слов,
Толпы, автобусов, машинных гудков.
Я лечу по нему над тысячами голов,
Над устойчивой враждебностью
трех веков.

Я чужая здесь, быть не могу чужей,
Боюсь, что меня давно выдают уже
Голос, глаза, нос, форма ушей
И запись ужасная
в паспорте - «ПМЖ».

Я волос, как сказал поэт,
не брала у ржи,
Я вообще легко приживаюсь
в любой среде.

Мне всё равно, всё равно,
всё равно, всё равно, где жить.
Но я не могу родиться больше нигде.

* * *

В детстве мне сутулиться
Мама запрещала,
И Тверская улица
Вся по швам трещала,

Если неуверенно
Я по ней гуляла,
Если вдруг, как велено,
Плечи расправляла.

Все валилось, рушилось,
На куски ломалось
Там, где неуклюже я
Просто распрямлялась.

И чужие стены я
Походя разбила.
Места мне, наверное,
Слишком мало было.

И ещё раз о своём

Глядя с ненавистью классовой
В прорезь узкого прицела,
Ах, зачем Марютка Басова
Застрелила офицера!

Брак бы мог у них наладиться
Комсомольского замесу,
И Марютка бы, красавица,
Превратилась в поэтессу.

Жили б тихо, ждали пенсии
И детишек бы растили
До тех пор пока репрессии
Их обоих не скрутили.

Их сгноила бы наверное
Наша славная держава,
Если бы Марютка нервная
На курок бы не нажала.

Зря, Марют, кровопролития,
Зря мучения людские.
Торопила ты события.
Все мы, женщины, такие.

Всю себя за полмгновения
Вожделением измучишь.
Наберись, балда, терпения -
То же самое получишь.

ПОБЕДИТЕЛИ И ПРИЗЁРЫ ГАЛА-ТУРНИРА

Галамага Андрей

Нова Горица, Словения

2-ое место, Вице-Король Королей Поэтов русского зарубежья

Родился 23 ноября 1958 года в городе Воркута, в Заполярье. Закончил Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. В своей жизни сменил множество профессий. Работал литературным консультантом, редактором, дворником, монтажником-высотником, столяром и певчим в церкви, директором по рекламе в крупной компании, руководителем типографии, тележурналистом, монтировщиком и осветителем сцены в театре.

Автор пяти книг стихотворений: «Из книги стихотворений», 1989; «Русские ночи», 1993; «Формула странника», 2002; «Кареглазый ангел», 2007; «В трёх часах от Гринвича к востоку», 2010, нескольких пьес, киносценариев и песен к кинофильмам.

Венеция

Железная дорога — ferrovia
(Дословный итальянский перевод) —
Простуженной январскою равниной
Опять меня в Венецию везет.

Погода нынче выдалась не очень,
Но, впрочем, я другой не ожидал;
И через мост, ведущий

в Санта Кроче,
Я, молча, перешёл Большой канал.

Здесь солнца в эту пору —
кот наплакал,
У улочек-каналов бледный вид;
И взвесь из миллиона пресных капель,
Едва колышась, в воздухе висит.

Непрошеному визитеру тошно
По городу бродить в такие дни.
И лишь немного утешает то, что
Погода — настроению сродни.

Но, чтоб поездка не пошла насмарку,
И было, чем похвастаться потом,
Иду через Риальто до Сан-Марко
Обычным туристическим путём.

Вальяжные паломники со стажем
Всех, кажется, немислимых мастей.
И вот уже не раздражает даже
Навязчивая свора голубей.

Пора бежать, пока не утомили
Дурные мысли, невозможный сплин.
Какие дожди?! Господи помилуй!
Когда ты здесь — в Венеции — один!

Меж небом и землей посередине.
Нарочно, что ли? Сам себе назло?
И, как стеклянный шарик

в глицерине,
Не вешишь ровным счётом ничего.

* * *

Снег порциями опускался вниз,
За уцелевшие цепляясь листья,
В отчаянье смягчить антагонизм
Крестьянина и автомобилиста.

Мир замерзал. Но город, как ковчег,
Сквозь зиму проплывал напропалую,
Доказывая, — двадцать первый век
Не так уж страшен, как его малюют.

Я научился различать вполне
Понятия сомнительного толка.

Но всё, что было век назад в цене,
С тех пор не обесценилось нисколько.
Стремиться к цели, голову сломя,

И умереть от старости в постели...
Нет, чтоб из-за любви сойти с ума

Или за честь погибнуть на дуэли!
Смерть оказалась мне не по уму,

Ума я мог легко лишиться сдуру,
Но уцелел. Возможно, потому,

Что слепо был привержен Эпикуру.
Снег опускался вниз, не торопясь,

Никак не добираясь до итога;
И к ночи над Москвою разнеслась

Неясная воздушная тревога.
Сгушалась мгла, скрывая без следа

Весь город — от Лефортово
до Пресни;

И граждане сновали кто куда
От головокружений и депрессий.

И только, не задетый кутерьмой,
Пёс-поводырь вёл за собой слепого.

Так наступал две тысячи седьмой
По счёту год от Рождества Христова.

Баллада про двери

(Из мюзикла «Вий»)

Видно, все премудрости не впрок нам,
А тем паче, если кто упрям;
Я всегда был равнодушен к окнам,
И питал пристрастие к дверям.

Время не торопится меняться.
Скажем, вор, что раньше,
что теперь,
Норовит тайком в окно забраться,
А хозяин входит через дверь.

И в лесу пустом и одиноком
Можно, чтоб укрыться от зверей,
Наскоро поставить дом без окон,
Но нельзя оставить без дверей.

Все мы чересчур несовершенны,
Бог — за нас, но и соблазн — силен;
Слишком часто нас глухие стены
Окружают с четырёх сторон.

Грех роптать на чью-то злую прихоть,
Коли жизнь — ни две, ни полторы.
Будет дверь — отыщется и выход
Даже из безвыходной игры.

Но однажды — дверь запрут снаружи
На железный кованый засов.
Я решу, что никому не нужен,
И погибну там, в конце концов.

И не всё ль равно, во что я верю;
Только спор останется за мной,
Я умру перед закрытой дверью,
А не под бессмысленной стеной.

ПОБЕДИТЕЛИ И ПРИЗЁРЫ ГАЛА-ТУРНИРА

Юдовский Михаил

Франкенталь, Германия

3-е место, Герольд Герольдов Поэтов русского зарубежья, победитель поэтического слэма в Посольстве РФ, обладатель Приза зрительских симпатий

Родился 13 марта 1966 года в Киеве. После школы учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. Два года отслужил в армии, на Дальнем Востоке. С 1989 года – свободный художник. Первую книгу («Приключения Торпа и Турпа») написал в соавторстве с Михаилом Валигурой. Книга была издана в 1992 году в издательстве «Эссе». В том же 1992 году переехал в Германию. Впрочем, остаётся гражданином Украины, где бывает очень часто. Выставлял свои живописные работы в странах СНГ, Европы и Америки. Поэзию и прозу автора публиковали в Украине, России, Германии, Англии, Израиле, Австралии и США. В 2009 году в Украине вышла книга М. Юдовского «Поэмы и стихи». М. Юдовский участвовал в турнирах «Пушкин в Британии» (2009 – третья премия и приз зрительских симпатий; 2011 – приз зрительских симпатий), «Эмигрантская лира» (2009, Брюссель, приз зрительских симпатий, приз за Магию Слова) и «Активация слова» (2011, Киев, первая премия).

* * *

Звени бубенчиками, Тиль,
Светло и громко.
Краюху хлеба и бутыл
Хранит котомка.
Глотая дождь, глотая пыль,
Глотая вьюгу,
Звени бубенчиками, Тиль,
На всю округу.
Иди, не ведая куда –
Чего бояться?
Свистят дрозды, поет дуда
В руках паяца.
Весенний воздух нежно груб
И обездвижен,
И валит дым из стройных труб
Веселых хижин.
Пора забыть о холодах,
Когда веками
Топили печи в городах
Еретиками.
Живое, пушено под сруб,
Лишилось боли.
Твой мир, обглоданный, как труп,
Чернеет в поле.
Не оперевшись на костыль,
Не ступишь шагу.
Звени бубенчиками, Тиль,
Дуди в баклагу.
В тебе никто не обличит
Единоверца.
И пепел Клааса стучит
В чужое сердце.

Леда и лебедь

Как странно событий
плетется клубок –
Рокошущий гром превращается
в лепет.

Погладь мои перья –
я больше не бог,
А просто влюбленный
до нежности лебедь.

Повесив, как шляпу, сияющий нимб,
Я лгну к тебе шеей, коварная Леда.
Смотри – громовеж

оставил Олимп

Для тихого счастья и теплого пледа,

Тисненных обоев и кремовых штор,
Горячего кофе, хрустящего хлеба.
И свод потолка закрывает простор
Холодного неба, забытого неба.

Мосты догорают, оборвана нить,
Душа моя стала покорной и кроткой.
Не хочется петь мне,

но хочется пить

Из рук твоих, сложенных
маленькой лодкой.

Я нежно глупею. Домашний, ручной,
Как долго тебе я понадоблюсь, Леда?
Виною всему помутнение и зной
Смертельным угаром чадающего лета.

От брачного ложа дорога к одру
Короче, чем путь от греха до огласки.
Не здесь мое место. Я скоро умру
От этой невнятной щекошущей ласки.

Я, видимо, скверный
раздатчик долгов.

Мы склеить пытались
свои половинки,
Но самый могучий из древних богов
Не сможет себя одолеть в поединке.

Прости. Я сдаюсь в
несуразной борьбе
И, радостно хлопнув
невидимой дверью,
Опять исчезаю, на память тебе
Оставив мои лебединые перья.

* * *

Холмов неровные ступени,
Небес развернутая карта.
Земля, пятнистая от тени,
Глядится шкурой леопарда.
Простимся с выученной ролью,
Пока не сыщется иная,
Неприхотливое застолье
Неторопливо начиная.
Бутыл вина, буханка хлеба.
С немного вычурною страстью
Зевает утреннее небо
Огромной розовою пастью.
Приятно жизни чуть касаться,
Где всё измучено борьбою –
От неумения казаться
До нежеланья быть собою.
Во что нам нынче превратиться?
Не соблазнившись чем-то новым,
Ты станешь яростною птицей,
Я стану нежным птицеловом.
Благословить мгновенья эти
Велят природа и обычай –
Нет большей близости на свете,
Чем между ловчим и добычей.
И тем, должно быть, мы
похожи,
Что сущность выявив нагую,
Мы оба сбрасываем кожу,
Не нарастив себе другую.

ПОБЕДИТЕЛИ И ПРИЗЁРЫ ГАЛА-ТУРНИРА

Матушевский Михаил

Раанана, Израиль

Приз имени Риммы Казаковой «За лучшее стихотворение о любви»

Родился в 1947 г. на Волге, в Куйбышеве. Там же окончил Куйбышевский Политехнический институт и защитил диссертацию по теплотехнике. Стихи пишет со студенческих времён. С 1990 года живёт в Израиле. Автор книги «Нет причин возвращаться».

Одесские сны

*Как дай вам Бог
любимой быть другим
А.С. Пушкин*

Каштаны выбиты из крон
дождём и мокнут под ногами,
а я туда же возвращён
где строк и времени наклон
предполагали быть стихами.

Раскрепощён, но не крещён
в хорошем смысле не обрезан
быть может, это ни при чём,
но взгляд с рожденья просветлён
синеющим за Волгой лесом.

Порой (не иногда) порой
дождливой, слякотной, хрипящей
как прежде бродим мы с тобой
и дождь уже не золотой
стекает струйкой холодающей

и листья жухнут и трава
их вечный путь всё так же внове
и всё, что делится на два
легко вмещается в слова
в размер пульсирующей крови.

Пусть в этот век, излишне злой
не нежность ценится, а фитнес
пусть называется “отстой”
всегда бесприбыльный, простой
любви бесприкрытый бизнес

каштанов жареных дымок
легко летит, с дождём сливаясь,
а память вяжет узелок
и я твержу “как дай Вам бог”
в заглавной букве ошибаясь.

* * *

А только прежде грусть была сладка.
Чем безмятежной жизни не примета?
Ну, ждать звонка,
сходить с ума слегка
Крутить сто раз любимую кассету

Услышав натяжение в проводах
Порывов ветра, дождь узнав по стуку
К кровати детской
подходить впотьмах
И щупать лоб, прикладывая руку

На “три” и “девять” стрелки у часов
Не на кресте — во времени распяты
Мы прошлым счастливы.
Хватило бы даров
Его для будущего,
то есть для расплаты

Потерям вслед беспомощны слова
Раскаянья и слёзы — в той же мере
И повторив бессчётно раз - “жива”
Я столько же глотаю вкус потери

Всё уже круг. И всё бледнее тень
От лампы, претендующей на “ретро”
Ещё один не твой отсчитан день
И ночь, и дождь, и все порывы ветра.

Никто судьбы не знает наперёд,
Но набирает горечь грусти плод.

* * *

Я хотел бы вернуть эти дни
или просто вернуться
В чёрно-белое фото
с причёской семнадцати лет

Спит квартира и пенка
варенья на блюде
Застывает навеки следами
горячих поллюций
Добавляя в финал поцелуя
упавший берет.

Холодеющей осени
с яблочным хрустом дыханье
Я хотел бы вернуть,
а перчатки забыть на скамье
Дольше встречи самой обнимающий
миг расставанья
Крупной вязки
(тогда было модно вязанье)
Узелки и тепло помнят пальцы.
Как буквы в письме

Мы с тобою близки.
До глобальных дожив потеплений
Хорошо вспоминать, если
нет для забвенья причин
Если тяжесть мгновенных
годов и тягучих мгновений
Я подбросив верну,
как заправский циркач на арене
Не забыв улыбнуться,
а после принять аспирин.

Не вернуть, не вернуться.
Но это и к лучшему даже
Зная всё, что случится
на нашем прожитом веку
К этой вечной гравюре
из белого снега и саж
Где нельзя ничего изменить
без спасительной фальши
Припадаю опять, как
беспечный младенец к соску.

ПОБЕДИТЕЛИ И ПРИЗЁРЫ ГАЛА-ТУРНИРА

Ланин Александр

Франкфурт-на-Майне, Германия

Обладатель специального приза жюри.
Победитель конкурса экспромтов.

Родился в 1976 г. в Ленинграде. По образованию математик. В настоящее время живёт и работает в Германии, во Франкфурте-на-Майне. С середины 1990-х гг. пишет стихи. Победитель литературного конкурса «Пушкин в Британии-2010» в номинациях «Приз зрительских симпатий» и «За лучшее стихотворение о любви». Призёр поэтических конкурсов «Эмигрантская Лира» и международного конкурса молодых поэтов «Ветер Странствий».

Как денди лондонский одет...

Как денди лондонский одет,
Ходячей пушкинской цитатой,
В годах, чинах и бороде
Он шёл по выцветшей воде,
Едва подкрашенной закатом.
Провален роршаховский тест –
Ни капли смысла в пятнах судеб.
Он так и не увидел судей –
Жорж Шарль де Геккерен д'Антес.

Кавалергарда долог век
Назло грядущим беллетристам.
Он был самцом и карьеристом,
Удачу мерившим на вес,
И не количеством словес,
Но денег, титулов, регалий.
К посеву вовремя успев,
Он жал положенный успех.
Бог не бывает поругаем.

И смерть, прелестна и нага,
Обняв невольного курьера,
Шепнёт, что вся его карьера
Уже измерена в шагах –
Шагах по снегу до барьера.
За честь почесть или за стыд
По ту ли сторону, по эту
От гроба русского поэта
Обрубком имени застыть?

Сенатор, мэр, осведомитель,
Не обернувшийся назад,
Где ангел, видимо хранитель,
Упорно отводил глаза,
Он шёл и знал, что будет за:
Агент небесного полка
Заглянет в рот и скажет «годен».
Он шёл прямее, чем строка.
И только правая рука
Слегка саднила к непогоде.

* * *

А в небе летят слоны...

А в небе летят слоны.
Невиданной белизны,
Неслыханной новизны –

Не вестники не весны.

Невестами кучевых
Да перистых облаков,
Перинами париков,
Прострелами стариков.

Прости, я и сам таков.

А время везёт живых
На саночках через пруд.
С пунктирами ножевых,
С провалами пулевых.

Прости, я уже привык,
Что нас туда не берут.

Слоны – они не умрут.

Прощание с французской поэзией

*– Я чувствовал, что на меня
возложена обязанность
запечатлеть лик поэта, с Олимпа
которого я похитил одну из муз.
(С. Дали)*

У Верлена болит колено.
У Бодлера опять холера.
И гоняет Нуво по венам
Каллиграммы Аполлинера.
А Рембо, в кораблину пьяный,
Удивляет толпу бояном,
Что опять у него, Артюра,
Не выходит миниатюра.

Арагону идут погоны.
И, ведомы Сюлли-Прюдомом,
Перегруженные вагоны
До Стокгольма идут паромом.
Разве только коллега Гейне
Был простой европейский гений,
Да, пожалуй, коллега Байрон,
Что бесстыже хромал по бабам.

На душе у поэта усталость ножа.
Его поза вольготна, но руки дрожат
И во сне, где покой,
и снаружи, где бой.

Только Сена скулит
sous le pont Mirabeau.

И какая-то пара бросает медяк.
И круги по воде. И круги от дождя.
Ты писал не об этом,
не надо, не ври.

На хрена тебе сдался
весь этот Париж.

Он достоин строки.
За которой строфа.

Но петля из пеньки –
не петля из шарфа.

Наши дети уже не спросят
Почему мы не лезем в прикуп.
У поэзии, как и прозы,
Непременно военный привкус.
Но одна – фронтовая сводка.
А другая – письмо из плена...
Поль Верлен допивает водку.
Не абсент же глушить Верлену.

Поздний гость на чужом обеде,
Мир похож на другого Поля,
Потому что он тоже беден,
Потому что он тоже болен.
Мир похож на того, который
Стал лицом на куске картона
И в анналы сумел к тому же
Не поэтом войти, но мужем...

«ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЁРКА»

Победителей второго тура Гала-Турнира

Шерб Михаэль

Дортмунд, Германия

Река

Он улыбнулся, снял с руки часы
И положил их временем на стол.
Потом провел ладонью по лицу,
Стирая выражение с лица.
Затем закрыл глаза
И ощутил
В ушах прозрачный бархат тишины,-
Беззвучный шепот стереоподушки.
Протиснувшись сквозь

пеструю пургу,
Он увидел себя на берегу
Реки своей души, он различал
Вдали, у устья, сумрачный причал,
Угадывал невидимый исток,
И русла нить, и спутанный клубок
Несбывшихся притоков, рукавов,
Жгуты плотин и раны островов.
Стоячих вод тягучая тоска,
И темный ил, и звездочки песка,-
Река жила. С подвижностью теней
Другие реки отражались в ней,
Чужие проступали времена,
Чужие судьбы достигали дна.
Он снова видел спутанный клубок
Течений; закипающий поток
Из отражений тысяч тел и лиц
Людей, зверей, камней,

растений, птиц
Свивался в нить,
в спираль, затем – в кольцо.
Рой острых брызг летел ему в лицо

И низвергался водопадом ниц,
И снова закипал потоком лиц,
Свивался в нить,
в спираль, затем в кольцо,
Из тысяч лиц творя его лицо.

Штивельман Вита

Торонто, Канада

Оттепель

Необычная эта зима.
Всю неделю подряд
в середине холодного,
злого как волк, января
длилась дивная оттепель –
шубы и шапки долой!
Солнце, лужи, – детей
не загонишь домой.

И вчера, – торопясь, на бегу,
по дороге в метро,
я застыла как вкопанная
перед чьим-то двором:
за заборчиком тонкая верба
на голой земле
распустила пушистые почки,
купаясь в тепле.

Растопырила ветки как руки –
и в небо, и вширь –
обнимает любимый,
навек оттаявший мир...
Или просто зовёт за собой –
просыпайтесь, пора!
Это здорово было.
И всё это было вчера.

А сегодня – мороз по сезону,
на весь белый свет.
Минус двадцать четыре,
как мне сообщил интернет.
Бестолковая верба – забыла,
что нынче зима.
Бестолковая верба,
она виновата сама...

Рубина Мария

Бостон, США

Молчание ягнят

Остывает в синей
кружке чёрный чай,
я за стол сажусь и правила учу:
Мне по правилам положено молчать.
Я послушная – поэтому молчу.
Хоть с берёзы оборви последний лист,
хоть иглу сломай несчастному ежу,
хоть пытай меня,
бессовестный фашист, –
ничего тебе, фашисту, не скажу.
Не пытайте: “отчего да почему”.
Ночь безмолвствует,
безмолвствует народ.
Так молчала безответная Муму,
под корягою воды набравши в рот.
“Не лепи” – учила мама, – сгоряча,
ибо хуже будет вскорости самой”.
Мы ягнята, нам положено молчать,
мой хороший,
мой хороший...
мой не (мой)....

Награждение памятными медалями в Посольстве РФ

Импровизированное жюри поэтического слэма. Поэты тоже голосовали.

Липес Илья

Торонто, Канада

* * *

Когда меня вберет в себя толпа
И вывозит и вывезет со звоном,
Я стану идеальнейшим шаблоном,
Чтоб всё по меркам,

складно, не сглупа.

Я буду попивать клубничный чай,
Решать кроссворды не без интереса
И щупать ребра:

все ли живы бесы. —

Так, между делом, словно невзначай.

Наш ли пласт сколот,
наш ли час пробил?
Все летит Голос
выше гнезд, кровель.

Вдоль крестов редких,
станций, рвов, пашен, —
возродить предков,
оправдать падших.

Вайсфельд Лев

Нетания, Израиль

* * *

С зятем Витькой в каюте
мы вздрогнули трижды по сто,
И на палубу выбрались —
дети библейского Ноя.

Злые капли дождя, обрываясь
с босфорских мостов,
Заливали нам лица и плечи,
и всё остальное.

То, что чувствовал я, ни
за что рассказать не возьмусь.
Но пока по щекам
я размазывал пьяные сопли,
Сумасшедший кораблик
с убийным названием "Русь"
Нас тащил сквозь стамбулы,
а может, и константинополи.

Дарданелльский пейзаж,
словно скопище сцилл и харибд,
Надвигался враскачку
то справа, то слева по борту.
Помню что-то кричал,
а потом замолчал и охрип,
Заливая дешёвой перцовкой
больную аорту.

Я обид не копил, никому
не желал недобра.
И для друга готов хоть
в лепёшку, а хоть наизнанку.
Потому и орал, потому
наповал перебрал,
Что друзья не пришли на
причал на отвальную пьянку.

Десять лет я трезвел,
обживая до крови страну,
Десять лет не краснел
за себя, не развешивал нюни.
Отчего же бурчу?

Отчего же, когда бухану,
Вспоминаю друзей,
недобравших со мной накануне?

Корчевский Андрей

Арвада, США

Голос

Все течет. В стеклах
дождь навис косо.
Коль Христос — Слово,
Дух Святой — Голос.

В море слез столько,
в небе снов вдоволь...
Все летит Голос
выше крон, кровель.

В нем (нежней кружев),
с ним (вспорхнет, рухнет) —
слиться ль двум душам?
Жаль — уст нет, рук нет.

Навзничь бы, сразу —
сочтено, спето...
Словно меж связок
цельный столб света.

Богушевская Ирина

Москва, Россия

* * *

Я крадусь по железной крыше.
У нее цвет ночной пустыни.
Меня даже никто не слышит,
Переулки пропахли дыней.
Я ищу ярко-синий запах.
Он стеклянный, соленый, жаркий.
Голубь делает восемь взмахов,
Я крадусь за своим подарком.
Мне о нем говорила как-то
Та, которая с кожей мягкой:
«Если новость пришла внезапно,
Он бывает в почтовых марках.
Его прячет в осенних парках
Кто-то белый, с глазами бога».
Я крадусь за своим подарком
Ночью светлой и очень долгой.

СУПЕРТУРНИР

«Пушкин в Британии: поверх барьеров»

Леонид Поторак
Кишинёв, Молдова

Победитель супертурнира

«Особая биография» Леонида Поторака.

Юный поэт из Молдовы, ученик 11-го класса лицея, Леонид Поторак был приглашён для участия в супертурнире «Пушкин в Британии: поверх барьеров», как победитель Республиканского молодёжного конкурса поэзии и короткого рассказа «Взлётная полоса» в номинации «Поэзия». В своём резюме к фестивальной подборке Лёня написал коротко: «Особой биографии пока не нашёл». Но, теперь-то совершенно ясно, что это не так. Вот же она «особая биография» – первое место и титул Короля супертурнира на юбилейном фестивале «Пушкин в Британии»!

А началось всё ещё в раннем детстве. Как рассказывает об этом сам Леонид, стихи он пишет столько, сколько себя помнит. Однако, начал понимать, что со словом нужно работать, стал более вдумчиво подходить к процессу, примерно с 15-летнего возраста. Любимых поэтов было много, но особенно он выделяет – Пушкина, Тарковского, Бродского. На сегодняшний день стихи Леонида Поторака уже публиковались в молдавском литературно-публицистическом журнале «Русское поле». Кроме того, он является победителем конкурса «Молдова – страна русского мира» в номинациях «поэзия» и «видео-дебют». Надо сказать, что талант этого молодого человека многогранен. Помимо стихов, Леонид пишет прозу, публикует статьи в школьной газете. В ноябре прошлого года он стал победителем конкурса на лучшую «экологическую» сказку «Сохраним ресурсы – сбережём Планету!», за что был награждён поездкой в Мадрид. А ещё Лёня успешно занимается живописью и даже сам иллюстрирует свои рассказы.

И вот – 10 июня 2012. Аудитория Bateman колледжа Gonville and Caius в Кембридже. Выступление Леонида Поторака. Едва прозвучали первые строки его стихов, как публике в зале стало ясно – перед ней незаурядный, талантливый, сложившийся автор. Стихи поражали зрелостью размышлений и интеллектуальностью, большой работой души и отточенным мастерством. Участие в супертурнире стало не только его первой поездкой на фестиваль «Пушкин в Британии», но и первой поездкой в Лондон вообще. Сам он говорит об этом так: «Я под впечатлением от всего происходящего – от великолепных стихов, от поэтов здесь собравшихся. Я просто счастлив быть в этой атмосфере, на этом фестивале! Ну и, конечно, сам Лондон... Не могу сказать, что совсем мечтать не мог о поездке в Лондон, но не думал, что побываю здесь в ближайшее время.» А мы, участники фестиваля, в свою очередь были рады этому удивительному открытию – знакомству с замечательным поэтом Леонидом Потораком! Хочется от всей души пожелать Лёне дальнейших успехов, новых стихов и новых творческих побед! А читателей «Интеллигента» мы с удовольствием знакомим с его поэзией.

Сверху вниз

Не правда ль, было иногда,
Что в час после заката
Мы слышим, как летит Земля,
Гонимая куда-то.

И если ночью мысль вольна
Расстаться со стенами,
Пусть нас несет она туда,
Где лайнер спит в тумане,

Где пассажиры стайей птиц
Глядят, как светлый остов
Материков уходит вниз,
Сворачиваясь в звезды,

И все, кто есть внизу, кто ждет,
Порой того не зная,
Ведут сквозь бездну самолет
Пунктиром ожиданья.

И есть одна, не все ль равно
Кто именно, которой
Доверен воздух, ночь, окно
И ровный гул мотора.

А впрочем, верно, не одна.
Она подобна прочим,

Мы не знакомы с ней, она
Лишь единица ночи,

Глядит, как меркнет ряд огней,
И тьма в окне все шире,
И твердо знает – дело в ней,
Одной не спящей в мире.

* * *

С каждым годом мир
все тесней, тесней,
Надо же забраться в такую даль,
Чтобы оказалось – собрались все,
Или мир, вернее, нас всех собрал,
Для чего-то все-таки нас берег,
А скорее, просто – упав без сил,
Видит: выпал спичечный коробок,
Не забыл бы – выбросил, но забыл,
И теперь, еще тяжело дыша,
Вытащил из горсти других вещей,
Удивленно к уху поднес: шуршат!
Сколько лет я их проносил в плаще?
Ну а мы-то думали: сколько зим,
Сколько бед уже миновало нас,
Ну давайте встретимся, посидим...
Где мы с вами виделись
в прошлый раз?

Так, наверно, и через двести лет,
Мы, устав от смены времён и мест,
Соберемся в спичечном коробке
Пошуршать у самого уха небес.

* * *

Я иду по строчкам нотного стана.
Вдоль по рельсам нот
незнакомой пьесы.
Не сложна ли музыка для начала?
Что-то вы задумали, мой маэстро?

Я спросил бы: что там
у нас в программе?
И со сцены вам каковы на вид мы?
Но из зала голос не долетает,
Или глушит радио все молитвы.

И не занимал бы в партере место,
Да не слушал вовсе бы,
только знаешь:
Есть ещё под пальцами у маэстро
Верная улыбка потёртых клавиш.

И, не слыша публики, он спокоен,
И стучит стаккато безумный гравий.
Эта жизнь глуха, как старик Бетховен.
Но играет, Господи, как играет...

Бах Ахмедов

Ташкент, Узбекистан

Второе место в супертурнире «Поверх Барьеров»

Родился в Ташкенте в 1967 г. Закончил физический факультет Московского Государственного Университета им.М.В.Ломоносова и аспирантуру физфака МГУ. Кандидат физико-математических наук.

Пишет стихи и прозу. Публиковался в литературных журналах и альманахах в Узбекистане, России, Великобритании, Израиля, Казахстана и Эстонии, а также в антологии современной поэзии Узбекистана «АНОР» (Москва, 2009 г.). В 2009 г. работал в журнале «Звезда Востока». В настоящее время работает в Ташкентской Международной Школе.

В октябре 2007 года занял первое место на Международном поэтическом конкурсе «Пушкин в Британии». В сентябре 2008 г. принимал участие в 6-м Ташкентском Фестивале поэзии. Финалист конкурса «Литературная Вена» (2001 г.). На Супертурнир Пушкин в Британии «Поверх Барьеров» был приглашён, как Победитель Конкурса молодых поэтов Узбекистана (в рамках проекта «ОРЗУ»)

Едоки картофеля

Они пришли под вечер: едоки картофеля. Те самые, Ван Гога. Вошли гурьбой, оставив башмаки тяжелые у самого порога.

Угрюмы были лица едоков — осточертел, наверное, картофель. Я предложил им хлеб и молоко, я им сварил мой самый лучший кофе.

Они смотрели молча на меня — на лицах бесконечная усталость. Они бы посидели у огня, да дров за эти годы не осталось.

И в тот момент мне было невдомек, что ждали от меня они ответа на свой вопрос: зачем, зачем Ван Гог их награждал таким дрожащим светом?!

Зачем, его страдания впитав, они однажды поняли как страшен его любви таинственный состав, в безумье, как в спасение, бежавшей?.

Они все ждали, что я им скажу. А что сказать?... И в горле стало сухо. И страшно стало, словно я держу в своей руке отрезанное ухо.

Человек толпы

(по мотивам одноименного рассказа Эдгара По)

Он вышел из прошлого
в легком пальто.
Он знал, что за ним увязалось Ничто,
как пес, одинокий и старый,
оставший от стаи.

По улицам шумным весь вечер бродя,
он видел на лицах наброски дождя.
В толпе растворялся, как капля,
статист незаметный в спектакле...

А время читало судьбу по слогам,
вплетая свое бормотание в гам
весною отравленных улиц,
где мы навсегда разминувшись.

И в зеркале темном витрины пустой
старик разглядел, как

Ничто за спиной
смотрело в глаза по-собачьи:
казалось, вот-вот, и заплачет.

* * *

Женщина, которая «вперёд».
Говорит мне тихо: «Все пройдёт.
Спать ложись, не думай ни о чем,
Прислонись к забвению плечом».

Женщина, которая «назад»,
Говорит мне: «Время — это взгляд
На себя с обратной стороны.
Лишь часы отчаянья точны».

Женщина, которая «прости»,
Тихо говорит мне: «Отпусти
Разума железные тиски
И не будет боли и тоски».

Каждая из них права, права...
Но еще не умерли слова.
Звуки, обретающие жизнь
В женщине, которая, вернись...

* * *

В то время жизнь казалась
мне смешной
на фоне безупречного крушенья.
Молочница гремела пустотой,
и дерево потягивалось тенью,
встречая утро зябкое...

Во двор
на цыпочках дождя входила осень.
И прерванный однажды разговор
сквозь время проходил
незримой осью.

Вокруг неё вертелась суета
событий, не имеющих значенья...
И маленькое слово «никогда»
не верило в свое освобожденье.

Из дневника агностика

Проснулся, выпил кофе, сделал шаг
Навстречу дню, наполненному светом.
А где-то рядом шла моя душа
И тихие вела беседы с ветром.

«Когда бы мне с тобою улечь...»
И ветер усмехнулся:

«Что ж, попробуй!
Стремление себя преодолеть
Опаснее смертельного микроба».

«Да-да, ты прав, и все же почему
Так трудно жить под
бременем желаний?
Зачем я снова падаю во тьму,
Соскальзывая вниз
с тончайшей грани?».

И ветер отвечал: «Таков удел
Земного ожидания свободы.
Пока ты здесь, у времени в узде,
Ты постигаешь суть своей природы.

А после - только
радостный простор!..
И мы с тобою снова будем рядом»

...О чём у них был дальше разговор
Не помню я.
А может, и не надо?..

Фаина Судкович (Садко)

Афула, Израиль

Третье место в супертурнире «Поверх Барьеров»

Родилась в Ленинграде в семье врачей. Жила в Москве, в Ногинске. Закончила Московский Государственный Университет сервиса. По специальности – инженер. Стихи, как и музыку, пишет с детства. Была участником поэтического семинара К. Ковальджи при журнале «Юность» и московского клуба «Поэзия». В 1993 году поменяла местожительство на славный город Афула в Израильской долине на Святой земле. В настоящее время активно занимается авторской песней в составе дуэта СудоКУ. Обладательница ГРАН-ПРИ Шестого Международного конкурса русской поэзии имени Вл. Добины (Израиль).

* * *

*“Жизнь моя,
не заблудись в дороге...”*

Владимир Добин

Слишком рано подводить итоги.
Слишком поздно начинать с нуля.
Жизнь моя, не заблудись в дороге,
Временем, как вечностью, пыля.

Случая не будет возвратиться,
Повторяя прошлое на бис.
Время не прощает репетиций.
Вот такой у времени каприз.

Время утопает в настоящем,
Я – в воспоминаньях и в мечтах...
Жизнь моя, не торопись за счастьем,
Оглянись, оно в моих руках...

* * *

Живи, придуманный герой.
Я так тебя нарисовала,
Что ты понравишься, пожалуй,
Не только мне. А той, другой,
Давно придуманной тобою.
Как совершенны эти двое!
Совсем не то, что мы с тобой.

А впрочем, стоит ли равнять
Себя с бесплотным отраженьем?
И вкус, и запах, и движенья,
И то, как хочется обнять
Такое вот несовершенство –
Всю эту глупость и блаженство
Им, совершенным, не понять.

...Но ты, придуманный, живи
В моих фантазиях, покуда
Мне не наскучит это чудо
Из детских сказок о любви.

Записки несчастливого человека

Подступит к горлу полная луна.
И только выгнешься, –
уже отпустит.

И нет в душе ни жалости, ни грусти,
Что жизнь – одна.
Что суета сует,
В которой нет побед и поражений,
Всего лишь результат телодвижений
И мелких черт характера дурного,
И каждого неискреннего слова.
А в нем ни толку, ни греха,
ни масти.

Пусть это – часть всего.
Но в этой части
Мне нет покоя от чужого кроя
Моей судьбы, от мыслей
своевольных –
– Ах, если бы иначе...

И довольно
Мне потакать порывам и привычкам,
Ругаться матом, вспыхивать,
как спичка,
И лезть вперед, пихать
соседа справа.

А, собственно, какое право
Есть у меня, чтоб бить его по морде?

Иль жить в глуши?
Разбрасывать аккорды
По-над полями да глушить сивуху,
Да утешать столетнюю старуху...
И спать с котом.

И ездить на кобыле.
И притворяться, что меня...

любили...

В доме поэта

В доме поэта не пахнет котлетами,
Музы поют, но не варят борщей.
Неприхотливы поэты, поэтому
Жить им не в тягость
без лишних вещей.

Всё бы им строчки
развешивать гроздьями,
Всё бы искать потаённую суть,
Всё бы им небо
забрасывать звёздами
Каждую ночь – перед тем,
как заснуть.

Радость, печаль и погода ненастная
Брошены в топку
рифмованных строк.
Если любовь, так уж
лучше несчастная,
Личное счастье – поэту не впрок.

Свитер потёртый
да шарфик по случаю –
Мода строга к чудачкам без гроша,
Всё для того,
чтоб мы видели лучшее
В теле поэта, а это – душа.

Души поэтов отмечены шрамами,
Но безоружны, свежи и полны
Двух – или даже
трёхстопными ямбами
С жаждою славы
в масштабах страны.

Если же стать вы хотите поэтами,
Знайте, что (вместе с дарами небес)
В доме поэта не пахнет котлетами...
Что не касается лишь... поэтесс.

Андрей Корчевский

Арвада, США

Родился в Казахстане в 1966 году. Кандидат физико-математических и доктор биологических наук. С 2009 года живёт и работает в США.

Автор четырех поэтических и четырнадцати научных книг, сборника эссе «Солнца хватит на всех: опыты экологической публицистики», многочисленных статей, напечатанных в Казахстане, России, США, Индии, Франции и других странах. Написал более 80-и песен, а также музыку к спектаклю «Беда от нежного сердца» для театров в Павлодаре и Орске. Имеет опыт литературного перевода с английского. Переводчик еврейского песенного фольклора. Записал несколько альбомов как исполнитель: «Кирпичики» (антология русской бытовой песни, вышла в Москве на фирме грамзаписи «Мелодия»), «Надежды свет» (сборник еврейских песен на русском языке) и «Андрей Корчевский поёт свои песни».

Марина Цветаева: Поэзия Или Истерика...

1.

Есть такая человеческая категория – поклонники (прекрасное слово, от поклона и поклонения) Марины Цветаевой. Мы через это прошли, каждый – по своему сценарию. Мне мама принесла по большому благу из библиотеки «белый» том – так получилось, что я «синею», из «Библиотеки поэта», до того не видел и не читал. Белый том (первый том двухтомника) имел непостижимый, незабываемый, физический аромат, я могу чувствовать до сих пор. Мне было пятнадцать лет, наверное. Марина для меня началась с тех текстов, которыми открывался этот (весь – в магической типографской парфюмерии) том:

**Породила доченьку –
синие оченьки,
горлинку голосом,
солнышко волосом.
На горе девицам,
на горе молодцам.**

Марина была, в те позднесоветские годы, полузапретная, в школе не изучаемая. В мои пятнадцать лет я весь этот том съел, сглотнул. Особенно помню – «Федру», которую вроде потом уже даже читать невозможно, а у меня эта кормилица, которая Федру с пасынком сводила, до сих пор стоит перед глазами.

Потом пришло все остальное. Мне очень нравилась тогда цветаевская проза – мне казалось, что она не истерическая, а максималистская, что совсем разные вещи. Белый том – номер два.

Потом добрался до старого, очень редкого в Алма-Ате синего тома. Потом было позднее издание, зеленое, с «Молодцем» – который у нас сочтен полным бредом, а мне до сих пор кажется фантастической, всех нас обгоняющей вампирской вещью, где текст православной службы оркестрован сюжетом про вурдалаков («Сумерки» отдыхают), и Молодец является

**в левом окне,
в вечном огне...**

Когда я был в Москве, рискнул отыскать дом в Борисоглебском, в котором жила москвичка, обороняющая это строение от сноса... И меня туда даже

(По следам дискуссии в клубе «Атенаум»)

пустили, учитывая, что я был из развивающейся республики... Тоже позднесоветские времена.

Потом я дал почитать маринины стихи замечательной казахстанской бардессе (на матфаке, три курса меня старше) Инне Лозоватской. И мы сделали программу на стихи Марины – мои и Иннины песни. Называлось «Тебе через столет». У нас главное представление было в здании зенковского Кафедрального собора в Алматы (еще со времен Верного), который был тогда – музей и галерея. (За что, надеюсь, мы все же не прокляты как святотатцы).

А Инна потом выиграла бардовский фестиваль у нас в горах Алатау вот с этим:

**От стрел и от чар,
От звезд и от нор,
Богиня Иштар,
храни мой шатер
(братьев, сестер).**

Я успел отслужить в армии, вернуться, стала то ли таять, то ли плавиться советская эпоха. Появился «Горизонт» с главным редактором Алтынбеком Сарсенбаевым (который спустя годы стал сначала министром информации, потом главой казахской оппозиции и был убит выстрелом в затылок в тех самых живописных алатауских предгорьях). Мне доверили целую полосу о Марине, и я пытался что-то напечатать из малоизвестного, из каких-то списков, вовсе не антисоветское, лирику, но дать услышать, прочесть...

В обаятельном Павлодаре годы спустя повторил юношескую программу цветаевских песен с великолепной театральной студией Вячеслава Петрова.

Плакали на концертах неподражаемой Елены Камбуровой, когда она пела «Кабы нас с тобой да судьба свела...». Камбурова, в примерке, мне сказала: «Цветаеву многопеть не могу, слишком личное».

Ждали, что Ариадна Эфрон откроет архивы матери, и там найдется нечто...

Потом (запоздало) настал возраст, когда стихи перечитываются реже. «Года

к суровой прозе клонят...». Заметьте – к суровой. Цветаева перестала быть повседневной спутницей. Инна Лозоватская уехала с мужем в Петрозаводск, стала бардовской звездой там. В 2009 году настала пора менять пейзаж и мне – пережив тяжелые события посреди среднеазиатского мира, я и моя семья двинулись в края другие, в эмиграцию. Путь лежал через Прагу, и мы ходили смотреть на «пражского рыцаря», Маринову востановку. Оказался он маленьким и «спрятанным», на откосе, не на знаменитом мосту, а за ним, ближе к воде.

2.

В 2011 я впервые приехал на международный поэтический конкурс «Пушкин в Британии». Это событие, изобретенное русским поэтом, выпускником ошанинского Литинститута Олегом Борушко, не выглядело провинциальным. Конкурс собирает качественную тусовку русских поэтов отовсюду – США, Австралия, Финляндия, Эстония, Германия... А судьи приезжают из России – и тут перебивали все, от Казаковой, Ахмадуллиной до Губермана и Амелина.

Наутро после состязаний, поэты и жюри собирались в Пушкинском доме (есть и такой, в Лондоне), где участником было предложено помахать кулаками после драки – прочесть еще чего-нибудь напоследок. Я стал читать «Петр и Пушкин», ожидая, что публика узнает немедленно.

**Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком —
Подонком — опенком Петра**

**Был сослан в румынскую область,
Да ею б — пожалован был
Сим — так ненавидевшим робость
Мужскую, — что сына убил**

**Сробевшего. — «Эта мякина —
Я? — Вот и роди! и расти!»
Был негр ему истинным сыном,
Так истинным правнуком — ты**

Продолжение на стр. 22

Продолжение. Начало на стр. 21

**Останешься. Заговор равных.
И вот не спрося повитух
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух.**

**И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла...
Последний — посмертный —
бессмертный**

Подарок России — Петра.

(На этом пропуске слова «Россия», на многоточии в последней строфе у меня традиционно сбивается дыхание, сам не знаю, почему).

Олег Борушко (дока в поэтических играх) сделал вид, что текста не признал, оборвал меня на середине, сказал в сердцах: «Скучный поэт Цветаева написала скучное стихотворение».

Вот как этот эпизод описывает замечательный русский поэт из Израиля Петр Межурицкий:

«Помню, конечно, как во время «разбора полётов» Андрей разразился неким — в моём восприятии мучительно затянутым и мучительно знакомым — текстом. Меня удивлял не столько сам текст, сколько способность Андрея воспроизводить его наизусть. Прямо, как в школьные годы чудесные: один знает от слова до слова текст, а другой даже не в состоянии припомнить, кто его сочинил. И этот другой — я. Мысль эта до такой степени показалась мне мало утешительной, что нечто из глубин сознания сжалилось надо мной. «Цветаева!», — внезапно осенило меня, и я не теряя времени, поскольку эрудиция гораздо чаще меня подводит, чем проявляет ко мне свою благосклонность, поделился этим открытием с Борцовой Ритой.

— Конечно Цветаева, — удивленно посмотрела она на меня.

А бенефис, устроенный Цветаевой Андреем, между тем, всё не кончался и неизвестно, когда бы вообще закончился, если бы в дело решительно не вмешался Олег Борушко, чего все мы уже почти год не в силах забыть. А что? Славно получилось, благодаря Андрею и Олегу. Легкий цветаевский скандал на пушкинском фестивале — по-моему, это самое то! Рифмовочка не из бедно-банальных: поэт, дочь основателя одного из самых замечательных музеев страны, ставшего волею судеб «им. Пушкина», не могла рано или поздно не почтить своим присутствием этот фестиваль. При условии, разумеется, что найдет его достойным своего внимания».

Вот так в программе следующего фестиваля «Пушкин в Британии-2012» появилась дискуссия в элитном лондонском клубе «Атенаум» — «Марина Цветаева: поэзия или истерика». Олег выдумал, что должны быть двое ведущих. Один — защитник Цветаевой. На эту роль заступила бесподобная Екатерина Гениева, директор московской библиотеки иностранной литературы имени Рудомина, превеликая умица и знаменитость.

Некоторое время искали кандидата на роль обвинителя. В какой-то момент Олег Борушко сделал ещё один оборот игровой пружины: было решено в каче-

стве обвинителя зазвать вашего покорного слугу. На эту шизофреническую роль «адвоката дьявола» я согласился без внутренней борьбы. «A treachery of the century», (предательство века) — сказала моя супруга, прослышав. Но игра — это тоже данное нам свыше, вместе с привычкой, «замена счастию».

3.

Клуб «Атенаум» в Лондоне — место нешуточное. Любезная Екатерина Гениева устроила мне экскурсию — вот столик, где Ахматова сидела с Альтманом. Любимое место Диккенса не посмотрели — это где-то в библиотеке (поскольку там он писал, а в основных помещениях клуба перо держать возбраняется). Вот часы, где семёрка повторяется дважды — джентльмен опаздывать не может ни при каких условиях...

Гениева открыла дискуссию насыщенным, эмоциональным и трогательным рассказом о цветаевской судьбе в поэзии, поэзии в судьбе. Поэтическая стезя была для Марины неизбежна, талант — требовательным и доминирующим. Подчинившись собственному дару, она фактически отвергла все остальное. Так она ежедневно садилась за свою поэтическую работу, выкроив место за письменным столом, отринув быт, обстановку, окружение. Поэзия Цветаевой «доэтическая», вневременная. Она заплатила высочайшую, высшую цену за реализацию своего дара, но заняла тем самым безусловное место не только в русской, но и в мировой литературе. (Я отметил про себя: думаю, рядом с Райнером Марией Рильке). Но маринина личная история — одна из самых трагичных биографий века, столкновение высоких и низких стихий. Гениева видела неопубликованные документы, свидетельствующие о встрече одного из сотрудников НКВД с Цветаевой накануне её самоубийства... Мы всё ещё не знаем этой истории до конца (и можем никогда не узнать)...

Заполненный зал «Атенаума» слушал Гениеву, затаив дыхание...

Настал мой черёд — помянуть цветаевские неудачи, пересчитать её поражения. Олег Борушко поставил на кон цветаевскую истерику, противопоставив, тем самым, её кипящие страсти, её стих, который хлещет, как кровь из вскрытой жилы, «невозвратно, неостановимо, невосстановимо» — олимпийскому спокойствию «истинной» поэзии. Неравнодушный, но спокойный — вот для Олега идеал поэта, навеянный, несомненно, пушкинским архетипом. Пушкин тоже писал о страстях — но о страстях откипевших, отходящих, оставшихся только в памяти.

Истерика, согласно словарям, это «крайне нервное, возбужденное состояние, доводящее до потери самообладания и выражающееся в немотивированных болезненных поступках, в резкой смене настроений». Истерика (исчезнувшая ныне из международной классификации заболеваний) когда-то считалась патологией женской, особенной болезнью, «блужданием матки». Я спросил публику: какое русское слово — однокоренное с истерикой. Саратовчанка Маргарита Борцова справедливо эту самую матку припомнила, но правильный ответ был другим. «Истерика» происходит от *uterus* или *uterus*, где в индоевропейских глубинах уже проглядывает

кажушаяся исконно-русской «утроба». .. Вот в «истеричности» цветаевской поэзии нам предлагалось разобраться.

Незабвенная Анна Андреевна Ахматова о творчестве Марины однажды высказалась так: «У ранней Цветаевой было много безвкусицы... Любила Ростана!».

Ростана, французского драматурга, выдающегося представителя неоромантизма, автора «Сирано де Бержерака» (и прародителя бродвейского мюзикла *Fantastics*) Марина и вправду почитала, переводила в юности ростановского «Орлёнка» о наследнике Наполеона Бонапарта.

Упоминание Ростана — хороший повод поговорить о цветаевской драме. (Другое воспоминание — о черной книжке с пьесами, которую мы обменивали на что-то другое, ценное, в букинистической лавке в Алма-Ате). Ростан — это очень солидно, отнюдь не поверхностно, он сумел вернуть пьесы в стихах на французскую сцену за счет качественного текста, убедительности персонажей, оправданности, небанальности романтических обстоятельств.

Ранняя цветаевская драматургия такими удачами похвастаться не могла. Русская поэзия, уже не только после Пушкина и Блока, но и после Алексея Константиновича Толстого, после Черубины де Габриак, в конце концов, категорически противилась возврату к атмосфере галантного века.

Цветаевская «Метель» (еще одна, и не последняя, «Метель» в русской литературе) ломится от титулов, блещет всеми возможными, донельзя избыточными драгоценными стеклышками:

**Грубые блюда! Эх, в старину —
Роскошь так роскошь —
полночный ужин!**

**Робы-то! Розы-то! Гром жемчужин!
Кто поусерднее — тот и прав!**

**Помню, тогда был со мною дружен
Граф Ланденсберг —**

прелюбезный граф:

Всё от мужей хоронился в шкаф!

Да, не звали вы наших пиршеств!

Устрицы, взоры, улыбки, вирши...

Слева — любовник, а справа — муж...

Из диамантов — на туфлях — пряжки...

Написанный для вахтанговской студии позднее (и посмертно опубликованный) «Каменный ангел», с Венерой и Амуром, помещёнными в старонемецкое поселение, не тянет на нового «Фауста», лишён романтики, тяжеловесен для пародии.

Я — богатая невеста:

Жемчуга, луга.

Мне повсюду честь и место,

Мне весь свет — слуга.

Белый голубь в клетке белой,

Цвел у липы — лист.

Ах, на горе — полюбился

Мне бедняк-флейтист.

Брызжут слезы, как из лейки,

На худой жакет.

Ничего-то, кроме флейты,

За душою нет.

Какое по всем трущобам

В флейту дуть-три дня,

-Чтобы перстенком грошовым

Одарить меня?

Сам бурмистр за свахой сваху

Шлет и шлет к отцу.
Знаю, знаю, что — не сахар
С голышом к венцу!
Остуди мой разум чистой
Ключевой водой,
Чтобы вытеснил флейтиста—
Бургомистр седой.

(«Это такой капустник.» - сказала американская поэтесса Ирина Акс. Если бы!)

Ранняя и «Неоромантическая» Цветаева на удивление была по вкусу позднесоветской поп-культуре. Никого не пели так широко, как Марину — Алле Пугачевой было очень под стать. Помню, как на концерте в Алма-Ате Алла Борисовна, после цветаевской «Бабушки», падала на колени на сцене Дворца Ленина и широко крестилась под колокольный звон — очень получилось органично.

«Мне нравится, что вы больны не мной» — это на удивление жеманно, сказал я залу «Атенаума», который возмущенно закипел. Жеманство — потому что этот провокационный текст, открыто посвященный жениху сестры, после всех заверений и отрицаний — раздражается этим: «за то что вы меня — на зная сами — ТАК ЛЮБИТЕ». Так болен или не болен, в конечном счете?

Здесь уже высвечивается та особенная поза, которую цветаевская героиня на всем протяжении её творчества принимала по отношению к мужчинам: эта вечная маринина претензия.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил - в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе - я сделала?
И стоит она при этом не больше, не меньше, как «детоубийцей на суду», не шутки.
Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк - крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог - и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной -
Вам, познавшему Лилит!

Героиня неутомима в упреках, в использовании запрещенных приемов, в эмоциональном шантаже.

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей и вдов

От друзей - тебе, подноготную
Тайну Евы от древа - вот:
Я не более, чем животное,
Кем-то раненное в живот.

Вот оно — слово найдено: раненное в живот животное. Не просто навязчивая, неудачная игра слов, но именно та самая «животная» истерика, так раздражающая наших неколебимых олимпийцев.

В горячо любимой нами (несмотря ни на что) «Поэме горы» прочитывается упомянутая Екатериной Гениевой «доэтичность» мариновых текстов. Вот, что она пообещала обывателям, которые собираются осваивать гору, где встречаются Марина и ее возлюбленный на всеобщее горе Родзевич:

Будут девками ваши дочери
И поэтами — сыновья!

Дочь, ребёнка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!
Да не будет вам места злчного,
Телеса, на моей крови!

...
В час неведомый, в срок негаданный
Опознаете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой!

Ничего себе одарила добрым словом!

«При этом седьмую заповедь — не прелюбодействуй — нарушает лирическая героиня, а последствия возлагаются на совершенно посторонних людей: ты виноват уж в том...»

Годы спустя Анна Андреевна, которой Марина от руки переписала и подарила «Поэму воздуха», сокрушается: «Марина ушла в заумь... Ей стало тесно в рамках Поэзии. Она — dolphinlike, как говорит у Шекспира Клеопатра об Антонии. Ей было мало одной стихии, и она удалилась в другую или в другие».

Цветаевская заумь. Возьмём, к примеру, одну из моих любимых поэм, из того самом белого тома — «Переулочки».

Льни,
Льни,
Черны
Котлы смоляны!

Не лги: смоляны,
То льны зелены.

Клонись,
Кренись,
Ресницами льни.
Ложись под свист
Стрелы калены.
Ай, льны!

Мой вопрос: если не знать, про что это? Если не прочесть в комментариях, что это переложение, переосмысление былины «Добрыня и Маринка» - можно ли понять, догадаться, в чем тут содержание, сюжет?

Числа «Переулочки» в числе особо возлюбленных текстов, мы знаем, что это — магические стихи о соблазне, о соблазнении, о той страсти, которая мужчину, богатыря Добрыню, превращает в натурального козлотура (несмотря на все старания друга-коня).

Марина требует концентрированных умственных усилий, сотрудничества и сотворчества со стороны читателя. А стихию, в которую она, как дельфин, выпрыгивает из поэтического океана, тоже легко назвать — это музыка, разумеется. На стыке девятнадцатого и двадцатого веков музыкальное творчество претерпело революционные изменения — Малер, Шенберг, Стравинский заново изобрели язык для музыки. Думаю, что неслучайной была и встреча Марины с Сергеем Прокофьевым в Париже — им точно было о чём поговорить.

Читая «Переулочки», понимаешь также почему Иосиф Бродский особо отмечал, что в поэзии Серебряного Века, помимо Клоуза, Марина Цветаева была ближе всех к русскому фольклору.

А на первый взгляд чудится — заумь.

И ещё одна популярная «претензия» к цветаевскому творчеству. С лауреатом всероссийской юбилейной пушкинской премии 1999 года поэтом. Ныне покойным, Евгением Курдаковым мы тряслись однажды в автобусике, ехали

читать стихи в средней школе. Курдаков прознал, что я выступаю с цветаевской программой, и высказывал мне своё раздражение. Он сказал: Цветаева в последние годы эмиграции потеряла слух к русской речи.

Олег Борушко то же самое говорил о «Петре и Пушкине». «Нечитаемо».

Препонам наперерез
Автобус скакал как бес.
По улицам, уже сноски,
Как бес оголтелый неся
И тряся, как зал, на бис
Зовущий, -- и мы тряслись --
Как бесы. Видал крупу
Под краном? И врозь, и вкупе --
Горох, говорю, в супу
Кипящем! Как зерна в ступе,
Как вербный плясун -- в спирту,
Как зубы в ознобном рту!

Впрочем, я тоже никогда не понимал и не любил её отдельные «перегруженные» строки, вроде тех, которые мы переписывали из тайной папочки у сотрудницы «Дружных ребят» Нины Севостьяновой, про сапоги Маяковского, лежащего в гробу:

Так вот в этих — про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих —
Мёртвый пионерам крикнул:

Стройся!

В сапогах — свидетельствующих.

Цветаева искала предельной концентрации слов в строке, предельного отказа от певучести в пользу гармоническому напряжению, неосознанно следуя поискам, которые вели в те времена Барток, Прокофьев, Шостакович.

Цветаевская истерика... Марина была обладателем поэтического дара высочайшей пробы. Чистое звучание голоса требовало отточности чувства, обаянности нервов.

Ариадна Эфрон сказала: не было безвкусицы, было «с этой безмерностью в мире мер». Может быть. И неудачи были, неизбежные в поиске, на тропках новаторства.

Гениева сказала напоследок: неудачи были у всех. Вот даже пушкинский «Памятник» — ну что это за самовосхваление? «К нему не зарастет народная тропа...»

Из моих впечатлений о дискуссии: с какой страстностью многоликий зал «Атенаума» ринулся на защиту Цветаевой. Марина не нуждается в защите, наверное.

Сколько раз на школьном табурете:

Что за горы там? Какие реки?
Хороши ландшафты без туристов?
Не ошиблась,

Райнер — рай — гористый,
Грозовой? Не притязаний вдовных —
Не один ведь рай, над ним другой ведь Рай? Террасами? Сужу по Татрам —
Рай не может не амфитеатром
Быть. (А занавес над кем-то спущен...)
Не ошиблась, Райнер, Бог — растущий
Баобаб? Не Золотой Людовик —
Не один ведь Бог? Над ним другой ведь Бог?

Она теперь, несомненно, там, и смотрит на всех нас со своей сцены, со своей высоты — с олимпийским спокойствием, по всей видимости.

Андрей Корчевский

Поэт Наталья Резник победила на 10-м юбилейном Гала-Турнире поэтов русского зарубежья «ПУШКИН в БРИТАНИИ - 2012». Таким образом, она была признана лучшим поэтом десятилетия в русском зарубежье. Приз – поездка на Бали для участия в одном из крупнейших в мире литературных фестивалей UBUD WRITERS' & READERS FESTIVAL. Ниже – её впечатления.

«Как хорошо уметь читать,» – сказал Валентин Берестов. Хорошо уметь читать. А как хорошо уметь и писать! Благодаря этому умению, оказывается, можно попасть на Бали, где проводится ежегодный международный литературный фестиваль.

Живёшь, живёшь своей собственной устаканенной жизнью и знаешь только, что где-то далеко есть другие страны, есть Бали, где жарко и... в общем, всё. А потом оказывается, что на Бали красиво, шумно, кипит жизнь, что там есть город Убуд без светофоров и правил дорожного движения, а в нём осенний фестиваль – международный форумов литераторов, обнаруженный Олегом Борушко.

...Билеты на мероприятия фестиваля стоили бешеных денег. Я спросила Олега:

- Зачем люди платят такие деньги?

Олег сказал:

- Они хотят соприкоснуться с интеллектуальной элитой. То есть с нами.

В первый день фестиваля я ощутила себя небольшой частью интеллектуальной элиты, а уже на второй день начала понимать, зачем люди тратят деньги. Соприкосновение с элитой дорогого стоило.

Когда за очередным ужином я познакомилась с филиппинской журналисткой Джессикой Зафра, которая, оказалось, читает «Жизнь и судьбу» Гроссмана и которая, неожиданно повторив мои мысли, вдруг сказала, что считает Гроссмана одним из самых недооценённых русских писателей, я подумала, что ради одного разговора с Джессикой стоило приехать на Бали. Стоило приехать на Бали, чтобы увидеть своими глазами, что в мире кипит культурная жизнь, что она не заканчивается на русских журналах, что в Индонезии, Австралии, США, Великобритании, Филиппинах, Мексике, Египте, Норвегии, Финляндии пишут, преподают, снимают кино талантливые, образованные люди, что на консервативных Филиппинах может жить и писать Джессика, не только рассказывавшая мне интереснейшие вещи про Филиппины, но и читавшая русскую классику, любящая Булгакова, следящая за всеми мировыми новостями, с которой я могла говорить о российской жизни так, как будто она только что приехала из Москвы.

Стоило приехать на Бали, чтобы прийти и послушать интервью американского автора романов-бестселлеров Джеф-

фри Юджинидиса, суперпопулярного австралийского певца, актера, поэта, сценариста Ника Кейва, услышать рассказ австралийского журналиста Найджела Бреннана, больше года проведшего в плену в Сомали, чтобы запросто поболтать с легендарным журналистом-путешественником, редактором National Geographic Traveler, Доном Джорджем.

Стоило, возможно, соприкоснуться и с нами. После выступления на дискуссии о темах смерти и любви в литературе (где почти не было свободных мест) Олега Борушко подкарауливали у двери восторженные слушательницы (явно больше заинтересованные в теме любви).

Одно же из мероприятий, на которые пригласили меня, предполагало чтение стихов неанглоязычными авторами. Я была уверена, что на мероприятие это вследствие его бессмысленности никто не придёт. Окружающие меня подбадривали, но когда накануне чтения модератор за бокалом вина сказала мне между делом, что для восприятия поэзии необходимо понимание содержания, энтузиазм меня окончательно покинул. К счастью, Вивьен Глэнс, модератор, сама поэт, превратила то, что грозило стать пустым камланием, в дискуссию о ценности языка, о сохранении культуры в языке, и люди, которые пришли (а люди пришли!) внимательно слушали и даже задавали вопросы, так что хотелось бы надеяться, что и это время на фестивале было проведено не зря.

В общем, хорошо уметь читать, писать и говорить. Желательно – по-английски. Но, как обнаруживается, и русский язык может не только до Киева, а и до Бали довести. Авось русские на Бали будут ещё приезжать, чтобы не только мы знали, что существует Бали, но чтобы и в мире помнили, что мы существуем.

Александр МЕЛЬНИК

ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИРА ЗВУЧИТ НАД ПЛАНЕТОЙ

С 23 по 26 августа 2012 года в бельгийском Льеже и французском Париже прошёл Четвёртый Всемирный поэтический фестиваль «Эмигрантская лира-2012».

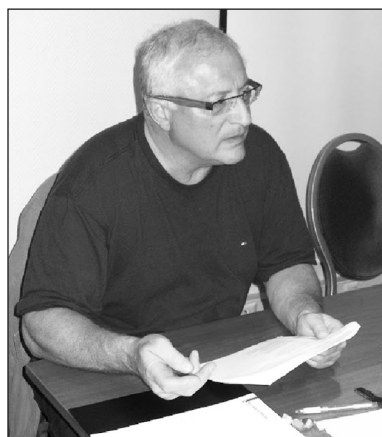
Это лето в западной Европе было на редкость дождливым, нам всем катастрофически не хватало солнца и мы даже боялись загадывать о погоде в конце августа. Но силы небесные смилостивились над нами и в фестивальные дни мне иногда даже казалось, что за окном – Лазурный берег.

23 августа в Льеж из разных концов земли начали съезжаться участники фестиваля. На открытый финал приехали прошедшие суровый предварительный отбор поэты, переводчики и критики Розалия Бланк, Марина Борщевская, Марина Меламед и Людмила Фрадлис из Израиля, Галина Вороненко (США), Марина Гарбер (Люксембург), Инга Даугавиете (Австралия), Илья Липес и Анастасия Сойфер из Канады, Ирина Лучина (Великобритания), Татьяна Перцева (Финляндия), Светлана Смоленская и Александр Хинт из Украины, Майя Шварцман и Таисия Де Рейке из Бельгии, Михаэль Шерб (Германия), а также россияне Александр Андреевский, Надежда Егорова, Игорь Иванченко, Виктор Коллегорский, Виталий Молчанов и Жанна Сизова. Состав финалистов фестиваля стал результатом кропотливой работы специального отборочного жюри, в который входили Олег Горшков и Владимир Коркин из России, Сергей Шелковий (Украина), Татьяна Юфит (Великобритания) и ваш покорный слуга. Должен пояснить, что в ходе фестиваля традиционно проходят финалы конкурсов поэтов русской зарубежной диаспоры (номинация «Эмигрантский вектор»), поэтов в номинации «Неоставленная страна», поэтов-переводчиков и критиков. В этом году о начале всех этих конкурсов было объявлено ещё 1 марта на сайте «Эмигрантская лира» <http://emlira.ucoz.com/>. В отборочном туре, прошедшем с 1 марта по 15 мая, приняли участие 77 авторов из 23 стран мира (Австралия, Азербайджан (автор проживает сейчас в России), Армения, Беларусь, Бельгия, Болгария, Великобритания, Германия, Греция, Израиль, Испания, Канада, Латвия, Литва, Люксембург, Марокко, Россия, США, Украина, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция). Для определения же победителей конкурсов было образовано другое, «финальное» жюри. В него вошли Вилли Брайнин-Пассек (Германия), Андрей Грицман (США), Александр Мельник (Бельгия), Алексей Остудин (Россия), Александр Радашкевич (Франция), Наталья Резник (США), Даниил Чкония (Германия) и Сергей Шелковий (Украина).

Финальное жюри «Эмигрантской лиры». Слева направо: Д. Чкония, А. Радашкевич, В. Брайнин-Пассек, А. Мельник, А. Грицман, Н. Резник, С. Шелковий. В кадр не попал А. Остудин. Фото Н. Егоровой.

После непродолжительной процедуры регистрации финалистов, главными событиями которой были знакомство участников фестиваля друг с другом, душевные разговоры и получение сборника стихов «Эмигрантская лира-2012», в конференц-зале льежского Alliance Hôtel состоялся мастер-класс «Поэт и редактор», который блестяще провёл редактор журнала «Интерпоэзия» Андрей Грицман.

Андрей Грицман ведёт мастер-класс. Фото автора.

успеха в современной литературе – редакции так неуважительно относятся к авторам, позволяя себе даже не отвечать на их письма. Отвечать на вопросы Андрею Грицману помогали Наталья Резник, Марина Гарбер, а иногда и сами авторы вопросов.

Мастер-класс «Поэт и редактор». Фото автора.

После мастер-класса я в качестве хозяина форума и льежца с 10-летним стажем провёл небольшую экскурсию по городу, уроженцами которого в разные времена были Карл Великий и Жорж Сименон. Согласно легенде, Льеж разрастался вокруг часовни, построенной святым Хубертом в 705 г. на том самом месте, где был убит его предшественник, святой Ламберт. Нельзя сказать, что нынешний Льеж – потрясающе красивый город. В ходе многочисленных исторических коллизий и особенно в результате двух мировых войн он сильно пострадал, многие здания в центре города были разрушены. Тем не менее, город на реке Мёз (известной также как Маас) неизменно восстанавливался и сумел сохранить свой шарм и индивидуальность.

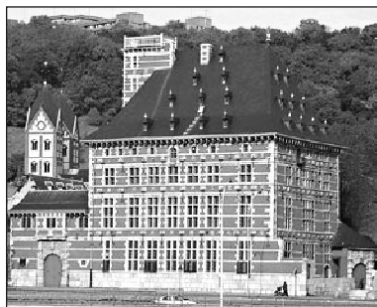

Участники фестиваля во время прогулки по Льежу. Фото Т. Юфит.

Продолжение на стр. 26

Продолжение. Начало на стр. 24

Наш растянувшийся поэтический табор прошёл пешком от лежского парка Бовери мимо церкви святого Иакова и кафедрального собора святого Павла до центральной площади Святого Ламберта и наконец добрался до Дома Курциуса. Внушительное восьмизэтажное здание дома-дворца было построено в начале XVII-го века богатым торговцем оружием не иначе как для того, чтобы в начале XXI-го века в нём прошёл поэтический фестиваль «Эмигрантская лира». Два особняка (в одном из которых дважды останавливался Наполеон) и еще несколько других исторических зданий входят в наши дни в музейный комплекс Большой Курциус.

Дом Курциуса, в котором прошла «Эмигрантская лира-2012».

Утром следующего дня, 24 августа, в конференц-зале Дома Курциуса состоялась официальная церемония открытия фестиваля «Эмигрантская лира-2012».

Участники фестиваля в баре отеля Alliance Hôtel. Фото автора.

Не первый раз в Льеже собрались представители русской поэтической диаспоры, вдали от России поддерживающие высочайший уровень русской словесности. В зале присутствовали также поэты-россияне, представители нашей «поэтической метрополии» – финалисты специальной номинации «Неоставленная страна», и гости фестиваля. В числе гостей находилась и жительница Льежа Майя Дурасова, один из прапрадедов которой, Карл Мёрдер был в своё время воспитателем будущего российского императора Александра Второго. Другой её прапрадед, Густав Мориц Армфельт, вписал немало интересных страниц в историю как России, так и Финляндии. В частности,

Татьяна Перцева и Майя Дурасова. Фото А. Конашева.

именно Армфельт превратил Хельсинки в столицу Финляндии. Участница фестиваля, Татьяна Перцева из финской столицы рассказала о том, как в наши дни в одном из своих литературных проектов она встретила с людьми, неисповедимыми путями связанными с Густавом Армфельтом.

Участница фестиваля россиянка Надежда Егорова рассказала собравшимся о Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, в котором она работает, и зачитала приветственное письмо директора Дома В.А.Москвина в адрес фестиваля. Напомню, что в феврале 2011 года в Доме русского зарубежья состоялся поэтический вечер «Эмигрантская лира в Москве».

Выступает Надежда Егорова. Фото Р. Бланк.

После приветственных слов организаторов и гостей фестиваля, собравшимся была предложена музыкально-поэтическая программа «Эмигрантские мотивы в поэзии и музыке». Поэты, входящие в финальное жюри, по очереди читали свои стихи, которые перемежались замечательной игрой виолончелиста оркестра Королевской оперы Валлонии Александра Оратовского (в его исполнении звучала музыка русских и иностранных композиторов-эмигрантов).

Виолончелист Александр Оратовский. Фото Р. Бланк.

После обеда в том же зале состоялась презентация журнала «Интерпоэзия», которую провёл Андрей Грицман.

Затем прошли два первых конкурса – поэтов-переводчиков и критиков. Победителем конкурса поэтов-переводчиков (переводивших стихи зарубежных поэтов-эмигрантов) и обладателем «Золотого Манекен Писа» стал Илья Липес из Канады. Специальными призами жюри отмечены переводы Розалии Бланк (Израиль) и Майи Шварцман (Бельгия). Для облегчения судейства специальная команда экспертов, в которую вошли Олеся Рудягина из Молдавии, Лариса Подаваленко из Голландии, Карина Бахмутская и Михаил Юдовский из Германии, заблаговременно сделала подстрочные переводы всех переводимых на конкурсе стихов (соответственно с румынского, нидерландского и английского языков) и провела глубокую всестороннюю экспертизу переводов, выполненных участниками конкурса.

В конкурсе критиков в этом году было три подноминации. За лучшую критическую статью об эмигрантском творчестве русскоязычного поэта-эмигранта «Золотой Манекен Пис» вручён бельгийке Таисии Де Рейке (статья о Глебе Глинке). За лучшую критическую статью об эмигрантском творчестве нерусскоязычного поэта-эмигранта аналогичную награду получила Майя Шварцман из Бельгии (статья об Овидии). В подноминации «Критическая статья о современной русской поэзии за рубежом» «Золотой Манекен Пис» вручён Марине Гарбер из Люксембурга (статья о современной русскоязычной поэзии США).

Илья Липес. Фото Т. Юфим.

«Манекен Пис» («Писающий мальчик») не случайно стал основным призом родившегося в Бельгии поэтического фестиваля «Эмигрантская лира». Этому озорному мальчугану, писающему в маленький прудик, была уготована поистине великая судьба стать основной достопримечательностью одного из красивейших городов мира – Брюсселя. Существует легенда, что однажды некий мальчик Жульен спас город от пожара, потушив таким способом зажжённый врагами фитиль. В 1619 году жители Брюсселя поручили Жерому Дюкену-отцу отлить бронзовую статую знаменитого гражданина города. В наши дни статуя «Писающего мальчика» настолько любима жителями города, что они одевают её в разные костюмы во время праздников и карнавалов. На сегодняшний день в гардеробе у маленького бронзового человечка насчитывается около 2000 туалетов.

Призы фестиваля «Эмигрантская лира» — золотой, серебряный и бронзовый Манекен Пис. Фото Т. Перцевой.

После первых конкурсов перед участниками и гостями фестиваля с музыкально-бардовской программой выступила Марина Меламед из Израиля.

25 августа прошли два основных, профильных поэтических турнира. Сначала состоялся конкурс поэтов-эмигрантов «Эмигрантский вектор». Я смотрел на участников фестиваля, слушал их стихи и думал о том, что творить в отрыве от своих языковых корней и сложнее, и легче. Сложнее потому, что масса специфических эмигрантских проблем отвлекает от белого листа и мешает сосредоточиться. Ну а легче потому,

Марина Меламед.
Фото автора.

Татьяна Перцева.
Фото Р. Бланк.

что хорошей поэзии необходим какой-то минимум если не страдания, то хотя бы неустроенности. Сытый и довольный жизнью поэт пишет сытые и скучные стихи. Эмиграция с её специфическими проблемами языка, общения, выживания наконец, поддерживает этот элемент страдания в неизменно активном состоянии. Эмиграция — это перчатка, брошенная поэту судьбой. Эмигрантская поэзия — это выстрел поэта на этой беспощадной дуэли.

В поэтическом конкурсе поэтов русской зарубежной диаспоры «Эмигрантский вектор» первое место и приз «Золотой Манекен Пис» присуждены Татьяне Перцевой из Финляндии.

Татьяна родилась в 1978 году, она литератор, координатор международных арт-проектов, культурегер. С 1998 года живёт в Финляндии. Стихи Татьяны Перцевой печатались в журналах «Гайд-Парк», «Дети Ра», «Воздушный змей», «LiteraruS» - Литературное слово, «Кольцо А», «Дружба народов», «Юность», «Северная Аврора», «Зинзивер», а также в поэтическом сборнике «Структура сна», («Алетейя», 2008). Т.Перцева - лауреат премии журнала «Дети Ра» (2005 г.). Она является организатором фестиваля современной поэзии и авторской песни «Северное сияние» в Финляндии и куратором арт-салона «Необъяснимая поэзия» на фабрике культуры «Корьямо» (Хельсинки). Вот два конкурсных стихотворения Татьяны Перцевой:

ОТЦУ

боль уложу крошку в кончики тонких пальцев,
боли тепло уютно тихо вздохнёт уснёт,
вышью земле радость всходы на круглых пальцах,
мальчик глаза собачьи внутренним утром встаёт.
выношу мир новый ласковым океаном,
смерть ледяную взвою песню ей посвящу,
ливни стрекоз блики в летних озёрных ставнях
бьются в сердцах детских боже да я пою!
слышишь меня папа снова окреп голос,
снова сияет солнце в тысячу киловатт,
если бы только можно честно кланяться в пояс
родине счастья горько на миллионах свадеб.
если бы только можно выпить до дна ровно,

смерть по цветку вянет выбита жизнь на доске,
папа твоей дочке завтра не будет больно,
я говорю правду на русском родном языке.

* * *

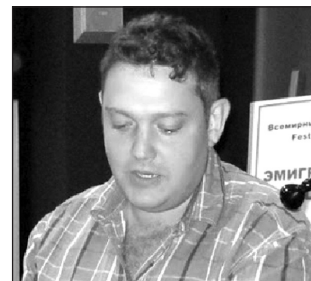
перехватят за жабры, в корзину свалят улов,
первородной тканью залатан садок в углах,
не глядите внутрь, там самки кроют самцов,
на готовых печать с каймою - чернильный страх.

изготовят из креп-шифона от сих до сих,
отутюжат из креп-сатина для них глаза,
потеряет синюшный пульс этот рыбный стих,
провожая блестящие спины на первый базар.

на табло - три сорок, пора быть живым, пора,
где ещё так познаешь суть - значит, мы не умрём,
летом в нашем аиде стоит такая жара,
потрошить не будут, просто ушьют живьём.

прорастут рыбы кости в здешних настенных садах,
облиствят полотно, кислородом снабдят города,
первородная ткань, на готовых - чернильный страх,
сквозь изделие тела на землю сочтется вода.

Второе место в конкурсе «Эмигрантский вектор» занял Михаэль Шерб из Германии, получивший приз «Серебряный Манекен Пис». Отмечу при этом, что суммарные оценки Т.Перцевой и М.Шерба совпали, поэтому жюри пришлось определять победителя не по баллам, а простым голосованием.

Михаэль Шерб. Фото Р. Бланк.

МИХАЭЛЬ ШЕРБ ДОМ

Н. П.

Зачем бубнить? Ты знаешь и сама,
Как рвётся кислородная тесьма,
И в полночь, закрывая веки-ставни,
Молитву повторяешь по слогам,
Почти не проникая в содержанье.

Как много самых разных скользких слов
В твоём садке. Обилен был улов, но
Когда с давно написанных стихов
Вдруг белизну листа, как ткань, снимаешь,
То чувствуешь, насколько всё условно.

Мной видимость прочитана построчно.
Картонка хлипкая — она теперь на что мне?

Мне ласточки кричат: «о чём?», «о чём?»...
Перечеркни отточенным крылом
Чертёж. Пусть, как ладонь, мой дом
Протягивает всем дощатое крыльцо
(Так корабли земле протягивают сходни).

Всё врут, что я устал звонить в свой дом,
Что медь колонн не бьёт по стенам гулким,
Что стал мой дом из тех, зажатых в переулках,
Как в горле ком.

Кто вам сказал, что этот дом — ничей?
Поля забиты гречкою грачей,
Расчерчены леса линейкой вертикалей,
Томятся реки в ножнах берегов,
В морях жары пылятся острова
Грозы —
Всё погранично здесь,
И даже спесь

Продолжение на стр. 28

Продолжение. Начало на стр. 27

Особняков заплетена в бульвары.
Лишь этот дом звенит, касаясь облаков.
Точней, чем бой часов, его удары.

Зажмите в кулаке проросший злак,
Добавьте время –
Видите, кулак
Разъят ростком?!
Вот так растёт мой дом,
Всё время вверх, туда, где есть огонь,
Пустой кулак
И полная ладонь –
Мой дом.

Третье место и «Бронзовый Манекен Пис» – у Майи Шварцман из Бельгии (победительницы «Эмигрантской лиры» 2010 года).

Майя Шварцман.
Фото О. Коношонкиной.

МАЙЯ ШВАРЦМАН НОЧНОЙ ПУТЬ

Едешь с концерта полями на велосипеде –
пар из рта, за спиной не крылья, а скрипка.
Там, где люцерна курчавилась, цвета камеди,
ныне цвета ноября, земляная присыпка.

Как монолитна окраска осенних предместий –
ржавчина почвы, дома с черепицей чепрачной...
Листья раkitника цвета горчицы и жести
авиапочтой летят на суглинок прозрачный.

Лужи под корочкой, неба ночного зевота,
гланды луны и белёсые пасмы в зените.
То ли оборочкой туча легла, то ли кто-то
мир с вышины пеленает в морозные нити,

то ли, всерьёз утомившись, над Фландрией всеу
пряжу во сне растрепали уставшие мойры,
то ли мороз индевеющим дымом рисует
Китежа свет, атлантиду, мираж, лукоморье.

Нет ни души, только холоду в поле не спится,
дремлют коровы в коровниках, лошади в стойле.
Обод шуршит, и мелькают колёсные спицы.
Путь зачарован, и странно, ты едешь – домой ли,

близко ли дом, и попутный ли кружится ветер
воя в колёсах, крутя тополя веретёна?
Только вопросы, а в небе никто не ответит,
тропку кивком не укажет, клубка не уронит.

Этих минут колдовство только крик петушиный
мог бы протестом взорвать, но по будкам дворовым
носом клюют петухи, прижимаясь брюшиной
к теплым насестам, и спят, – не заступятся словом.

Флюгерный кочет, и тот наваждения шалость
трусит прервать, бесполезный скрипучий посредник...
Все мы хлопочем, чтоб слово за нами осталось,
но не узнаем, какое же станет последним.

Жюри присудило специальные призы фестиваля участникам поэтического конкурса «Эмигрантский вектор» Виталию Молчанову («За оригинальное раскрытие темы о родном крае, об историко-географических и культурно-языковых корнях»), Инге Даугавиете («За оригинальное раскрытие темы о стране

нынешнего проживания») и Марине Борщевской («За оригинальное раскрытие темы об эмиграции, ностальгии и оторванности от культурно-языковых корней»).

После обеда состоялся второй профильный поэтический конкурс – «Неоставленная страна». Первое место и приз «Золотой Манекен Пис» были присуждены Александру Хинту (Украина, г. Одесса), номинированному в финал Борисом Херсонским.

Александр Хинт.
Фото Т. Юфит.

Александр Хинт родился и проживает в Одессе. Его стихи опубликованы в журналах «Ликбез» (Барнаул), «Южное сияние» (Одесса), «Меценат и мир» (Москва), «45-я параллель», а также в различных антологиях и печатных изданиях. Он автор сборника стихотворений «Разговор» (2010 г.). Вот одно из конкурсных стихотворений Александра Хинта:

...опомнюсь проросшим гербарием, сном серебра
в зелёной монете непостижимого времени,
движением омуля – вся наша жизнь икра
в утробе течения, буду замедленным зрением
молекулы зодчества, гранулой карандаша
на ватмане доисторического рейхстага,
хромой санитаркой, опаздывающей на шаг
в укрытие. Буду тем самым, последним шагом.

Очнусь в безымянной пустыне запретом глотка,
мозолью узла обернусь на верёвочной лестнице,
прокинусь проклятьем Дездемоны, тенью платка,
и всеми воскресшими динозаврами девственников –
вбирая гарпунное эхо кита-первогодка,
ожоги бинта ампутации, вопли ваты...

На гребне волны всю команду меняет лодка,
но снова до края небесного не доплывает –
а там из щелей горизонта сочится, ползёт
сиреневый фронт, мельтеша по периметру спицей.
Опять бесконечно играет себя небосвод,
и медленно пьёт. Чтобы вновь не уметь напиться

Второе место в конкурсе «Неоставленная страна» занял россиянин Александр Андреевский из Санкт-Петербурга. Ему вручён «Серебряный Манекен Пис».

Александр Андреевский.
Фото Р. Бланк.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВСКИЙ. НЕОСТАВЛЕННАЯ СТРАНА

Неоставленная страна... А оставить бы, точно, надо,
И послать бы всё это на... Демонстрации и парады,
Эти сёла и города, эти липы, берёзки, ивы,
И покинуть их навсегда, как бы ни были те красивы.

Здесь земля не родит уже, ибо вся пропиталась кровью –
Дедов, братьев, отцов, мужей, всех, кому я любовь сыновью
Передать не могу уже, я, рождённый, как будто, чудом,
И на огненном рубеже я уже одиноким буду.

Средь могил, и безвестных рвов, где покоятся миллионы,
И родные мои, их кровь – здесь пролита, звучат их стоны,
Будто, эхом, из-под земли, прорастая мотивом скорбным –
Не доставшейся им любви, в жизни, будто мгновенные скором.

Что же держит сильнее пут, самых крепких и самых тяжких,
 Что препятствует встать на путь, и бежать уже без оглядки? –
 Да, конечно же, лишь любовь – к тем гробам, где отцы и деды,
 К пепелищам, где надо вновь – нам бесстрашно ковать победы.

Да и как же оставить её, трижды преданную, чуть живую,
 И какое тут будет житьё, коль её все оставят такую.
 Выбор сделан, моя сторона – там, где память отца и сына,
 Неоставленная страна, дорогая моя, Россия...

Третье место и «Бронзовый Манекен Пис» – у Жанны Сизовой (Россия, г. Санкт-Петербург).

Жанна Сизова.
 Фото Т. Юфит.

ЖАННА СИЗОВА СУРЕПКА

Этот остров, посаженный в крылья гааги,
 проливается камнем на плечи Ладоги.
 По утрам подступают здесь лоси в венках сурепки,
 от коры сосновой срывают слепки
 древних свитков с их ижицей, ятью, зело,
 свитки эти больше, чем бумазея.
 И плывут они стройно, зельно и ладо
 до скита, до сруба, до вертограда.
 Там выносят их нерпы на мокрых спинах,
 влажным носом черпая плёс из тины.
 Рыбари из свитков нарежут четки
 для упрямых духом, душою кротких –
 тех, кто любит Бога и помнит чадо
 вместе с запахом пота, стыда и смрада.
 У кого печаль прилегла к улыбке,
 как дитя, качается в тесной зыбке.
 Четки чуждых корысти иль корысти,
 тех, в чьих книгах буквицей звенит трилистник.
 Запах четок тонок, их звенья крепки
 на главе у лося в венках сурепки.

Приз зрительских симпатий по совокупности всех конкурсов получил Александр Хинт.

В этот же день, 25 августа состоялся поэтический слэм. По нашему собственному определению, слэм – это не академический поэтический вечер, а шоу, своего рода небольшое поэтическое хулиганство, заключающееся в попытках поэтов завести публику не столько своими стихами, сколько манерой их прочтения. Это не базар и не карнавал, а всего лишь иная, альтернативная форма представления поэзии. По условиям слэма, выступление каждого слэмера не должно было превышать три минуты. Количество стихов не ограничивалось. В каждом из прочитанных стихов как минимум один раз должно было прозвучать словосочетание «Эмигрантская лира». Членами жюри являлись все присутствующие, включая участники слэма, а оценивалось главным образом не что читалось, а как читалось.

В поэтическом слэме победила Марина Меламед из Израиля. Вот несколько из её слэмовских «нетленок»:

Человек постоянно хорошего хочет –
 Вероятно, квартиру, – ну, где-нибудь в Сочи.
 В Мелитополь обычно он хочет не очень,
 А душа зовёт непонятно, куда...

Человек когда-нибудь придёт в Монако,
 Хоть его не ждёт там ни одна собака...
 На Итаку тоже бы уплыть, однако
 Год за годом в Бельгию течёт вода!

Там, в степи бельгийской, на дороге дальней
 Где жуют редиску за избой-читальней,
 В той избе читают по складам и вместе,
 То жуют папайю, то затянут песню...

Это кто там снова за окном маячит?
 То ль стихи хохочет, то ль стихами плачет?
 Что запьёт текилой или, скажем, квасом
 И взорвётся словом, а не так, фугасом?

Не до жира, и не до рокфора-сыра:
 Эмигрантская зовёт и манит лира!
 Если не прибьёшься к «Эмигрантской лире»
 То придётся, милый, делать хакари...

Как маяк, сияет для ориентира,
 Посильней пломбира, помощней зефира!
 Ты не будь пронирой и не стань придирай,
 Просто наслаждайся «Эмигрантской лирой»!

Я сегодня до зари встану,
 Обязательно приму ванну,
 Назову концерт для клавира:
 «Эмигрантская моя лира.»

Эмигрантская наша лира
 Круче лондонского турнира!

Второе и третье места в слэме заняли соответственно россиянка Надежда Егорова и Анастасия Сойфер из Канады. С большинством слэмовских «нетленок» можно познакомиться на сайте «Эмигрантская лира». Там же приведено множество ссылок на фотографии и видео всех основных событий фестиваля.

Расскажу также о призёрах фестиваля. Член финального жюри Даниил Чкония вручил учреждённый им приз «За исповедальную искренность в стихах» Марине Меламед. Свои призы участникам конкурсов вручила член отборочного жюри Татьяна Юфит (Великобритания). Её призы «За музыку стиха» получили Жанна Сизова и Анастасия Сойфер, «За метафоричность поэзии» – Михаэль Шерб, «Птичка певчая» – поэт и бард Марина Меламед. Собственные призы были учреждены также Кариной Бахмутской из Германии (их получили Майя Шварцман, Роза Бланк, Марина Гарбер, Илья Липес и Ирина Лучина). Наконец, Валерия Андерс (Голландия, ассоциация Art & Nivo) вручила учреждённые ею призы Татьяне Перцевой («За лучшую эмигрантскую лирику»), Светлане Смоленской («За новаторство в лирической поэзии»), Марине Меламед («За самые музыкальные стихи»), а также некоему А.М. и его супруге О.К. («За отличную организацию «Эмигрантской лиры-2012»).

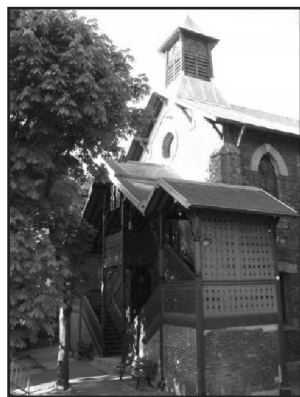
Представители ассоциации Art & Vivo (Голландия) вручают свои призы. Фото О. Коношонкиной.

В последний день фестиваля (26 августа) участники фестиваля переехали в Париж. В этом многократно воспетом поэтами всех стран и народов городе расположен Свято-Сергиевский православный богословский институт. На территории института, в учебной аудитории Свято-Сергиевского храма, прошёл поэтический вечер «Эмигрантская лира в Париже».

Продолжение на стр. 30

Продолжение. Начало на стр. 29

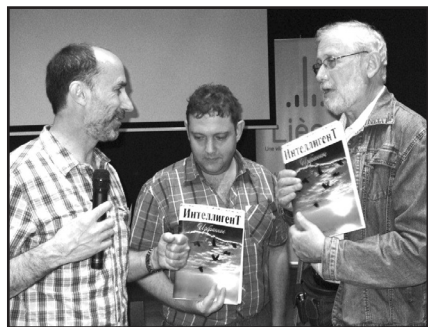
Здесь я хотел бы напомнить, что параллельно с организацией фестиваля, наша ассоциация «Эмигрантская лира» проводит одноимённые выездные поэтические вечера. Мы проводим такие вечера два раза в год – один раз в рамках фестиваля, второй – как отдельный вечер. Первый из них, «Эмигрантская лира в Москве», прошёл между вторым и третьим фестивалями, 18 февраля 2011 г. в Москве, в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Второй аналогичный вечер, «Эмигрантская лира в Кёльне», был проведён 2 октября 2011 г. в рамках третьего фестиваля «Эмигрантская лира». В феврале 2012 года, между третьим и четвёртым фестивалями, прошли два выездных вечера «Эмигрантская лира в Нью-Йорке». Условно назовём их совокупным третьим вечером. Наконец, четвёртый выездной вечер, «Эмигрантская лира в Париже» был проведён 26 августа 2012 г. в рамках нынешнего четвёртого фестиваля «Эмигрантская лира».

Париж. Свято-Сергиевский храм. Здесь в учебной аудитории на первом этаже прошёл поэтический вечер «Эмигрантская лира в Париже».

Перед началом вечера декан Свято-Сергиевского православно-богословского института отец Николай (Озолин) провёл небольшую экскурсию и рассказал участникам вечера об истории института и храма. Институт является высшим учебным заведением зарубежного Православия. После своего учреждения в 1925 году, он стал духовным центром русской эмиграции. Свято-Сергиевский институт находится в каноническом подчинении Западноевропейского экзархата русской традиции Константинопольского Патриархата.

Во время церемонии открытия вечера я с удовольствием зачитал приветственные слова от имени учредителей медийной группы изданий «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк) и журнала «Интеллигент» (избранное) – Сергея Пашкова и Сергея Лебедева, а также от редакционного коллектива в лице Натальи Крофтс, Дины Лебедевой и Вячеслава Омского. Литературная газета «Интеллигент» является постоянным информационным спонсором фестиваля «Эмигрантская лира».

Презентация журнала «Интеллигент» на поэтическом фестивале «Эмигрантская лира-2012» в Льеже 24 августа 2012 г. Слева направо: Александр Мельник (Бельгия) – организатор фестиваля, председатель финального жюри; Михаэль Шерб (Германия) – серебряный призёр конкурса русскоязычной зарубежной поэзии; Вилли Брайнин-Пассек (Германия), член финального жюри. Фото М. Шварцман.

В программе вечера «Эмигрантская лира в Париже» приняли участие 32 человека – поэты-участники фестиваля (включая франкоязычных поэтов-эмигрантов Доминик Агесса и Изабель Белецки), члены жюри и приглашённые поэты (Виталий Амурский, Наталья Горбаневская, Зоя Жаржевски, Галина Погожева).

Должен подчеркнуть, что как и в прошлые годы, фестиваль «Эмигрантская лира» именуется себя не Международным, а Всемирным поэтическим фестивалем, открытым для «поэтов-эмигрантов» любой национальности и пишущих на любом языке. Дело тут не в мании величия организаторов фестиваля, а в особенностях его программы. Традиционно, наряду с «русскоязычной» частью программы (с участием пишущих на русском языке «поэтов-эмигрантов» и поэтов метрополии в номинации «Неоставленная страна»), в ней имеется и небольшая «иностранная» часть. Её формируют иноязычные «поэты-эмигранты», стихи которых вместе с их переводами на русский язык публикуются в сборнике «Эмигрантская лира» наряду со

стихами финалистов. В этом году это поэты Доминик Агесса (Франция – Бельгия), Изабель Белецки (Германия – Бельгия) и Жаклин Дюма (Франция – Бельгия). Эта иностранная часть ещё маленькая, но начиная с будущего года мы планируем добавить в программу один дополнительный день, который будет самым первым днём фестиваля. В этот день свои стихи будут читать лучшие нерусскоязычные поэты мира, которых мы планируем пригласить в Льеж. Этот проект пока находится в стадии переговоров. Как бы то ни было, слово Всемирный в нашем названии уже сегодня означает, что русскоязычная «эмигрантская поэзия» выступила с инициативой братания по духу со всей всемирной «эмигрантской» поэзией. О том же, кто такие эмигранты, мы спорим на каждом фестивале, но к единому заключению пока не пришли. Поэтому, как и раньше, я придерживаюсь «Большого юридического словаря» (3-е издание, Москва, 2007 год), согласно которому «Эмигранты – (лат. emigrans - выселяющийся) - лица, выезжающие на постоянное жительство в другое государство, покинув страну своего гражданства или постоянного проживания». В таком понимании эмигрантская поэзия – это вся поэзия русского зарубежья.

В самом начале парижского вечера Валерия Андерс из Голландии напомнила собравшимся, что как раз накануне вечера была очередная годовщина демонстрации 25 августа 1968 года против введения советских войск в Чехословакию, в которой участвовала и участница вечера, легендарная Наталья Горбаневская. Валерия Андерс прочитала Н. Горбаневской и всем присутствующим стихотворение лауреата фестиваля Александра Андреевского, написанное по поводу этой памятной демонстрации.

Наталья Горбаневская. Фото О. Коношонкиной.

После этого три часа подряд звучали стихи. Это был поистине поэтический марафон, перемежаемый песнями давних друзей фестиваля, замечательных бардов и исполнителей Вероники Долиной и Марины Меламед. Ссылки на фотографии и видеозаписи выступлений участников вечера (да и всего фестиваля) приведены на сайте «Эмигрантская лира».

И наконец, после завершения парижского вечера, Четвёртый Всемирный поэтический фестиваль «Эмигрантская лира-2012» был объявлен закрытым...

Усталые и счастливые, мы шли по вечернему Парижу на встречу следующему фестивалю. Пятый по счёту фестиваль «Эмигрантская лира» пройдёт в августе 2013 года в таком же формате – в Льеже и Париже.

Вероника Долина. Фото О. Коношонкиной.

Участники вечера «Эмигрантская лира в Париже». Фото О. Коношонкиной.

А 14 февраля 2013 года в 19 часов в Иерусалиме, в литературном клубе «Иерусалимского журнала» (Дом Ури Цви Гринберга, ул. Яффо, 34), состоится поэтический вечер «Эмигрантская лира» в Иерусалиме (стихи из разных стран на русском языке). В программе вечера примут участие израильские поэты-финалисты разных лет фестиваля «Эмигрантская лира», а также приглашённые поэты из Израиля и других стран.

Эмигрантская лира звучит над планетой!

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ «Золотое Перо Руси»

Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси» нуждается в вашей поддержке!

Конкурс «Национальная Литературная премия ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ» стал не только одним из самых популярных, но и справедливо признан элитарным среди писателей русскоязычного мира. Оргкомитет конкурса по праву считается венцом содружества писательских и творческих союзов планеты.

В современной России, впервые за многовековую историю русской литературы, учреждена единственная литературная премия, которой награждаются литераторы, независимо от их места жительства и гражданства, создающие произведения на русском языке. Премия выдаётся не за наличие проектов, ничего общего не имеющих со словом «высокая литература», а за сохранение лучших русских литературных традиций, за истинный талант и творческие способности.

Ежегодно с 2005 года в конкурсе принимает участие более 3 тысяч литераторов из 50-70 стран мира. Захождение на наш литературный портал www.perorusi.ru в месяц превышает полтора миллиона читателей.

Учитывая значимость награды, знак «Золотое Перо Руси», по статутному уложению с 2005 года, именуется «Знаком особого отличия», присваивается ежегодно и пожизненно.

Знак выполнен из чистого золота, знак «Серебряное Перо Руси» – из серебра, в виде пера с двумя буквами СП.

Одновременно с вручением Знака особого отличия «Золотое перо Руси», обладателю присваивается звание «Золотое перо Руси», а обладателю Знака особого отличия «Серебряное Перо Руси», присваивается звание «Серебряное Перо Руси». К ним выдаются соответствующие удостоверения и сертификаты с личными номерами.

Все победители заносятся в почётный список обладателей званий и попадают в элитарный союз «Золотое Перо Руси».

Проект «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ» состоит из множества отдельных подпрограмм.

В жюри конкурса главы Союзов писателей, народные артисты, профессора литинститута, а также известные писатели – обладатели ЗП <http://perorusi.ru/about-2/жюри-конкурса/>.

Соискателями премии стали представители всех пяти континентов!

За время существования конкурса было издано множество книг с логотипом премии. Ведётся подготовка и запись лучших произведений на аудиодисках. Курируется работа музеев сказок в 20 населенных пунктах разных стран.

ЦЕРЕМОНИЯ премии ежегодно проходит в ЦДЛ – легендарном месте Москвы, которое каждый поэт и писатель уважает и каждый читатель помнит по произведению Булгакова «Мастер и Маргарита».

На торжестве литераторам выдаются награды, учитывая победителей, лауреатов и обладателей особых дипломов от организаций, представители которых входят в жюри конкурса. Это СП РФ, ГД ФС РФ, Совет Федерации, Зеленая планета, Трудовая доблесть России, Княжеский совет России и др.

Учредитель Светлана САВИЦКАЯ

Сказочная загадка природы

Грибница – странное, до конца не изученное многоуровневое существо. Оно очень похоже на человеческое общество своим поведением. Положить, к примеру, сахар. Две-три ниточки корешков грибницы учуют лакомство, а через некоторое время, глядишь, заполняют пространство возле сладкого места, дадут всходы – деток в виде крепеньких грибочков.

Человек ведь тоже такой. Но тянется он не так к сладкому, как к светлему.

Систему музеев сказок Светланы Савицкой можно сравнить разве что с разумной организацией загадочной формы жизни планеты – ГРИБНИЦ.

Стоило в Балашихе при содействии комитета по культуре в лице Черновой Марины Анатольевны, образоваться одному музею сказок в детской библиотеке, как почувствовали люди, что среди хаоса и черноты современной тотальной безнравственности, исходит от этой точки небывалый свет.

Детской библиотекой на Южном руководит Тамара Александровна Бутырева. Она профессионал не только в библиотечном деле, но и в воспитании подростков. Сказочные фестивали с постановками сказок, Акции «Солнечный храм», Дни доброты, Дни патриотического воспитания, Дни встреч с писателями, артистами, путешественниками ее коллектив делает с огоньком. Экспонаты, подаренные друзьями писателя Светланы Савицкой и самой сказочницей, к её сказкам, хранятся бережно. О каждом хранителе могут рассказать целую историю. Коллекция постоянно пополняется. Музейный уголок можно посетить бесплатно, ознакомиться с книгами писателя. Руками потрогать кукол и редкие шкуры зверей, звезду, упавшую с неба или лимон, выросший в пузырьке для духов. Да мало ли каких чудес там нет?!

Детки в ту библиотеку рвутся с радостью. Очередь стоит на мероприятия! Не верите? Точно!

И вот что интересно. К добру добро в том месте собирает-

Продолжение на стр. 32

Продолжение. Начало на стр. 31

ся, как в большой муравейник. Со стеллажами и оргтехникой помог депутат ГД ФС РФ Дмитрий Саблин. Со стульями – директор ООО Кванта Павел Кацин. Столы и рамки для картин помог приобрести директор БТК Андрей Архипов. Подарки для встреч с ветеранами и детьми привез директор МПК «Ляпко» лично Николай Ляпко. Множество уникальных экспонатов передал для музея директор ООО «Кузнецовский фарфор» Юрий Яснецов. Информационных спонсоров привлёк к проекту учредитель Национальной литературной премии Золотое Перо Руси Александр Бухаров. Всех не перечислить. Каждый рад внести свою лепту на благое дело. В музей с радостью едут звёзды – и Бисер Киров и Лариса Лужина и Юрий Кулачёв и представители посольств Сербии, Болгарии, Кубы, Словакии... но главное – школьники.

И года не прошло, как обратилась директор Библиотечной системы Лариса Николаевна Покрасова к писателю за новой помощью. Для привлечения детей к чтению, надо бы организовать ещё три точки музейные. В микрорайоне Никольско-Архангельское, в посёлке Салтыковка и на 2 Балашихе при детских библиотеках.

Савицкая согласилась, ни минуты не колеблясь. И только близкие друзья знали, чего ей это стоило. Неделями шила сказочница огромных медведей для музеев, приклеивала камешки на поделки, своими руками создавала новых и новых кукол. Привлекала спонсоров на приобретение мебели. Вывозила из издательств и типографий книги на пополнение экспозиций. С приобретением мебели снова помогли друзья. Подключился музей Солнца Новосибирского академгородка. И апофеозом явилось в один месяц открытие музеев ещё в трёх библиотеках. На мероприятие прибыли школьные учителя Светланы, знаменитая летчица Марина Попович и певица Евгения Лагуна.

Великолепно с организацией детских постановок и концертов провела открытие заведующая библиотеки в Салтыковке Григорьева Вера Николаевна, заведующая библиотеки в микрорайоне Никольско-Архангельское Марина Николаевна Климакина, заведующая библиотеки на 2 Балашихе Зоя Андреевна Баранова.

Параллельно с этим уже давно действовали музейные уголки при школе №20 в посёлке Пехра Покровское вплоть до расформирования школы, а так же при экологической уголке школы №23, вплоть до смены директора и смерти Ольги Зосимовны Проценко, инициатора музейного дела при школах и библиотеках, учителя Светланы, прекрасного чуткого педагога и надёжного друга экологии.

Расположенный недалеко от Балашихи город Реутов тут же обратился к Савицкой с подобной просьбой. Старший воспитатель детского сада «Солнышко» №15 Наталия Львовна Мысякина пригласила известную сказочницу в гости. Потом в качестве члена жюри детского фестиваль сказки. И вот уже в их зале образовался музей сказок. Это ли не чудо?

Одновременно проявили интерес к проекту привлечения детей к экологическому чтению Мордовия и Татарстан. Машинами вывозились из Москвы сказочные экспонаты, книги, рисунки, подарки... Гюльзада Ракиповна Руденко, директор Елабужского музейного комплекса устроила команде из Москвы в дни открытия музейного уголка поистине сказочную встречу, с сабантуем и всем татарским радушием.

Мордовия не отставала. Музей сказок Светланы Савицкой открылся при экологическом центре «Адонис». Глава аппарата администрации Юрий Лобода и Директор «Адониса» Наталия Анатольевна Бурдинова организовали не только масштабный

фестиваль сказок, но и сам музей отличался великолепной коллекцией чучел животных, обитающих на территории Мордовии, переданную местным егерем в подарок.

Сказки Светланы Савицкой нашла в интернете Сербия. Обратилась слёзно – хотим музей, как ваш. И даже лучше. Директор «Школы мира» из города Крагуевац лично курировал образование музея сказок. Светлана Савицкая побывала в Сербии несколько раз, передала множество экспонатов и книг. По результатам поездок и общения вышло несколько книг, переведённых на сербский язык.

А в Украине на украинский в это время переводили 300 сказок Савицкой дети из цюриптинского интерната для детей с ограниченными возможностями опорно-двигательной системы. Дети сами создавали экспонаты, сами рисовали, порой без ручек – кисточками в зубах великолепные шедевры, крылатых фей и волшебников к сказкам Савицкой. Её приезд в Украину всколыхнул общественность. Образовался в результате не один, а три музея сказок, в Херсоне и Цюрипинске. Основным помощником по привлечению спонсорской помощи стала Людмила Николаевна Крыжановская. Сказочница провела Дни Доброты и мастер-классы по изготовлению кукол. Привезла, как всегда множество подарков. А хозяева показали на сцене постановки её сказок, как на русском, так и на украинском языке.

Музей сказок писателя Светланы Васильевны Савицкой в «Молодёжном центре» города Рузы организован по инициативе директора МУ РМР «Молодежный центр» В.И. Антоненко и руководителя учебно-оздоровительного Комплекса (СУОК) Андриановой Людмилы Борисовны.

И снова по законам грибницы, года не прошло, как поступила просьба – открыть такой же уголок сказок при библиотеке поселка Старорусский. Что и произошло.

Русские центры, оторванные от России, как оказалось, тоже нуждались в сказочном оформлении библиотек. Дети, знающие два языка, там сильно нуждаются в русских книгах. А об авторских куклах и говорить не надо.

Запросила встречи Словакия. Следствием переговоров произошло посещение писательницы этого славного города и открытие музейного уголка при посольской школе в Братиславе. Русский Дом в Бельгии просто взмолился о помощи. И вот уже посылки с книгами и куклами, с макетами храмов полетели в Брюссель. Расширяется экспозиция в Гютерсло и Мюнхене. А теперь еще в Яранске и Мадриде...

Интересно, что все праздники сопровождаются не чиновничьими долгими мотаниями по кабинетам, а спонтанным желанием на местах организовать работу с детьми интереснее. Результативнее. Чище.

Нет официальной сухости. Есть лишь радушие и ощущение праздника.

Писатель Светлана Савицкая – существо мобильное, лёгкое на подъем. Срывается с места и приезжает к детишкам на общественном транспорте – метро, электричках, поездах, самолетах, на велосипеде, на лодке, пешком. Она всегда гружёная до отказа. Например, в Бельгию и Германию она привезла на себе багаж 75 килограммов – 7 посадочных мест!

И никто не может понять, откуда в этом колодце берётся вода. Чем глубже и чаще его вычерпывают, тем хрустальнее и чище становится новое наполнение.

Несколько лет назад Светлана всё-таки запросила «помощи зала». Музеев много. А она – одна. Это случилось на церемонии награждения детей по результатам конкурса «Зелёная планета». И вот уже не одна она, а 20 миллионов школьников из 16 стран задействовано в проекте. По системе ГОРАНО Рос-

сии в рамках Международного конкурса «Зелёная планета» который год объявляется конкурс на лучшие поделки, рисунки, фото, аудио и видео постановки, 3D графику по сказкам Светланы Савицкой. Экспонаты теперь поступают из 75 регионов нашей Родины и разных стран мира. Это Китай и Кипр, Словакия и Сербия, Румыния и Австрия.

Русский центр науки и культуры в Испании во главе с Илоной Валерьевной Явчуновской вёл переписку со сказочницей давно. Её приезд в Мадрид, проведение массовых мастер-классов по изготовлению кукол, выставки детских работ, концерты бардовских песен, чтение сказок, баек о космонавтах и стихов вызвали широкий отклик в сердцах наших соотечественников за рубежом. По первоначальной коллекции кукол, рисунков и фото к сказкам писателя детей «Зелёной планеты», и самих авторских кукол Светланы Савицкой, был тут же открыт ещё один её музей. Хозяева любезно организовали передвижение сказочницы по 25 городам Испании. Но и после прибытия в Москву Светлана не успокоилась, а постаралась исполнить просьбу русского центра. Она подготовила для русских школ в Испании ссерьёзный багаж более 100 кг книг с коллекцией русской классики и своих произведений, книг друзей писателей и недавно выпущенных книг Союза писателей России, современных учебников русского языка и других предметов, которые обычно списываются в подопечных ею библиотеках, и что так необходимы в Испании. Конечно ей помогли друзья. В Мадрид и Таррагону бал отправлена так же и новая коллекция авторской кожаной куклы.

Запросила помощи Болгария. Как в соискании средств на восстановление памятника героя русско-турецкой войны подполковника П.П. Калитина, так и в привлечении внимания к событиям тех лет. И только друзья знают, сколько было потрачено сил и средств на то, чтобы всё было в срок реализовано. И деньги «нашли», и имена погибших восстановлены. И нанесены на мраморные плиты. И мероприятия прошли. И Светлана лично привезла для Болгарии новые коллекции детских рисунков подарков и книг. Посещая более 30 городов этой страны, она начала новую серьёзную работу роман «Балканы». Инициатором поездки явилось руководство Славянско-го культурно-информационного центра «Евразия-Болгария» г. Стара Загора и лично Любомир Вълков.

Не отказалась Светлана и от рискованной поездки в древний город Индии Калькутту. В Русском центре, возглавляемым Александром Васильевичем Мазиркой прошли встречи с нею, как с писателем. Так же в Калькутте прошли выставки её батиков, авторских кукол, выставка кукол, рисунков, фото и поделок к её сказкам. Встречи с двойным переводом на английский и на бенгальский языки прошли не только на территории нашего консульства, но и в школах Индии. Самое яркое впечатление осталось от посещения философской школы им. Рабиндраната Тагора. И как следствие, из коллекции многочисленных экспонатов единодушным желанием жителей Индии, все произведения писателя переводятся теперь на два местных языка, а при РЦ НК в Калькутте образовался музей сказок Светланы Савицкой.

А неделю назад прислали материал из Израиля. Об исследовании грибниц. Оказывается, волокна и нити, из которого они состоят и окутывают всю Землю, обволакивают вредные выбросы цивилизации. Удивительное свойство грибов – съедать полиэтилен и брошенные упаковки, даже резину и некоторые сплавы!

Так и сказки Светланы, да что сказки – вся жизнь её – пример победы доброты над холодным расчетом, талантом над посредственностью, чистотою над грязью и света над тьмою.

Маргарита ШАНТО

Учредитель Александр БУХАРОВ

К Н.И. БУХАРОВУ

Мы ждем тебя, спешу, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев.
В кругу товарищей бывалых
Обычный кубок твой готов
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя.
Нам дорога твоя отвага
Огнем душа твоя полна
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина
Виденья прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленный потомок,
Пиров и битвы граждан.

(М.Ю. Лермонтов 1838г.)

Александр Бухаров сегодня является экспертом по продвижению СМИ на территории Российской Федерации.

Физик по образованию. На заводе собирал электронные комплексы для «Бурана», которые до сих пор хранятся с его маркировкой в музее Космонавтики на ВДНХ. Служил в ракетных войсках. Характер уравновешенный. Нордический. Твёрдый.

Саша – философ. Мастер хладнокровных многоходовок. Никогда не проигрывает. Все его предсказания на поверку оказываются верны.

На нём многие паразитируют. Особенно в бизнесе. Начало Дела – самое трудное в любом проекте. Саша начинает. Учит. Показывает возможные ошибки. Диапазон его влияния – вся страна. Его можно называть даже не серым, а чёрным кардиналом.

Долгое время Бухаров работал в Группе Р-Медиа. Осуществлял, в том числе издание разного рода литературы. Под

Продолжение на стр. 34

Продолжение. Начало на стр. 33

его руководством выполнялись миллионные заказы разных структур, разворачивались издательские и международные проекты. Самый значимый сегодня, на мой взгляд, — «Золотое Перо Руси».

Говорят, незаменимых людей нет. Бухаров незаменим. И он — есть.

Незаменим, когда «сваливается» на голову тираж, и Саша помогает его разгружать, потому что его накаченное тело привыкло к разным перегрузкам.

Незаменим, когда нужно найти самую дешёвую и качественную типографию, чтобы осуществить заказ «вчера».

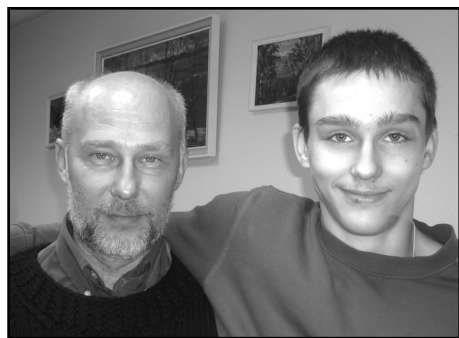
Незаменим, если гости или друзья захотели с «неба достать звезду». Саша звонит по двум-трём номерам, и мы — у советника министра юстиции Чайки, к примеру, или в обществе «Световид».

Незаменим, когда надо встретить двадцатикилограммовый костюм из игольчатых аппликаторов или проводить меня с куклами в очередной музей сказок.

В галстук или в шортах, в зависимости от общества и погоды.

Незаменим, как секьюрити. Как советник. Как человек, обладающий даром предвидения.

Он редкий любящий отец, оставшийся с новорожденным ребёнком и вскармливающий его без матери много лет трогательно и нежно. Он патологически верен своим любимым женщинам. Но более того — работе.

Александр Бухаров с сыном Петром

Как бы мы с Ляпко и Кациным не зудели под ухом, он не собирается бросать курить. А выпить на переговорах может ящик коньяку и не запьянеть при этом. Он самый трезвый из нас и самый серьёзный.

Он вдохновляет на подвиги творчества для 3П русскоязычных литераторов из 52 стран мира. И некоторые даже пишут ему посвящения.

В его доме хранятся книги с автографами Толстого, Ершова, Орешина...

И я часто задавалась вопросом: откуда в нём поистине княжеское благородство в поступках?

Он как-то обронил фразу, что Пушкин написал посвящение его прабабке, и оно в семье хранится, как реликвия.

Я начала искать ответ в его корнях. И накопила интереснейшие вещи.

Историческая справка

БУХАРОВ Николай Иванович, из дворян Псковской губернии. Родился в 1796 году. В службу вступил юнкером 1 апреля 1816 года в лейб-гвардии Конно-егерский полк, в портупей-юнкеры произведен в мае 1818 года. 25 марта 1830 года переведен в Лейб-гвардии Гусарский полк. В полковники произведен в августе 1836 года. Участвовал в походах и сражениях в 1828 и 1831 годах против турок и против польских мятежников. По-русски, по-немецки, по-французски читать, писать умеет, математику, историю, географию и философию знает. Уволен в отставку за ранами генерал-майором в августе

1847 года. Считался хранителем традиций полка. По воспоминаниям А. В. Мещерского, Б. — «настоящий тип старого гусара прежнего времени, так верно... описанного Д. Давыдовым... Вечно добродушный собутыльник, дорогой и добрейший товарищ, он был любим всеми офицерами полка». Жительство после отставки имел в Псковской губернии Порховского уезда, сельце Михалёво, близ станции Дубровка.

(РГВИА, ф. 395: оп. 244, д. 7; оп. 39 д. 445; оп. 36 д. 539).

В имении Бухарова бывал А. С. Пушкин, коротко знакомый с ним с лицейских лет. В парке усадьбы Михайловское стояла беседка с надписью: «Моим товарищам лейбгусарам».

А.С. Пушкин писал тогда Бухарову(возможно в альбоме на одном из именин):

**«Что можем наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумав, не успев, скажу: ты всех милей;
Подумав, я скажу все тоже».**

Неисповедимы пути твои, Господи! И Пушкин и Лермонтов были связаны дружбой с Бухаровым. Родовое имение Бухаровых Михалёво находилось не очень далеко от пушкинского Михайловского, и Пушкин, если верить воспоминанию современников и многочисленным публикациям, нередко навещал владельца имения Н.И. Бухарова и его семью. Пушкин встречался с Бухаровым еще раньше, в Царском Селе, когда он в свои лицейские годы бывал у другого лейб-гусара Чаадаева. Бухаров был только тремя годами старше Пушкина. Впоследствии он дослужился до чина генерал-майора.

Н. И. Бухаров.

Акварель А. И. Клондера. 1836. Портреты Б.: акв. Клондера (без даты) и, возможно, написанная им же (1836) хранятся в ИРЛИ; его же акв. (1838) — в Эрмитаже.

Но что же дальше? Олег Пантюхов утверждает, что Бухаров был произведён в офицеры гвардейского гусарского полка в Царском Селе в 1814 году, в год рождения другого великого поэта и будущего лейб-гусара Лермонтова. Лермонтов впоследствии вышел в этот же гусарский полк. Он, судя по всему, подружился с тем же Бухаровым, который был на восемнадцать лет старше Лермонтова. Бухарову он и посвятил два своих юношеских стихотворения: «К портрету Старого Гусара» (Н.И. Бухарову).

**«Смотрите, как летит,
отвагою пылая...
Порой обманчива
бывает седина:
Так мхом покрытая
бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина».**

В семье Бухаровых долго, с любовью хранился этот портрет лихого седеющего гусара.

Словарь Брокгауза и Эфрона расскажет нам о сыне известного гусара. Бухаров, Дмитрий Николаевич - писатель (1853 – 89). Был консулом в Любеке, затем в Иерусалиме, а последние годы жизни генеральным консулом в Стокгольме. Написал: «Россия и Турция. От возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 1871 г. включительно» (СПб., 1878); «Отчёт российско-императорского консула в Любеке» (СПб., 1879); «О меновых торговых сношениях с Финмаркеном» (ib., 1883); «Русские в Финмаркене» (ib., 1883); «Поездка по Лапландии осенью 1883 г.» (ib., 1885).

Родословную можно проследить и дальше. Из официальных данных, Бухарова Зоя Дмитриевна (в замужестве - Казина; 1876 – после 1923) – поэтесса, литературный и театральный критик. Родилась в Амстердаме в семье дипломата Дмитрия Николаевича Бухарова и певицы Александры Викторовны Бухаровой (урождённой Аничковой). Как критик и рецензент выступала (обычно -- за подписью З. Б.) в журналах «Театр и искусство», «Записки Передвижного театра», в «Журнале театра Литературно-художественного общества», в газетах «Слово», «Россия», «Петроградские ведомости» и др. О футуризме и Маяковском, помимо публикуемой, писала в статьях: «О футуризме» (Россия. 1914. 14 февр.); «Литературные заметки» (о сборнике «Стрелец») (Петроградские ведомости. 1915. 1 июня).

Детские годы прожила за границей. Там же получила начальное образование. После болезни и смерти отца семья Бухаровых переехала в Россию. Некоторое время жила в родовом имении в Феофиловской волости, Лужского уезда, Санкт-Петербургской губернии.

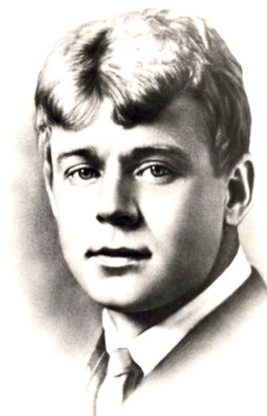
Имений Бухарова было несколько. Известные теперь в Ивановской области(деревня Бухрово), в Свердловской области, в Шумихинском районе.

С 1902 года после неудачного замужества поселилась с детьми в Петербурге, где занялась литературно-театральной деятельностью. Прославилась своими рецензиями на поэтов в журнале «Нива». Есенин подарил свою книгу Бухаровой, а она написала отзыв в литературный журнал. С.Есенин познакомился с Зоей Бухаровой в ноябре-декабре 1915 года. Он хорошо знал её лирику. Свои впечатления о знакомстве с Есениным и его стихами З.Бухарова описала в статье «Новые пути русского искусства», опубликованной 11 июня 1915 года в газете «Петроградские ведомости», в которой отмечала, что «у Есенина много стихов, и все они на те же родные поэту темы, и все они - безупречно легки и музыкальны... Стихи его очаровывают, прежде всего, своею непосредственностью: они идут прямо от земли, дышат полем, хлебом и даже более прозаическими предметами крестьянского обихода».

Сергей Есенин посещал квартиру З. Бухаровой, был близким другом. К молодому поэту все ласково обращались по имени «Сергуня». 4 ноября 1915 года в «Петроградских ведомостях» З.Бухарова опубликовала отзыв о состоявшемся 26 октября 1915 года вечере литературно-художественного общества «Краса», в котором отметила, что в «Миколе» С.Есенина «живёт, дышит, колыхается вся до последней чёрточки наша деревня, с мудро-детскими верованиями, исконно-благородной

обрядностью, языческой, природной непосредственностью, трудовым потом и праздничным разгулом».

Есенин одной из первых вручил З. Бухаровой свою «Радунницу» с дарственной надписью: «Дорогой Зое Дмитриевне Бухаровой с любовью и искренним расположением Сергей Есенин. 31 января 1916 г. Петроград». В журнале «Нива» (Ежемесячное литературное приложение. № 5. Май. 1916) Зоя Бухарова опубликовала рецензию, в которой отмечала, что Есенин прежде всего «лирик и художник родного быта», что «мыслитель в нем только ещё намечается, но намечается своеобразно, чутко, истинно народно». По её мнению, «у Сергея Есенина есть, несомненно, будущее. Но он должен твердо держаться принятого пути, не увлекаться опасными модными течениями, погубившими уже столько свежих дарований».

Революция Бухаровых разметала.

Ветвь нашего Бухарова, которая имеет прямое отношение к гусару Бухарову, началась с внука Николая Ивановича Петра, который дал детям блестящее образование, Его сын Иван Петров был вынужден скрыться от властей 50 лет. Двое детей Ивана Николай (отец Саши, полный тёзка великого гусара) и Анатолий оставались на попечении бабушек, поскольку мама рано умерла. Николаю путь лежал в Сибирь, по геологическим поискам. Позже, он прокладывал мачты высоковольтных передач, чтобы заработать денег для учёбы младшего брата.

Интересная деталь: Николаю долго(лет шесть!) не регистрировали рождения. Младший Анатолий младше по факту, но старше на год по паспорту.

Анатолий стал позже зам. Министра по транспорту. «В ботинках не ходил. А только в туфлях по ковровым дорожкам». Он утверждал, что именно отношение к родне гусара помогло ему когда-то занять такую должность.

Николай Иванович работал в главке Госснаба СССР. Построил все птицефабрики. Оснастил их оборудованием.

Когда в редкие минуты братья встречались, это заканчивалось попойкой и долгими воспоминаниями. Их отец Иван после пятидесятилетних скитаний вернулся в семью, когда Николаю исполнилось 60 лет...

Николай Иванович Бухаров, герой гусарских баллад скончался в 69 лет. Николай Иванович Бухаров, отец нашего Бухарова тоже.

У Саши Бухарова, «обманчивая седина» которого тоже иногда перерастает в волнистую бороду, а «бес ударяет в ребро», есть приятель Сергей Бурцев.

Занятно мне показалась и еще одна история. Я нашла в документах, что некий Бурцев был современником и Пушкина и Лермонтова и Бухарова. И что однажды на шуточных гусарских соревнованиях ему удалось перепить самого Дениса Давыдова!

Маргарита ШАНТО

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ – 2012»

Оргкомитет Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» объявляет о закрытии конкурса 2012, и приглашает всех участников на торжественную церемонию награждения!

30 октября.

Центральный дом литераторов.

Москва, метро Баррикадная, ул. Большая Никитская, д. 53. Малый зал. Вход свободный.

Регистрация представителей содружества и СМИ с 11-00 11.00 - 12.00 – общение между авторами и фото в фойе ЦДЛ.

12.00 – пресс-конференция для СМИ. (Малый зал)

12.30 - 13.00 – начало церемонии награждения победителей 2012 года. (Малый зал) Наличие литературных и военных наград на пиджаках приветствуется. Во избежание неловкости в общении между собратями по наградам просим ознакомиться с работами победителей и членов жюри на доступных ссылках в интернете.

В фойе малого зала вы можете получить неполученные дипломы за последние несколько лет, или поручить своему представителю в Москве получить бумаги за вас. Подарки от спонсоров к дипломам прошлых лет не прилагаются, все они реализованы на прошлых церемониях.

Оргкомитет.

Уважаемые участники конкурса!

В связи с переводом проекта на новый портал www.perorusi.ru, многие авторы не до конца освоили данный ресурс, и прислали работы как почтовыми отправлениями в виде книг, так и по электронным адресам членов оргкомитета и жюри конкурса.

Жюри рассмотрело с 1 января по 5 октября 2012 года 14115 произведений на шестнадцати русскоязычных электронных ресурсах из 70 стран. Количество участников снова превысило три тысячи человек.

Чтобы конкурс был прозрачен и удобен для ознакомления читателей с произведениями авторов, мы призываем вас более детально изучить возможности данной социальной сети. К примеру, не все участники смогли разместить после регистрации свои произведения, фотографии, рисунки, ссылки на дополнительные ресурсы на аудио и видео форматы и высылали это на личные адреса организаторов проекта. Многие оформили странички не по имени отчеству, а по псевдониму или нику, что значительно затруднило выписывать награды от солидных организаций. Это при дальнейшем общении не желательно. Пользователи типа «Киска», «Зайка», «Kolyzn», зарегистрированные без указания городов и государств, но поместившие рекламу сомнительных сайтов удалялись, не рассматриваясь, и обозначались как спам.

Внимание! В 2013 году с 1 января конкурс будет обозначен отдельной строкой. Но вы можете уже сейчас помещать конкурсные произведения на наш ресурс. Все они будут рассмотрены с 15 сентября по 1 октября 2013 года. Следите за нашими объявлениями. Оргкомитет и модераторы сайта ведут работу по улучшению системы и адаптации ее как для читателей, так и для писателей. Вы интересны миру! Подбирается новая команда рекламного агентства Золотого Пера, редакторов дочерних электронных изданий, живого интерактивного телевидения Золотого Пера, радио, журналов и газет, а также закрытого жюри, способная оперативно работать на современном сайте типа WORD PRESS. Каждый из вас сможет помещать в

электронные издания свои произведения. Готовится к запуску проект библиотеки Золотой коллекции авторов и электронной продажи книг – победителей конкурса Золотое Перо Руси и других авторов.

Конкурс этого года закрыт. Но сеть продолжает работать.

Предварительные итоги 2012 года в этих списках. Некоторые фамилии могут попадать в разные номинации. Внимательно ознакомьтесь со всем перечнем наград.

Спонсоры церемонии:

- *Международный центр Интеграционных процессов ФСРФ
- *ГДФСРФ
- *Общественная палата
- *Союз писателей РФ (МГО).
- *Студия «ЛеПьер», г. Москва.
- *Гильдия издателей и распространителей, г. Москва
- *Военно-художественная студия писателей, г. Москва
- *Международный союз писателей «Новый современник», г. Рязань
- *Ассоциация саратовских писателей, г. Саратов
- *Международное творческое объединение детских авторов, г. Ришон ле Цион, Израиль.
- *«Русские линки в Германии» оперного певца А. Гами, г. Бремен, Германия.
- *«Школа мира» г. Крагуевац, Сербия.
- *Русское общество по изучению проблем Атлантиды (РОИПА)
- *ООО Ляпко, Украина г. Донецк
- *ООО «Кузнецовский фарфор», г. Ликино-Дулево.
- *Объединение «Диалог-Конверсия» г. Москва.
- *Гильдия огранщиков г. Москва

ЗА ПЛОДОТВОРНУЮ РАБОТУ В РАМКАХ ПРОЕКТА ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Орденом ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ РОССИИ в 2012 году уже отмечены или будут награждены на церемонии:

Генрих Дик (г. Гютерсло, Германия) за организацию 4 крупных международных литературных конкурсов и выпуск серий книг «Современная литература России» и «Сказка сегодня» (Высшая степень)

Франц Кизель (Германия) за активную финансовую и организационную поддержку всех мероприятий связанных с проведением международных литературных конкурсов и выпуском серии «Современная литература России» (Высшая степень)

Елица Курьяк, Чрезвычайный и полномочный посол Сербии в Москве (Высшая степень) (награда вручена в Москве)

Бойко Коцев, Чрезвычайный и полномочный посол Болгарии в Москве (Высшая степень) (награда вручена в Москве)

Бисер Киров, посол доброй воли от Болгарии в Москве (Высшая степень) (награда вручена в Москве)

Василка Кейхайова Первый секретарь посольства Болгарии в Москве. (Высшая степень) (награда вручена в Москве)

Бушуев Александр Иванович (г. Братислава, Словакия) Директор РЦ НК (Высшая степень)

Явчуновская Илона Валерьевна (г. Мадрид, Испания) Директор РЦ НК (Высшая степень) (награда вручена в Испании)

Мазирка Александр Васильевич (г. Калькутта, Индия) Директор РЦ НК (Высшая степень) (награда вручена в Индии)

Любомир Влков (г. Стара Загора, Болгария) председатель инициативной группы восстановления русских памятников в Болгарии (Высшая степень) (награда вручена в Болгарии)

Николай Сличенко (г. Москва, Россия) (Высшая степень) (награда вручена в Москве)

Петр Стефанович, директор Школы мира (г. Крагуевец, Сербия) (Первая степень)

Радмило Ристич, переводчик (г. Крагуевец, Сербия) (Первая степень)

Катарина Кухаренко (Германия) за активное участие в работе по выпуску серий книг «Современная литература России» и «Сказа сегодня» (Первая степень)

Елена Абрамс (Германия) за активное участие в работе по выпуску серий книг «Современная литература России» и «Сказа сегодня» (Первая степень)

Сергей Пашков (Карелия, Россия) (Первая степень) (награда вручена в Карелии)

Вячеслав Барыбов (г. Омск, Россия) (Первая степень) (награда вручена в Омске)

Светлана Малявина (г. Мадрид, Испания) за поддержку русского языка за рубежом (Первая степень) (награда вручена в Испании)

Светлана Яськова (г. Мадрид, Испания) за поддержку русского языка за рубежом (Первая степень) (награда вручена в Испании)

Ирина Горькова (г. Таррагона, Испания) за поддержку русского языка за рубежом (Первая степень) (награда вручена в Испании)

Вуколов Николай Павлович (Приморье, Россия) (Первая степень)

Ганев Эдуард Анварович (Саратов, Россия) (Первая степень)

Сухарев Игорь Геннадиевич, главный редактор журнала «Курс» (Саратов, Россия) (Первая степень)

Кинякина Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия) за высокую гражданскую позицию

Максимова Галина Ильинична (г. Москва, Россия) за высокую гражданскую позицию

Оськин Александр Владимирович (г. Москва, Россия) за высокую гражданскую позицию

ЗА ПЛОДОТВОРНУЮ РАБОТУ В РАМКАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОЕКТОВ от СП РФ

Орденом Сергея Есенина «Золотая осень» будут награждены на церемонии:

Хамидуллина Вера Петровна (г. Набережные Челны, Татарстан) за многогранную творческую и широкую издательскую деятельность на благо отечественной литературы.

Леонид Брайловский (г. Ришон-ле-Цион, Израиль) за колоссальный труд в поддержку русскоязычных авторов за рубежом.

Майзельс Илья Михайлович (г. Рязань, Россия) за многогранную творческую и широкую общественную деятельность на благо отечественной литературы.

Орденом М.Ю. Лермонтова будет награжден на церемонии:

Александр Николаевич Бухаров (г. Москва, Россия) за широкую общественную деятельность на благо мировой литературы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ им. А.П. ЧЕХОВА (ПРИЛАГАЕТСЯ СЕРТИФИКАТ С УДОСТОВЕРЕНИЕМ И МЕДАЛЬЮ) ««ЗА ВКЛАД В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ»».

Вуколов Константин Иванович (Башкортостан) (По рекомендации МТОДА)

НАГРАЖДАЕТСЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИЕЙ им. А.С. ГРИБОЕДОВА (ПРИЛАГАЕТСЯ СЕРТИФИКАТ С УДОСТОВЕРЕНИЕМ И МЕДАЛЬЮ) «ЗА ДОСТИЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ».

Лариса Ульяненко
(г. Кассель, Германия)
Кунилова Татьяна Александровна
(г. Сибирь, Россия)
Наталья Труш
(г. Санкт-Петербург, Россия)

ДИПЛОМ АЛЕКСАНДРА БУХАРОВА с медалью им. Льва Толстого

Валентина Кайль (г.Лемго, Германия) за тавтограмму на букву «п» «Первый поцелуй».

Доктор Ульрих Енгелен (г. Гютерсло, Германия) за активную поддержку русского языка за рубежом.

С медалью им. Достоевского
Антонио Родригес (г. Таррагона, Испания) директор русского центра им. Достоевского.
(награда вручена в Испании)

Борис Чигирин (Россия) за активную гражданскую позицию.

В РАМКАХ АКЦИИ «СОЛНЕЧНЫЙ ХРАМ» будут вручены МЕДАЛИ «ЗА СОЛНЕЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Артур Кромм (г. Гютерсло, Германия)
Анна Цаяк (г.Берлин, Германия)
Яков Рогальский (г.Шланген, Германия)
Ильгар Шейдаев (г.Падерборн, Германия)
Владислав Пешков (г.Кассель, Германия)
Даниил Брайнингер (г.Аахен, Германия)
Агнес (Госсен) Гизбрехт (Г. Бонн, Германия)
Дружаева Ирина (Россия)...
Никас Сафронов (Москва, Россия)
И не только!

ПОБЕДИТЕЛИ И ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ – 2012»

Звания « ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ » с вручением удостоверения, сертификата и «Знака особого отличия «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ» из чистого золота с пробой,

звания «СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ» с вручением удостоверения, сертификата и «Знака особого отличия «СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ» из чистого серебра с пробой, а также звания «ЗОЛОТОЙ ЛАУРЕАТ «Национальной литературной премии ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2012», звания «СЕРЕБРЯНЫЙ ЛАУРЕАТ «Национальной литературной премии ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2012» с вручением специального диплома, а также специальных тематических дипломов от учредителей и спонсоров удостоены:

Номинация ПРОЗА:

ОБЛАДАТЕЛИ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ЗНАКОВ:
ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 131

Мария Ивановна Арбатова (г. Москва, Россия) За произведение «Дегустация Индии».

СЕРЕБРЯНЫЕ Лауреаты ДИПЛОМ

Александр Граков (г. Краснодар, Россия) «За рассказ «Распродажа».

Евгений Сменков (п. Корма, Беларусь) За рассказ «Медовое солнце».

Номинация ИЗДАНИЯ (курирует номинацию АРПП):

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 139

Исайчев Владимир Николаевич (г. Москва, Россия) за книгу «Соловей любви свидетель».

Сертификат соответствия № 140

Олег Ролдугин (г. Москва, Россия), редактор отдела «Расследования» еженедельной газеты «Собеседник»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 74

Игорь Минаев (г. Москва, Россия), политический обозреватель газеты «Мир Новостей»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ, ДИПЛОМ:

Сергей Кондрашев (г. Москва, Россия), Директор ООО «Информбюро»

Денис Соколов (г. Москва, Россия), редактор интернет-журнала «PlanetaSMI.RU»

Марина Бойкова (г. Москва, Россия), внештатный автор журнала «Отдохни!»

Специальные призы:

Специальный приз за высокое художественное мастерство книга Веры Хамидуллиной и Никаса Сафронова «В поисках Шамболы» (г. Москва, Россия) (г. Набережные Челны, Татарстан)

Специальный приз за патриотизм Александр Хвостов книга «Ребята! Мы вас не забудем!»

Специальный приз за информативность Марина Суворова редактор издания «Вестник АРГО» (г. Москва, Россия)

Специальный приз Левин Алексей Гаврилович за патриотическую направленность серии изданий инициативной группы «Трудовая доблесть России» (г. Москва, Россия) Диплом Владимир Жилинко, редактор

Специальный приз Виктор Павлушин за высокопрофессиональное издание «Животные в Новосибирском зоопарке» (г. Новосибирск, Россия)

Специальный приз за высокое художественное мастерство книг о ювелирных изделиях Раиса Лобацкая (Урал, Россия)

Специальный приз за высокое художественное мастерство книга Виктора Тузлукова «Прикосновение вечности» (г. Москва, Россия)

Специальный приз за высокое художественное мастерство серии изданных сказок Софья Прокофьева (г. Москва, Россия)

Специальный приз за высокое художественное мастерство двухтомника «Точка опоры» Михаил Ножкин (г. Москва, Россия)

Специальный приз за серию книг «Уроки Доброты» и «Школа Доброты» Юрий Дмитриевич Куклачев (г. Москва, Россия).

Специальный приз за ряд высокоинформативных патриотических книг о летчиках Марина Лаврентьевна Попович (г. Москва, Россия).

Специальный приз за ряд международных изданий «Интеллигент» Сергей Пашков

Специальный приз за газету «Основа» (г. Наро-Фоминск, Россия) Михальченкова Наталья Ивановна

Специальный приз издательство «Немцы из России» (г. Гютерсло, Германия) Генрих Дик

Специальный приз за высокое мастерство и информативность серии изданных книг под грифом «Запретные темы истории» Андрей Скларов

Специальный приз за высокое мастерство и информативность альманах «Ахалтеке информ» (г. Москва, Россия) Юлия Кузнецова

Специальный приз за высокое мастерство и информативность издание «Общество и экология» (г. Санкт-Петербург, Россия) Сергей Лисовский

Специальный приз за высокое мастерство и информативность книгу воспоминаний Александр Понкратов-Черный.

Номинация ОЧЕРК:

ОБЛАДАТЕЛИ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ЗНАКОВ:

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 132

Татищев Борис Юрьевич (г. Симферополь, Украина) За глубокое проникновение в тему очерка.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 71

Борис Кунин (г. Гарбсен, Германия) за очерк «Литературная бухгалтерия».

Номинация ДУХОВНОСТЬ

ОБЛАДАТЕЛИ специальных сертификатов на эксклюзивные иконы

Федор Конюхов (г. Москва, Россия), путешественник, за высокодуховное содержание книг «Под алыми парусами» и «Океан – моя обитель».

Владимир Бородин (г. Москва, Россия), композитор, за высокодуховную музыку к притчам батюшки Гурьянова.

Номинация КРИТИКА:

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ, ДИПЛОМ:

Леонид Сторч (г. Багнког, Тайланд) за критическую статью «Эта музыка будет вечной»

Игорь Гетманский (г. Балашиха, Россия) обладатель ЗПР 2005 года за произведение «Как создать экспрессивную речь?»

Номинация ПОЭЗИЯ:

Обладатели премии Александра Гами по разделу «Однословный многорифм». Из города Бремен к церемонии доставлены специальные сувениры и дипломы.

1 место: Вера Хамидуллина (г. Набережные Челны, Россия)

2 место: Александр Савостьянов (г. Клинцы, Россия)

3 место: Людмила Крыжановская (г. Херсон, Украина)

ЗОЛОТЫЕ ЛАУРЕАТЫ, Диплом Михаила Ножкина, ОБЛАДАТЕЛИ ФАРФОРОВЫХ СТАТУЭТОК и специальных подарков:

Оливия Сканта (г. Венеция, Италия) за верность России и за Доброту произведений.

Виктор Николаев (г. Мытищи, Россия) за стихотворение «Бал ясновословия».

Наталья Крофтс (г. Сидней, Австралия) за стихотворение «Второй ковчег».

Николай Гончаров (г. Ярославль, Россия) за стихотворение «Ярослав».

Давыденко Надежда за стихотворение «Не умирай».

Марина Волкова (г. Санкт-Петербург, Россия) за стихотворение «Разгуляйся душа!»

Аарон Котляр (Израиль) за поэтический сборник «Музыка».

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ, ДИПЛОМ:

Владимир Морган (г. Монреаль, Канада) За стихотворение «Россия, Родина моя!»

Александр Кноль (г. Новосибирск, Россия) за стихотворение «Грибным дождем шумит Россия».

Алекс Ершов (г. Харьков, Украина) за стихотворение «Дождь».

Ирина Ашомко (г. Нижний Новгород, Россия) за стихотворение «Эта девочка-девушка-женщина»

Федоров Михаил за произведение «Прогулка сна сюрреалиста»

Николай Поляков (г. Павлодар, Казахстан) за стихотворение «В тех краях, где не был давно».

Юрий Розовский (г. Братск, Россия) за стихотворение «Русь»

Андрей Черников за стихотворение «Обнимало раненое небо».

Юрий Герловин за серию стихов о художниках

Номинация ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 133

Нонна Орешина (г. Казань, Татарстан) за произведение «В режиме вертикального взлёта»

Золотой лауреат (Керамическая статуэтка Кузнецовский фарфор)

Награждаются:

Евгений Грачев (г. Саратов, Россия) за роман «Бункер Сталина»

Награждаются ДИПЛОМОМ им. Твардовского:

Константин Русских (г. Октябрьский, Россия) за стихотворение «Пограничная тишина». (Прилагается военная медаль)

Владимир Ковалёв (г. Калуга, Россия) за произведение «Русский мальчишка Ростов» (Прилагается военная медаль)

Александр Сахаров (г. Пермь, Россия) за произведение «Недаром помнит вся Россия» (Прилагается военная медаль)

Борисов Владимир «(г. Москва, Россия) за произведение «Белые голуби Ефрейтора Лямина» (Прилагается военная медаль)

Владимир Алексеев (г. Санкт-Петербург, Россия) за произведение «Разведка боем» (Прилагается военная медаль)

Валерий Патрушев (г. Москва, Россия) за произведение «Монолог Хлопуши. 21-й век» (Прилагается Орден и специальный диплом Сергея Есенина от СП РФ «Золотая Осень»)

Татьяна Окоменюк (г. Франкфурт-на-Майне, Германия) за публицистический материал «Развенчание мифов или мифы развенчания?» (Прилагается военная медаль)

Наталья Труш (г. Санкт-Петербург, Россия) за публицистический очерк «Память о десанте на Муста-Тунтури» (За материал от СП РФ будет вручена премия Грибоедова)

Номинация СКАЗКА:

ОБЛАДАТЕЛИ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ЗНАКОВ:

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 134

Тимофеевский Александр Павлович (г. Москва, Россия) за напевность детских произведений.

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ(ДИПЛОМ)

Алексей Сергеев (г. Москва, Россия) за произведения «Тайна подземелья».

Екатерина Никода (г. Киев, Украина) За произведение «Вечность»

Юрий Гельман (г. Ниоклаев, Украина) За произведение «Эндшпиль адмирала» Григорий Баркович (г. Дюссельдорф, Германия) за притчу «И пришел человек»

Николай Поляков (г. Павлодар, Казахстан) за сказку «Шампаньетта».

Номинация ТЕХНИЧЕСКАЯ, памятная доска ЗОЛОТОЙ ИНТЕГРАЛ

Юрий Полиский за оригинальную техническую подачу литературных произведений «Портрет четы Арнольфини» и «Так это было»

Лео Гимельзон (Гелимсон Лев Григорьевич, г. Мюнхен, Германия) за представление собственных универсальных наук, включая униматематику и унифизику с первыми прочностными законами природы.

Номинация СПОРТИВНАЯ

Специальные Грамоты от ГД ФС РФ (Комитет по спорту), под эгидой ЗПР, подписанные Председателем комитета по Спорту.

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 138

Болоянов Павел Михайлович (Сибирь, Россия) за высокую гражданскую позицию песен о спорте.

Грамоты:

Бекир Аблаев (г. Нижнегорский, Украина) за интервью «Виталий Рудиков «Спорт мне учиться и жить помогает!»

Гор Георгян (г. Красноярск, Россия) за репортаж «Бувайсар Сайтiev: «Всё должно получиться»

Владимир Папкевич (г. Нижний Новгород, Россия) за стихотворение «Чемпионат Мира 2012 по хоккею»

Юрий Шпилькин (г. Шымкент, Казахстан) за репортаж «Выше головы не прыгнешь?»

за репортаж «Очередной, пятидесятый, «Кубок золотого города» снова у «наших!»

Марина Ламбертц-Симонова (г. Пфорцхайм, Германия)

Карелин Алексей (г. Брянск, Россия) за репортаж «Бег»

Номинация ЮМОР:

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ(ДИПЛОМ)

Алекс Ершов за эссе «О последних событиях в жизни страны»

Леонид Лещинский за серию пародий.

Анатолий Пчелинцев за произведение «Как хохлы в России мусор воровали»

Номинация ЭКОЛОГИЯ

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 135

Дроздов Николай Николаевич (г. Москва, Россия), автор и ведущий телевизионной программы «В мире животных» За высокое художественное мастерство и профессионализм.

ДИПЛОМ ИМ. ВЕРНАДСКОГО

Ольга Семенова (г. Бологое, Россия) за очерк «Журчат неповторимые в России».

Анна Барсегян (г. Татарстан) за серию стихов.

Юрий Жекотов (г. Николаевск на Амуре), Россия) за серию рассказов о природе.

Павел Шерстобитов (г. Пермь, Россия) за произведение «Утки».

Татьяна Окоменюк (Германия, Франкфурт-на-Майне) за очерк «Формировать «экологическое сознание»

Наталья Труш (Россия, г. Санкт-Петербург) за очерк «Бомба за медленного действия»

3D и анимация

ЗОЛОТЫЕ ЛАУРЕАТЫ

Наталья Крофтс (г. Сидней, Австралия) за ленту «Херсонская трилогия»

Екатерина Асмус (г. Санкт-Петербург, Россия) за ряд профессиональных сценарных работ

Номинация ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ:

Награждается ДИПЛОМОМ ИМ. ШЕКСПИРА (медаль встроена в диплом)

Светлана Яськова (г. Мадрид, Испания) за ряд перевода сказок на испанский язык

Матхаби Батачарья (г. Калькутта, Индия) за двадцатилетнюю работу по сближению народов Индии и России и литературные переводы.

Гаутам Гхош (г. Калькутта, Индия) за перевод на бенгали русских авторов.

Любомир Влков (г. Стара Загора, Болгария) за перевод на болгарский русских авторов.

Иоганн Шварц (г. Кассель, Германия) за переводы на немецкий русских авторов.

Анна Барсегян (г. Екатеринбург, Россия)) за высокое художественное мастерство переводов на армянский язык.

Людмила Крыжановская (г. Херсон, Украина) за высокое художественное мастерство переводов на украинский язык.

Владимир Морган (г. Монреаль, Канада) за высокое художественное мастерство переводов

Номинация ДЕТСКАЯ:

На конкурс портала «БрайлЛенд» поступило 178 заявок от детских писателей, 370 произведений. Конкурс проводился Международным творческим объединением детских авторов. Председатель жюри Леонид Брайловский г. Ришон ле Цион, Израиль:

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 72

Семён Островский (США) За произведения «ЖИЛ НА СВЕТЕ АПЕЛЬСИН» и «ЖИЛА В ДЕРЕВЕНЬКЕ СТАРУШКА»

Золотые лауреаты. Номинация поэзия, сказка в стихах /с вручением памятного подарка.

Татьяна Гетте За произведения «ДЕЛО В ШЛЯПЕ» и «ПРОТЕСТ»

Лев Рахлис За произведения «ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА СЕКРЕТ.» и «КОГДА Я БЫЛ ТАКИМ, КАК ТЫ.»

Андрей Сметанин За произведения «АВТОБУС-ГАРМОШКА» и «ГОЛОДНАЯ ПЕСНЯ»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ. Номинация «Поэзия, сказка в стихах», с вручением памятного подарка/

Кристина Стрельникова За произведение Я ПОВСТРЕЧАЛА БЕГЕМОТА

Наталья Капустюк За произведение «РЫЦАРЬ»

Татьяна Керстен «ШЁЛ ПО ГОРОДУ ТУМАН»

Золотые лауреаты. Номинация «Проза» /с вручением памятного подарка/

Дмитрий Сиротин За произведение «САМЫЙ БОЛЬШОЙ АБРИКОС»

Наталья Крупина За произведение «ЗОЛОТЫЕ ЦВЕТЫ»

Юстина Южная За произведение «ЛЮСИ С УЛИЦЫ ПЕНИЯ ПТИЦ (ФРАГМЕНТ)»

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛАУРЕАТЫ. Номинация «Проза» /с вручением памятного подарка/

Вероника Якушко За произведение ЭЛЬФ И БУРАТИНО

Михаил Стародуб За произведение СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Ирина Минаева За произведение ИНТЕРВЬЮ

ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ ЗП и МТОДА

Игорь Калиш За произведение ПОЧЕМУ ГРУСТИЛА КОРОВА

Галина Ильина За произведение ЛЮБОПЫТНЫЙ НЕБОСКРЁБ

Владимир Колодкин За произведение ШКОЛЬНЫЕ КАНИКУЛЫ

Григорий Белый За произведение КУКУШКА

Валентина Черняева За произведение НЕ ЦЕНИМ, ЧТО ИМЕЕМ

Галина Семенова За произведение СЕМЬЯ КУЗНЕЦА

Алексей Стариков За произведение СООБЩИТЕ ПО АДРЕСУ

Михаил Смирнов За произведение ГУНЬКА

Ирина Гафурова За произведение МАРТЬЯН-РЕКА

Ольга Аксёнова За произведение ЛЫЖНЯ

Номинация «Песня для детей»:

ДИПЛОМ им. Риммы Казаковой.

Наталья Булганина За произведение ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ

Исполнитель песни – Кристина награждается дипломом и медалью Международного творческого объединения детских авторов «Золотое солнышко»

Лидия Огурцова за цикл песен «МАМОЧКА» «ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА» «АХ, ЛЮБОВЬ»

Композитор Ангелина Карпенко и детский ансамбль «Свитанок» за цикл песен «МАМОЧКА» «ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА» «АХ, ЛЮБОВЬ»

Исполнитель песни «АХ, ЛЮБОВЬ» – Миша Будный награждается дипломом и медалью Международного творческого объединения детских авторов «Золотое солнышко»

Композитор Сергей Толкунов за музыку к произведению «ГОЛОДНАЯ ПЕСНЯ»

Исполнитель песни «ГОЛОДНАЯ ПЕСНЯ» – Максим Данильчик награждается дипломом и медалью Международного творческого объединения детских авторов «Золотое солнышко»

Председатель жюри номинации «ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ» - Леонид Брайловский

Номинация МУЗЫКАЛЬНАЯ

Медаль Лира-Элит

Владимир Бородин (г. Москва, Россия) за высокое художественное мастерство песен

Леонид Брайловский (г. Ришон ле Цион, Израиль) за особую солнечность детских песен

Лесников Александр Михалович (г. Москва, Россия) за песенку «Хорошо быть мурашом»

ДИПЛОМ им. Риммы Казаковой

Наталья Булганина За произведение ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ

Владимир Бородин (г. Москва, Россия) за высокое художественное мастерство песен

Иванов Виталий (п. Дубровка, Россия) за серию патриотических песен

Марина Ламбертц-Симонова (г. Пфорцхайм, Германия) за слова и исполнение песни «Золотое Перо Руси»

Болянов Павел Михайлович (Сибирь, Россия) за песню о Космосе.

Номинация ТЕЛЕ

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 137

Ризин Валерий Давыдович (г. Москва, Россия) Президент Евразийской Академии телевидения и радиовещания.

Номинация ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ:

ЛАУРЕАТЫ, ОБЛАДАТЕЛИ ФАРФОРОВЫХ СТАТУЭТОК:

Золотые лауреаты:

ЛИТО «Родник» (Приморский Край, Россия)

Мазирка Александр Васильевич Директор РЦНК (г. Калькутта, Индия) За поддержку русского языка и русских традиций за рубежом.

Камал Чакроборти (г. Калькутта, Индия) За поддержку русского языка и русских традиций за рубежом.

Гаутам Гхош (г. Калькутта, Индия) За поддержку русского языка и русских традиций за рубежом.

Мадхаби Бхаттачария (г. Калькутта, Индия) За поддержку русского языка и русских традиций за рубежом.

Любомир Вълков (г. Стара Загора, Болгария), организатор восстановления памятников русским воинам, погибших при освободительных войнах в Болгарии

Трифон Митев (г. Стара Загора, Болгария), председатель фонда «пламя» /пламък/

Светлана Шаренкова (г. София, Болгария), - председатель форум «България -Русия»

Петър Драгиев (г. Стара Загора, Болгария), - главен редактор-вестник «Национална бизнес поща»

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ СВЕТЛАНЫ САВИЦКОЙ и статут Золотого Пера Руси:

Сертификат соответствия № 136

Лев Рахлис (г. Атланта, США) за серию детских стихов «Объявления на цыпочках».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 73

Валерий Патрушев (г. Москва, Россия) за высокую гражданскую позицию произведения «Монолог Хлопуши. 21-й век»

Особые подарки

Лео Гимельзон (г. Мюнхен, Германия) за сказку «Чисел, действий внемлет связка: уничтоженная сказка»

Карен Агамирзоев (г. Костомукша, Карелия) за произведение «Калевальская мозаика»

Людмила Крыжановская (г. Херсон, Украина) за сказку «Ивовый листочек».

Мария Карпинская (г. Москва, Россия) за произведение «На исходе волчьего часа».

Игорь Шандра (г. Одесса, Украина) за произведения из серии «О странностях любви»

УМНАЯ СОВА ОТ ЗНАТОКОВ ИГРЫ «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?»

За самое умное произведение

Александр Прохоров (г. Санкт Петербург, Россия) За очерк «Фрейд и Юнг. От диалектики культурных концепций к трансцендентальному мирозерцанию».

Леонид Сторч (г. Бангкок, Тайланд) за очерк «Настоящее время как падчерница русского глагола»

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Золотые лауреаты, обладатели статуэток Кузнецовского фарфора Альфира Ткаченко (г. Усолье, Россия) за новеллу «Святки на деревне»

Александр Чернюк (г. Хмельницкий, Украина) за новеллу «Песнь души! Золотая Украина!»

Иван Малов (г. Оренбург, Россия) за произведение «Голубиные шаги».

Ирина Дружаева за произведение «Медвежий яр».

ДИПЛОМ «Историческое наследие» от РОИПА и специальный подарок

Александр Сахаров (г. Пермь, Россия) за очерк «Достоин ли мы встретим юбилей М.Ю. Лермонтова?» и очерк о Жуковском.

Владимир Морган (г. Монреаль, Канада) за очерк о Высоцком.

Георгий Туровник (Приморский Край, Россия) за серию исторических очерков.

Кульдяков Николай (г. Нижний Новгород, Россия) за отрывок из исторического романа о ВОВ

Александр Киселёв (г. Москва, Россия) за произведение «Судьба России решалась в Бородино»

Юрий Гельман (г. Ниоклаев, Украина) За произведение «Эн-дшипил адмирала»

Медаль почетного путешественника им. Ю.А.Сенкевича

Андрей Скляр (г. Москва, Россия) за посещение с целью художественно-аналитического исследования более 15 стран.

Светлана Савицкая (г. Москва, Россия) за посещение с целью художественно-аналитического исследования более 15 стран.

ДИПЛОМ Депутата ГД ФС РФ ДМИТРИЯ САБЛИНА

Хуснутдинов Радмир Асхатович за высокую гражданскую позицию книги «Гонимый «солями» или сила в правде».

Юрий Галкин (г. Королев, Россия) за высокую гражданскую позицию серии патриотических произведений.

БОЛЕЕ 100 БЛАГОДАРНОСТЕЙ вручены ОТ ПРОЕКТА ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ в течение 2012 года представителям РосСотрудничества. Награждены:

*Сотрудники и руководство Русского Центра Науки и Культуры в Словакии

*Сотрудники и руководство Русского Центра Науки и Культуры в Болгарии

*Сотрудники и руководство Русского Центра Науки и Культуры в Испании

*Сотрудники и руководство Русского Центра Науки и Культуры в Индии

*Сотрудники и руководство Русского Центра Науки и Культуры в Сербии

*Сотрудники и руководство Русского Центра Науки и Культуры в Бельгии

А так же организации разных стран, активно занимающиеся поддержкой русского языка за рубежом.

Специальный подарок приготовлен для нашего фотографа Михаила Тищенко, для членов жюри и представителей посольств.

Ждем всех любителей высокой литературы для поддержки победителей и любимых авторов аплодисментами, авторскими книгами и сувенирами на церемонии награждения.

На церемонии ПРИВЕТСТВУЕТСЯ парадная форма с отличительными знаками – медалями, орденами, золотого либо серебряного пера и т.д.

С пожеланиями новых творческих удач, учредители проекта Золотое Перо Руси Александр Бухаров

Светлана САВИЦКАЯ

МЕДИА-ГРУППА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
«ИНТЕЛЛИГЕНТ»

Конкурс «Герой нашего времени»

Положение о конкурсе

Медийная группа международных изданий «Интеллигент» учредила особый конкурс для людей, сотрудничающих с проектом и публикующихся в различных его изданиях. Конкурс назван «Герой нашего времени» и проходит под девизом «Интеллигент – Дух эпохи». В Древней Греции победители Олимпиады получали простую награду: оливковый или лавровый венок. И этот нехитрый приз делал их истинными героями!

В нашем проекте тоже есть свои герои: и авторы, и люди, участвующие в качестве наших активных представителей и помощников. Мы решили учредить дипломы в трех номинациях (по три призёра в каждой из номинаций), а также отдельный диплом для лучшего детского писателя. Итоги конкурса мы будем подводить ежегодно, осенью, и объявлять победителей в этих номинациях.

Первые призы будут объявлены нами уже осенью 2012 года.

Первая номинация – активный участник международного медийного проекта «Интеллигент». (Награждаются самые ак-

тивные участники проекта, которые с помощью нашего проекта пропагандируют творчество интересных авторов своего региона, страны, ЛИТО или круга общения, а также развивают сам проект).

Вторая номинация – лучший поэт международных литературных проектов «ПИ 1» и «Интеллигент». (Награждаются авторы, которые, по мнению учредителя и редакторского состава медийной группы «Интеллигент», достойны этого звания).

Третья номинация – лучший автор короткой прозы международного литературного проекта «ПИ 1» и проекта медийной группы изданий «Интеллигент».

Четвертый диплом вручается только одному автору, в номинации «Лучший детский автор международного литературного проекта «ПИ 1» и медийной группы изданий «Интеллигент».

Каждый автор, опубликованный в издании «Провинциальный Интеллигент 1», а так же в любом из изданий медийной группы «Интеллигент», автоматически участвует в этом конкурсе и имеет возможность быть отмеченным и награжденным соответствующим дипломом.

Жюри: Членами жюри является редакторский коллектив медийной группы «Интеллигент»:

Наталья Крофтс
(Австралия)

Должность:
главный редактор
газеты
«Интеллигент-
Санкт-Петербург»

Вячеслав Барыбов
(Омск, Россия)

зам. главных
редакторов
медийной группы
«Интеллигент»

Наталья Гордеева
(США)

Должность:
художественный
редактор

Дина Лебедева
(Петрозаводск, Россия)

Должность: главный
редактор газет
«Провинциальный
интеллигент 1»,
«Интеллигент-Москва»
Интеллигент -США»

Ольга Аксёнова
(Мытищи, Россия)

Должность:
редактор детской
странички

Сергей Пашков
(Костомукша, Россия)

УЧРЕДИТЕЛЬ
ПРОЕКТА
Должность:
технический
редактор

Подведение итогов конкурса «Герой нашего времени»

Вот и закончился наш первый конкурс «Герой нашего времени». Надо сказать, что конкурс был очень сложным. Прежде всего, это связано с тем, что надо было держать в памяти всех интересных авторов и их творческие работы за большой период времени, а это с 2009 года и по текущий момент. Можно, конечно же, было и освежить память, пересмотрев номера изданий медийной группы «Интеллигент» и международного издания «Провинциальный Интеллигент 1», чтобы не пропустить то лицо, которое, по мнению членов жюри, должно было быть отмечено. Но есть такие авторы, которые просто ЗАЦЕПИЛИ своими творческими работами, поэтому они постоянно в памяти читателей, в том числе и в памяти редакторов изданий. И мне, как учредителю медийного проекта и этого конкурса, было самому интересно: каких же авторов ОСОБО отметят редакторы, кого они выберут из множества наших помощников, — самых активных и нужных, притом как для проекта, так и для своего региона, ЛИТО, круга соратников.

После моих вычислений и соотношений по лидерам в нашем конкурсе определились четыре человека, авторы Марк Луцкий, Майя Шварцман, Светлана Савицкая и Ефим Бершин. Ранее мной было принято решение исключить из данного конкурса редакторов, оставив только членов редакторского совета. Понятно, что редакторский состав заслужил, притом в полном составе, той высокой оценки, которой достиг уровень изданий медийной группы «Интеллигент». Поэтому каждый член редакторского коллектива и веб-мастер сайта Юлия Рудомазина, будут награждены грамотами — «За бескорыстный и полезный труд на благо творческого развития в русскоязычной среде на международном уровне».

Не скрою, я был приятно удивлен и обрадован, что из большого числа авторов и сотрудников проекта были отмечены четверо авторов из Республики Карелия, которые заслужили грамоты в этом уникальном и сложном конкурсе. Это Дина Лебедева из Петрозаводска, Наталья Ахонен из города Питкяранта, Ольга Бурыгина из Чумы, Сергей Пашков из Костомукши.

Грамотами так же будут отмечены: Екатерина Асмус (г. Санкт-Петербург), Людмила Шарга (Украина, г. Одесса), Андрей Дюка (Украина, г. Кривой Рог), Вера Зубарева (США), Ян Кауфман (г. Москва), Наташа Лайдинен (Москва), Наталья Ахонен (г. Питкяранта), Ольга Бурыгина (п. Чупа), Ирина /Ляля/ Нисина (Австралия), Ирина Дружаева (г. Городец), Михаил Стародуб (г. Москва).

Все лица, получившие грамоты, имеют полное право на получение дипломов, в том числе в той же номинации, в которой их отметили грамотами, но уже в следующих сезонах. Всего же из Карелии, по сути, было отмечено шесть человек, а это значит, что с нами сотрудничают сильные авторы этой республики.

Самое приятное — лично для меня, как учредителя и издателя проекта, стало то, что, просматривая заново весь проект «ПИ 1» и проект медийной группы «Интеллигент», я был морально удовлетворен огромной и сложнейшей работой, которую удалось реализовать и направить на путь зрелого развития и качественного уровня в издательском деле! Это действительно — ФАНТАСТИКА, что проект стал возможным, притом он действительно стал одним из лучших некоммерческих культурных проектов на сегодня в русскоязычном культурном мировом сообществе! Стоит напомнить, что в проекте стали издаваться два международных журнала, один из которых — «Интеллигент. Избранное», другой — «Интеллигент. Нью-Йорк». А это свидетельствует о формировании в нашем проекте большого количества интересных авторов с прекрасной техникой и высоким уровнем в словесном творчестве, притом не только в словесном творчестве. Люди, отмеченные публикациями в этих журналах, заслуживают серьезного признания на международной арене!

ВСЕМ СПАСИБО!

Пашков Сергей Львович,
председатель конкурса «Герой нашего времени»

Итоги конкурса «Герой нашего времени»

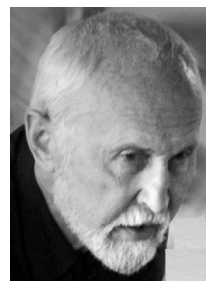
Первая номинация — активный участник международного медийного проекта «Интеллигент».

(Награждаются самые активные участники проекта, которые с помощью нашего проекта пропагандируют творчество интересных авторов своего региона, страны, ЛИТО или круга общения, а также развивают сам проект).

Ольга Грушевская — организатор московского салона литераторов — Моссалит, учредитель журнала «Московский BAZAR». В каждом выпуске нашей медийной группы, начиная с конца 2010 года и до этого времени в издании «ПИ 1» и медийной группы «Интеллигент» наши читатели и авторы могли видеть страницы «Моссалита». Материалы, подобранные Ольгой, были всегда качественными и интересными.

В Москве Ольгой была проведена презентация медийной группы изданий «Интеллигент», в которой выступили совместно две литературные группы, а это — сам «Моссалит» и «МАГИ» (международная ассоциация граждан искусств), и так же там присутствовала гостья — Наташа Лайдинен. Наташа активно сотрудничает с проектом, в том числе сама проводила презентации в США и посетила эту презентацию в Моссалите. Это пока первая такая расширенная ГАЛА-презентация нескольких наших активных участников проекта, которые были собраны в Москве. О нашем проекте было напечатано в журнале «Московский BAZAR». Ольга Грушевская также печаталась в подборках редакторской группы в Американском литературно художественном издании «Острова Islands» и в Украинском альманахе «Саксагань».

Юрий Топунов — самый активный наш представитель на Украине, который не только передает в украинские библиотеки наши издания, но и активно проводит в них презентации наших изданий. Юрий не только пропагандирует наш проект, но и активно представляет в нём свою творческую группу «ТОН Ключ». Надо сказать, что первые презентации наших изданий прошли в Нью-Йорке и на Украине — именно в городе Херсоне.

Презентацию провели Юрий Топунов с Наташей Крофтс — и с тех пор Херсон постоянно знакомится с новыми выпусками всех наших изданий!

Светлана Савицкая — одна из новых участников нашего проекта, которая сумела дать ему реальный статус серьезного и коммуникационного проекта. Светлана активно проводит презентации изданий за рубежом: в Испании, в Болгарии, в Индии и в других странах. Участвует в проекте не только со своими материалами, но и представляет для наших изданий интересных творческих личностей. За опыт и профессионализм была включена в состав редакционного совета медийной группы «Интеллигент».

В этой номинации были отмечены все члены редакторского состава медийной группы «Интеллигент».

В этой же номинации отмечаются грамотами: Екатерина Асмус, Людмила Шарга, Андрей Дюка. (Напоминаю, что все получившие грамоты, в том числе и в этой номинации, не утрачивают право получить дипломы в любой иной номинации и даже в этой же номинации, но в других сезонах).

Вторая номинация – лучший поэт международных литературных проектов «ПИ 1» и «Интеллигент».

(Награждаются авторы, которые, по мнению учредителя и редакторского состава медийной группы «Интеллигент», достойны этого звания).

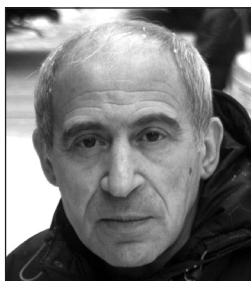
Это был самый трудный выбор, т. к. прекрасных авторов у нас очень и очень много, потому приятно объявить победителей:

Марк ЛУЦКИЙ (Израиль)

Майя Шварцман (Бельгия)

Ефим Бершин (Россия)

Грамотами отмечены:

Вера Зубарева, Ян Кауфман, Наташа Лайдинен.

Третья номинация – лучший автор короткой прозы международного литературного проекта «ПИ 1» и проекта медийной группы изданий «Интеллигент».

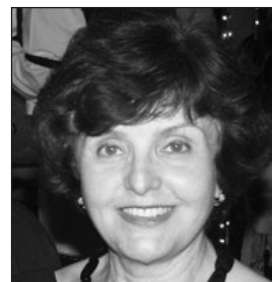
Здесь выбор был тоже очень сложным, но есть явные лидеры, которых отметили члены жюри.

Христина Панджаридис (Франция)

Татьяна Строганова (Россия, г. Челябинск)

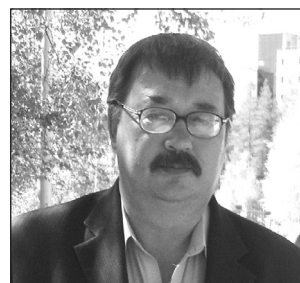
Татьяна Янковская (США)

Грамотами награждаются:

Наталья Ахонен, Оля Бурыгина, Ирина / Ляля Нисина.

«Лучший детский автор международного литературного проекта «ПИ 1» и медийной группы изданий «Интеллигент».

Четвёртый диплом вручается только одному автору прозы и одному автору стихов.

Андрей Сунгуров детские стихи
(Россия, г. Петрозаводск)

Екатерина Лазаренко
детская проза (Россия)

Грамотами награждаются:

Ирина Дружаева и Михаил Стародуб.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

С 10 по 25 июля в Ульяновске (Симбирске) прошли юбилейные чествования к 200-летию великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова. В рамках юбилея был торжественно открыт после обновления, расширения и реставрации, дом-музей писателя.

Певец истинно русской души - Гончаров Иван Александрович

Симбирск на карте генеральной...

Старинный город Симбирск, известный более современным под именем Ульяновск, необычайно и непривычно ожил теплыми июньскими днями 2012 года. На 200-летний юбилей великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова – уроженца Симбирска, прибыли с поздравлениями сотни различных и немаловажных персон. Ученые, литераторы, библиотекари и музейные работники со всей нашей обширной территории, а также из-за рубежа, поспешили поздравить город с выдающейся датой. Кроме того, Симбирск посетили с визитом потомки Ивана Александровича, коих у него оказалось немало. Москва, Петербург, Париж, Нижний Новгород, Казань – вот основная география мест нынешнего проживания родственников Гончарова, а насчитывалось их в делегации более тридцати человек.

Чествования юбиляра происходили с размахом. Главным событием торжественных мероприятий явилось открытие Дома-музея Ивана Гончарова после ремонта и глобальной реконструкции. Огромную работу проделали научные сотрудники музея, строители, художники, краснодеревщики, мебельщики, чтобы воссоздать по документам и планам внешний вид дома и внутреннее убранство помещений, возродить дух времени и эпохи, придерживаясь исторической достоверности. Финансирование глобального проекта взяла на себя мэрия города при поддержке правительства Российской Федерации и комитета по культуре. Особенно хочется отметить, насколько серьезно к вопросам восстановления культурных ценностей родного края относятся глава региона Сергей Морозов и министр искусства и культурной политики Татьяна Мурдасова. Хочется всем российским городам пожелать таких чутких руководителей!

«Я восхищен, я очарован, короче, я огончарован...»

Юбилейные празднования растянулись практически на месяц. В рамках программы прошел театральный фестиваль, где различные коллективы показали свою версию прочтения произведений Ивана Александровича Гончарова, открытие филателистической и художественной выставок, открытие и презентация новой экспозиции Дома-музея Гончарова, возложение цветов к памятнику Гончарову и к мемориальной беседке, построенной еще к столетнему юбилею писателя в любимой им Винновской роще, вручение ежегодной гончаровской премии, гончаровские гулянья, концерты, научные конференции... А также торжественный прием у губернатора, на котором при-

сутствовали представители правительства Российской Федерации – первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ Александр Трошин, заместитель Председателя комитета по культуре Государственной Думы РФ Александр Балберов, вице-президент Российского фонда культуры Лариса Назарова.

Сотрудники музея не спали перед открытием несколько суток – доделывали, доводили до ума экспозицию, украшали, волновались... Вдвойне приятно было нам присутствовать на вручении им почётных наград! Медаль Н.М. Карамзина была вручена Ирине Смирновой — заведующей филиалом «Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова». Звание «Заслуженный работник культуры Ульяновской области» присвоено Антонине Лобкаревой — научному сотруднику филиала «Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова».

Непреренно стоит упомянуть, что особым вниманием у приезжих гостей пользовался символический диван Обломова, красующийся в сквере Гончарова, прямо рядом с памятником Ивану Александровичу, напротив дома-музея. Каждый турист считал своим долгом сфотографироваться, лёжа на диване на этом диване. Что и неудивительно, ведь Обломов, наиболее популярный из литературных героев Гончарова, является практически олицетворением любимого русского образа жизни – «времяпрепровождение в приятной праздности».

Поистине домашний уют.

Неделя пребывания в делегации потомков пролетела для нас с Екатериной Панфиловой и Василием Сахновским незаметно, как один день. Организаторы постарались так плотно насытить наш досуг, что ни одна секунда, прожитая нами в славном Симбирске, не пропала даром! Отбывая в родные города, мы сожалели только об одном – ещё не все успели посмотреть, не во всём успели поучаствовать! Прямо в поезде стали планировать посещение Симбирска на следующий год. Ведь Антонина Сергеевна Лобкарева и Ирина Вениаминовна Смирнова поделились с нами идеей сделать в музее литературно-музыкальную гостиную. «Хотим, чтобы тут всё было так, как при Гончаровых, это же – дом-музей и он всегда должен быть открыт для потомков, тем более, таких творческих! Вместе мы создадим здесь домашний уют». Справедливости ради стоит отметить, что неповторимый и истинный уют создать им удалось и без нас, такой, что и уезжать не хотелось – просиживали в музее часами за чаем и интересными беседами. Но, как говорится – нет предела совершенству! Будем думать, придумывать, что-то новое и вместе творить! Главное, чтоб «обломовщина» не помешала!

Обломовщина – как средство реконструкции жизни.

Так давайте же выясним, что такое истинная «обломовщина»! Откуда вообще она берется и почему. Вот, откуда, например, взялся у исправного и успешного чиновника Ивана Александровича Гончарова культ «обломовщины»? Обратимся за ответом к биографии самого Александра Ивановича, а заодно и напомним читателю вехи жизни этого замечательного писателя.

Родился наш герой в победоносном 1812 году в тихом и провинциальном Симбирске. Уютный городок, стоящий на высоком берегу величественной Волги, являл собой пример традиционного размеренного и покойного житья в поселении российской глубинки. Сверкающие купола тридцати двух церквей, маленькие одно- и двухэтажные домики, куры, гуси, свиньи, гуляющие свободно по улицам, знакомые и соседи с которыми раскланиваются непременно при каждой встрече, незатейливый уклад быта и отсутствие каких-либо секретов – вот характерные приметы такого поселения. С какой любовью впоследствии опишет Гончаров в своих произведениях эту тихую провинцию с пьяняще чистым воздухом, пышной зеленью и ленивым течением многоводной реки. Матушка маленького Ванечки – Авдотья Матвеевна, была младше мужа своего более чем на тридцать лет. Было у неё одно-единственное романтическое воспоминание: как-то раз в их края приезжал со свитой своей великий император Александр Первый «Благословенный», и ей, молодой красавице в жемчужно-сером платье модного в то время фасона «ампир», выпала честь протанцевать с державным кавалером вальс на балу дворянского собрания. То самое, жемчужно-серое платье Авдотья Матвеевна не надевала никогда более, но охотно показывала его детям, сопровождая демонстрацию рассказом о великой удаче её юности. После самого значимого события в своей жизни, Авдотья, девятнадцати лет отроду была выдана замуж, а в тридцать лет уже овдовела. Отец Ивана, бывший успешным купцом, скончался когда сыну не исполнилось и пяти лет, оставив на попечении молодой вдовы четырёх малолетних отпрысков – двух мальчиков и двух девочек. Любовь и уважение к отцу, практически не запомнившемуся малышу Ванечке, протянулась, однако, красной нитью через всю его жизнь и приняла весьма причудливые формы. Взрослый и именитый Иван Александрович Гончаров ни при каких обстоятельствах не желал принимать жалованного ему за честную службу дворянства, а напротив, всегда подчеркивал своё купеческое происхождение и указывал это во всех официальных документах.

Дом-музей Гончарова после реставрации

После смерти отца, неоценимую помощь в воспитании малолетних сирот оказал крёстный детей, «дядя-баловник» Николай Николаевич Трегубов – в прошлом очень родовитый дворянин, но растерявший практически все свои регалии. В роду его числились и Рюриковичи, и потомки Чингисхана, но будучи столь знатными боярами, предки Трегубова не хранили никаких бумаг, подтверждающих родство, справедливо полагая, что их, таких именитых и так все знают. Так, да не так, и впоследствии императрица Екатерина Вторая воспользовалась боярской спесью и недостаточным уважением к делопроизводству, издав указ о необходимости всякому дворянину подтвердить его коренное благородное происхождение. У множества исконно русских боярских семей «тугаментов» не оказалось. А на нет – и суда нет! И лишились бояре мест около трона императорского, кои позанимала пришлая немчура, от чего императрице-чужестранке было спокойнее. Таким образом, именитый, но окончательно разорённый дворянин Трегубов, крёстный детей четы Гончаровых поселился во флигеле их семейной усадьбы в самом центре Симбирска и занялся воспитанием осиротевших малышей. Дядя, столичный человек, прививал детям манеры и изысканность в воспитании, а также и интерес к чтению, поскольку имел обширную библиотеку, включающую книги на различных языках. Николай Трегубов, бывший морской офицер, увлечённо рассказывал своим подопечным о собственных невероятных приключениях, и, проводивший много времени в обществе любимого дяди маленький Иван Гончаров, загорелся желанием быть писателем или мореходом.

Мечта о кругосветном путешествии появилась у Ванюши ещё в малом детстве. Сидя на берегу Волги под впечатлением рассказов дяди, Иван думал: «Хорошо бы прыгнуть в воду, описать кругом мира кольцо и вернуться на то же место доказав, себе и всем, что земля круглая!» Однако, далее мечтаний дело не заходило: как-то всё время оказывалось, что вот уж и обедать пора, да и матушку злить не хотелось. Мать, Авдотья Матвеевна, была беспримерно строга со своими отпрысками, и нередко проводили они вечера, стоя бедными коленками на горохе. Трегубов же, напротив, был добр и часто спасал малышей от материнской расправы, за что и получил прозвание «дядя-баловник». Но, тем не менее, в совокупности процент любви в доме Гончаровых был столь велик, что дети буквально не жили в ней. К этому факту впоследствии будет обращаться Иван Александрович во всех своих произведениях. Он выводит в романах и свою матушку Авдотью Матвеевну, и дядю Николая Николаевича, порой подсмеиваясь над ними, но непременно с огромной теплотой и любовью.

Отправленный в московское коммерческое училище изнеженный любовью мальчик Ваня очень переживает расставание с любимым домом, друзьями, родными, верными слугами, кроме того, не имея ни малейшего таланта к коммерции, он должен постигать науки точные, дабы не посрамить память отца своего – купца успешного и зажиточного. Пока Гончаров пытался овладеть необходимыми знаниями, случилось «безвременье» – умер Император Александр Первый, а законный наследник – цесаревич Константин отказался от престола в пользу младшего брата Николая. Тот, в свою очередь не захотел принять державный подарок, и братья продолжали футболить корону, пока не произошло восстание декабристов – сторонников конституционной демократической монархии. Крёстный Ивана Гончарова – Николай Трегубов принадлежавший к франкмасонам, был страшно напуган преследованием вольнодумцев и завещал племяннику «никогда не выражать своих истинных мыслей вслух». Этому завету Гончаров последует всю свою жизнь, предпочтя мечты убеждениям. Вероятно, именно в этот момент и обрисо-

вался скрытый, спящий доселе образ истинной «обломовщины» в душе будущего писателя, который он впоследствии будет проповедовать в своей трилогии, как единственный и приемлемый принцип жизни в государстве Российском. «В неподвижности отдыхает душа и обогащается ум» – вот, какой вывод сделает для себя Гончаров на вечные времена.

Молодого Иванушку внезапно охватило яростное увлечение художественной литературой. Пушкин становится главным его кумиром, в чести также Державин, Ломоносов, Карамзин... Страсть к литературе захлёстывает Ивана Гончарова настолько, что он, заручившись поддержкой «крёстного-баловника», при помощи хитрых манипуляций и уговоров, убеждает строгую мать свою забрать его до срока из училища коммерческого и перевести в московский университет, в котором и приступает с великим рвением к учёбе на филологическом факультете. Гуляют среди студентов вольнодумные настроения, многие одержимы идеей гражданственности, реформаторскими проектами, открыто осуждают власть правящую. Но только не Гончаров! На года огненной нитью запал ему дядин наказ никогда и ни при каких обстоятельствах не вольнодумствовать, дабы не поставить под угрозу ни жизнь свою, ни покой душевный, ни карьеру. А посему, не обращая внимания на соучеников своих среди которых, кстати, был и молодой Михаил Лермонтов, (он особенно не приглянулся Гончарову), Иван продолжает прилежно учиться, писать весьма романтические стихи и нежить в душе идеалы, столь близкие и дорогие его пылкой юной душе. Гончаров буквально боготворил Пушкина и имел огромное счастье при жизни кумира встретится с ним – как-то раз, Александр Сергеевич посетил университет, по приглашению профессора филологии.

Но вот и окончена учеба. Новоявленный писатель является со всем своим московским блеском на родину, в провинциальный Симбирск, где встречают его словно знаменитого путешественника после кругосветного плавания. Все желания его предусмотрены ещё до его появления на родном пороге, а восхищение и благоговение близких ласкает самолюбие и придает особой уверенности в своих силах. В доме, где лет десять не чинены фасады, любовно создается «кабинет великого писателя», специально для Иванушкиных трудов. Но что же мешает молодому литератору мгновенно погрузиться в создание литературного опуса? Мешает привычная медлительность, любовь к сладкой праздности, желание «отложить на потом» серьёзное занятие, потому как «ещё успеется», «ещё всё впереди». А пока хочется посещать балы, пусть и провинциальные, вкушать успеха у местных, пусть и непритязательных барышень... Кроме того, присмотревшись внимательно к жизни окружающих, послушав советов старших, Иван понимает, что для доли благополучной одной литературы недостаточно, и, стало быть, нужно найти себе прежде всего место доходное в государственной службе. Тому есть ещё одна веская причина: мать, Авдотья Матвеевна, объявляет детям, что все капиталы, накопленные семьёй, пойдут на приданое двум дочерям, тогда как двое сыновей, получившие изрядное образование, по её разумению, смогут сами добыть себе и должности, и достойное содержание. Иван матери не перечит, считая решение её правильным, и немедленно устраивается на службу «фиктивным секретарём», как он сам выражается, то есть лицом безо всякой ответственности. Однако, далее служебная карьера его продвигается изрядно, он отбывает с начальником своим в столицу, в Петербург, а там горизонты открываются немалые для желающих служить отечеству усердно. Тут же, в холодном городе на Неве начинается и литературная карьера Ивана. Он попадает в салон искусств семьи Майковых, знакомится там с поэтами, писателями и, набравшись окаянства, посылает на суд известных в то время лиц

Театрализованное представление на открытии Дома-музея

свой первый роман «Обыкновенная история». В писательских кулуарах роман производит некое смятение – новый конкурент явился – как снег на голову! Даже начинаются интриги против ничего ещё не ведающего молодого писателя, но тут судьба выдвигает на сцену сильнейшую фигуру – Белинского, «Неистового Виссариона», который внезапно проникается интересом к произведению молодого Гончарова! Повесть печатают в «Современнике», её читают, обсуждают, казалось бы – поприще литератора у Гончарова в кармане! Но, однако, рутинные чиновничьи дела мешают Гончарову сосредоточиться исключительно на писательском труде. Так он сам говорит друзьям и родным, которые не могут нарадоваться успехам столичного героя, но после признает – сладкая и нежная лень, вот истинная помеха литературным подвигам. Куда как лучше полежать на диване! Тем более что перо, да чернила – куда они убегут, куда денутся? И завтра будут стоять на столе, и послезавтра... А высохнут, так что ж! Всегда можно повелеть принести новые. Зимой в России студено, снег по самые окна поднимается и лежит до самой Пасхи. А в комнате натоплено, уютно-уютно, свечечка горит ярко, на любимом бархатном диване – плед... Так вот, завернёшься в него, согреешься, в руках у тебя томик благополучного поэта, великого Пушкина, Александра Сергеевича, чьи стихи как хмель одурманивают, а вьюга воет, воет за окном...

Ба, да вы себя узнали?

Вы думаете, откуда это я знаю, чем вы вчера под вечер занимались? Так я и не про вас вовсе, а про Гончарова, Ивана Александровича – певца российской праздной лени и душевного романтизма. Сам он не раз признавался, что мучает она его безмерно и усложняет любую ситуацию. Вот, к примеру, упоминали мы в описании детства Ивана Александровича о мечтах

Глава региона Сергей Морозов

его в кругосветное путешествие податься. И – раз! Как по мановению волшебной палочки, Гончарова в 1852 году приглашают в дипломатическую миссию, секретарём на фрегат «Паллада», коему отведено почётное дело – пройти по берегам Атлантического, Индийского, Тихого океанов к берегам Японии. Казалось бы, о чём еще мечтать? Но Гончаров тут же начинает мучиться страхами: как же он в поездке обойдется без любимого дивана? Несколько раз порывался он бросить миссию и вернуться в родной Симбирск, отдохнуть телом и душой под воркование заботливых старых слуг, но всё же оставался на судне – писал путевые заметки. Итогом явился бесценный труд – двухтомник под названием «Фрегат Паллада». Счастье, что талант Гончарова взял верх над природной его ленью и опасениями! Тем более, что не будь этого путешествия, не скоро читатели увидели бы новое произведение именитого литератора – роман «Обломов» писал он десять лет и закончил лишь в 1957 году, а «Обрыв» и вовсе – двадцать лет и только в 1869 году трилогия была завершена.

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Тут хочется привлечь внимание читателя к одной интересной детали биографии Ивана Александровича. Возможно, что и «Обломов» писался бы не десяток лет, а много дольше, но случилась некая трагическая ошибка, принесшая благо. На склоне лет, большой любитель поухаживать за дамами, но редко заходивший за грань приличий, Иван Александрович воспылал безудержной страстью к девице Елизавете Толстой. Нужно сказать, что избранница была весьма хороша собой, да к тому же и умна, и изрядно образована! Хотя как раз последнее не было для Гончарова главенствующим женским качеством: «в ум не по-

целуешь» – говаривал он, посмеиваясь. Однако девица Толстая – чудо как привлекательна... Казалось бы – чего еще желать!? Пора свою жизнь устраивать, наконец. И вспоминая бессмертного Гоголя, мы можем спросить: «А не собирается ли барин жениться?» Сомнения мучат нашего барина – а ну как любимый диван придется меньше посещать? С другой стороны – очаровательная молодая жена... Да и наследников пора бы... Гончаров уж было решился как в омут броситься в семейную жизнь, но потерпел полный крах – избранница призналась, что любит галантного кавалера Мусина-Пушкина. Бедный Иван Александрович от горя просто заболел и укрылся на целебном курорте Мариенбад. Там, доведенной обидой до крайности он всего за три недели заканчивает вторую часть знаменитой трилогии – роман «Обломов». Вот как оно иной раз-то оборачивается! Как знать, случись быть счастливой весёлой свадьбе, так и роман был бы заброшен на полку!

Впрочем, для полноты картины, необходимо сообщить читателю, что несчастная Елизавета Толстая была буквально обобрана своим муженьком-мотом Мусиным-Пушкиным, после чего тот сгинул в лечебнице для душевнобольных, что, как оказалось, было обычным концом для уроженцев этого семейства. Елизавета же была вынуждена устроиться работать, дабы добыть себе пропитание.

Переход к эпистолярному жанру

В конце жизни примерный чиновник, именитый писатель, блестящий знаток литературы, редактор нескольких журналов, дамский любимец Гончаров Иван Александрович не пишет вовсе ничего серьёзного, зато увлекается эпистолярным жанром – регулярно общаясь с любимыми людьми посредством писем объемных, подробных, развёрнутых, являющих собою истинные произведения искусства. Он рассуждает в них о жизни, о будущем, прошлом и настоящем, пытается поделиться своими опасениями с друзьями. Казалось, он познал истину, всю, целиком, но не хочет открывать главного, дабы не причинить близким людям разочарования. А истина-то она вот в чём: живи секундой удовольствия, покоя, благостности, не гонись за химерами золотыми да огненными! Всё равно обманут. Рано или поздно предадут. Не предаст и не обманет лишь старый твой бархатный диван, плед, да томик любимого писателя.

И я вот пишу-пишу письмо Гончарову, да пора бы уж его и закончить!

Спасибо вам, Иван Александрович за это счастье – уютно устроиться на диване с вашим романом в руках!

Екатерина АСМУС,
Писатель, сценарист.

Екатерина Асмус на диване Обломова

Ревнитель трепетный культуры.

Михаил Шемякин и его ФОНД

О фондах говорить в наше время непросто. Так и представляю, как вы разочарованно машете рукой – мол, знаем, знаем. Видали мы эти фонды! Только деньги собирают. А куда потом всё девается? Вынуждена, к сожалению, согласиться с придирчивым читателем. Слишком долго и часто различные, облеченные возможностями люди открывали фактически личные кошельки, называя их звучным словом «Фонд», собирали с наивных граждан деньги: на культуру, на искусство, на помощь бедным, на мертвых общественных деятелей, на лечение голубей-инвалидов, на, говоря словами Остапа Бендера, «провал, чтоб не провалился». Да, к несчастью, так было и так есть. И эти, так называемые фонды, потом не могли ничего созданного ими предъявить своим благодетелям, ничего, кроме «кривой документации»...

НО! Только не ЭТОТ Фонд! Только не Фонд художника Михаила Шемякина, о котором пойдет речь в нашем рассказе.

Начнем с краткой истории возникновения Фонда. Существует он с 2002 года – организация, целью которой является, в первую очередь – помощь, как молодым, так и маститым отечественным творцам, помощь социально незащищенным группам населения, благотворительная деятельность, ну, и конечно же – сохранение культурного наследия. Помещение для Фонда – в самом центре нашего города – на Садовой, 11, Михаилу Шемякину выделило Правительство Санкт-Петербурга по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина. У Фонда существует обширный Попечительский совет, в который входит цвет и гордость культурной прослойки нашей страны. Назовем лишь несколько всемирно известных имён: Евгений Слонимский, Эльдар Рязанов, Анатолий Карпов, Борис Стругацкий.

Деятельность Фонда Михаила Шемякина поражает богатством и разнообразием идей. Выставки (постоянно действующая экспозиция и тематические проекты), концерты, театральные и литературные вечера, «лаборатории творчества» на которых каждый желающий, без какой-либо начальной подготовки, может получить навыки художника, вокалиста, импровизатора, под руководством профессиональных педагогов. Кроме того, ежегодно Фонд устраивает рождественские торжества для детишек. Для них же существуют обучающие программы. Также в Фонде имеется постоянно действующий «виртуальный музей» – сборник видеолекций об искусстве, созданных самим Михаилом Шемякиным.

Отдельно хочется остановиться на выставочной деятельности Фонда. Петербуржцев давно уже не удивишь мероприятиями – не секрет, что наш город – «Мекка», место, куда стягиваются творческий люд, сам воздух здесь создает искусство. И, конечно, разбалована наша публика и концертами и выставками и прочими радостями культурной жизни. Но зная, что в Фонде Шемякина открывается новый проект, невольно отложишь другие дела, встречи и намерения, и пойдешь именно туда! Одной из причин этого является неповторимая атмосфера дружелюбия и тепла, созданная сотрудниками Фонда. Войдешь – и очаровательные красавицы-кураторы встречают тебя улыбками и приветствиями; гости, осматривают пространство вернисажа и жужжат благостно – ведь тут собираются друзья! «Модерновый» зал первого этажа, вошедшая полутёмная деревянная лесенка на второй этаж, ведущая в камерное, интимное пространство второго зала... Сам руководитель Фонда, знаменитый Михаил Михайлович Шемякин, неизменно открывает каждую выставку. И в

этом тоже свое, особое очарование – Михаил живёт практически на три страны, загруженность этого человека более 24 часов в сутки, ведь он весьма востребованный художник и скульптор, кроме того – у него две профессиональные академии для молодых художников, занятия в которых он проводит лично – но никогда не пропускает события, подготовленные его детищем – Фондом.

На открытии любой выставки вас непременно ждет сюрприз – театральная миниатюра, пантомима или перфоманс. Ну, и конечно – ряд тематических художественных работ! Часть экспозиции – всегда – рисунки и фото на заданную тему, привезенные Михаилом из его французской коллекции. Часть – работы молодых художников на ту же самую заданную тему. Получается интереснейший эксперимент – взгляд различных людей и различных времен на одну и ту же вещь! За прошедшие пять лет прошла серия выставок, объединенных одной идеей: «Монстры в искусстве», «Крик в искусстве», «Башмак в искусстве», а тёплым сентябрьским днем открылась новая экспозиция – «Стул в искусстве». Когда данная серия вернисажей еще только планировалась, на вопрос о целесообразности такого усиленного внимания к одному предмету, Михаил Шемякин ответил, что любой художник должен досконально изучать каждый предмет в отдельности, со всех его сторон, со всех точек зрения, лишь тогда он достигнет истинного мастерства. С этим невозможно не согласиться, тем более, зная титаническую работоспособность самого творца и его постоянную тягу учиться и учить. Великое удовольствие – наблюдать за тем, как этот признанный Мастер рисует: рука его ведёт карандаш столь верно, столь чётко, чувствуется, что все движения выверены и легки. Чтобы достичь такого эффекта, нужно провести за мольбертом сотни тысяч часов! Вот почему Михаил Шемякин ратует за фундаментальное художественное образование, которое нынче у нас в порядочном упадке – не может, по его мнению, художник творить без знаний азов! Без многочасовых тренировок! Себя художник не шадит никогда, даже невозможно себе представить, что он когда-то отдыхает. Вспоминаются слова другого изумительного творца: Георгия Николаевича Траугота: «Если художник не трудится 18 часов в сутки, то он – лентяй!»

Работой фонда Шемякина во время его отсутствия на территории нашей страны руководят Александр Михайлович Волков – генеральный директор и Марина Владимировна Щербакова – заместитель генерального директора – люди трепетные и чрезвычайно преданные своему делу. «Для меня Фонд – это, прежде всего – сам Михаил Михайлович Шемякин – его жизнь, его работа. Еще учась в школе искусств, я неоднократно слышала его имя, и он уже тогда стал для меня лоцманом в мире современного искусства» – говорит Марина Щербакова. Кроме этого, они с маэстро земляки, а на родине Шемякина в Кабардино-Балкарии, его помнят, уважают, любят и относятся очень трепетно. «Я бесконечно благодарна подарку судьбы – что могу работать под началом Михаила Михайловича, ценю каждую минуту работы с ним!» Поверьте, для всех, кто знает Марину предельно ясно – это не просто красивые слова! «Для полной гармонии – говорит Марина, – нашему Фонду немного не хватает внимания и бескорыстного творческого сотрудничества!»

Что ж, мы всегда готовы к бескорыстному творческому сотрудничеству и открыты для всех, кто несёт культуру, искусство, тепло, любовь и дружбу в этот мир!

До новых встреч в Фонде Михаила Шемякина!

Екатерина АСМУС

Георгий Шишкин

Российский художник, разработавший свою особую технику с оригинальным методом подготовки основы под пастель, автор картин цикла «Русские сны», триптиха «Посвящение Русскому балету Дягилева», мастер современного портрета. Родился в Свердловске (Екатеринбург), жил и работал в Москве, с 1995-го года живёт и работает в Париже и Монако.

Лауреат Всероссийского конкурса творчества молодых (1974).

Кавалер ордена Звезды Европы «за произведения в целом и художественную деятельность» (1998).

Лауреат Гран-при Фонда Тейлора (1999).

Избран «Художником 2000 года» Американским Биографическим Институтом (2000).

Награждён медалью «Во славу Отечества» (2009).

Жерар Депардье позирует Георгию Шишкину

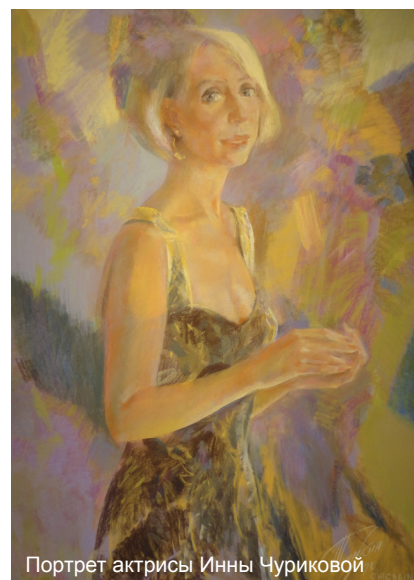
Работа над портретом Олега Видова

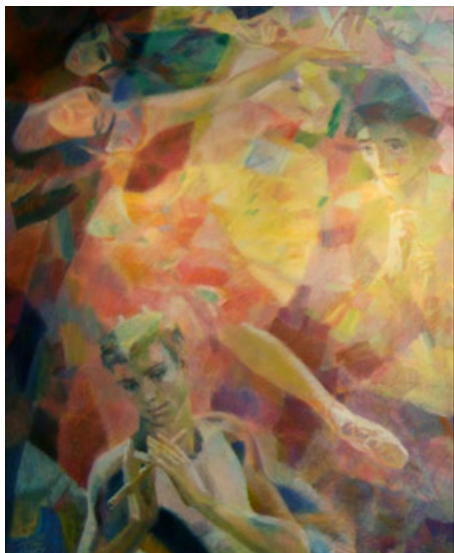
Портрет актёра Сергея Безрукова

«Композитор Мусоргский»

Портрет актрисы Инны Чуриковой

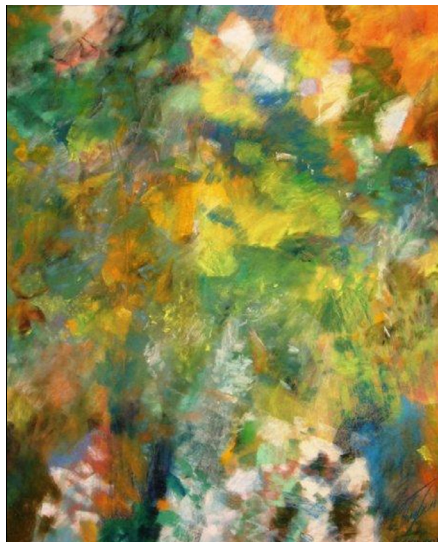
«Посвящение Русскому балету Дягилева»

«Благословенная Россия»

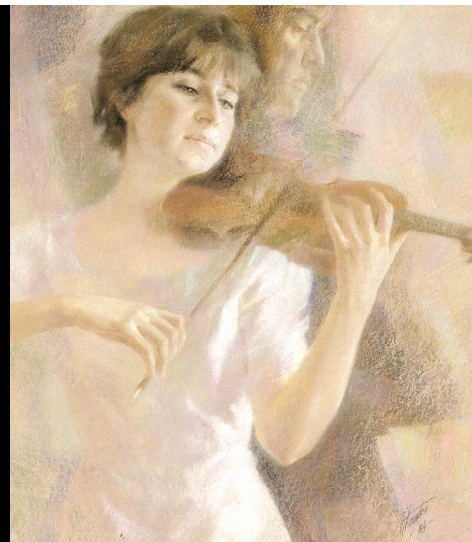
«Посвящение Пушкину»

«Разрыв с импрессионизмом»

«Композитор Римский-Корсаков»

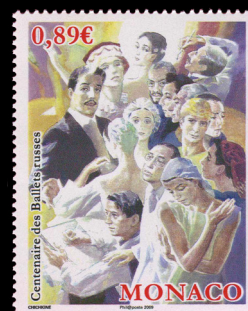
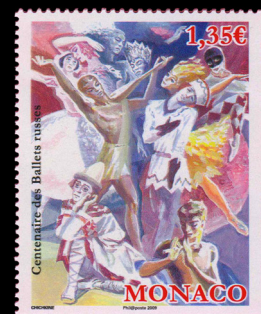
«Скрипачка»

«Весна священная»

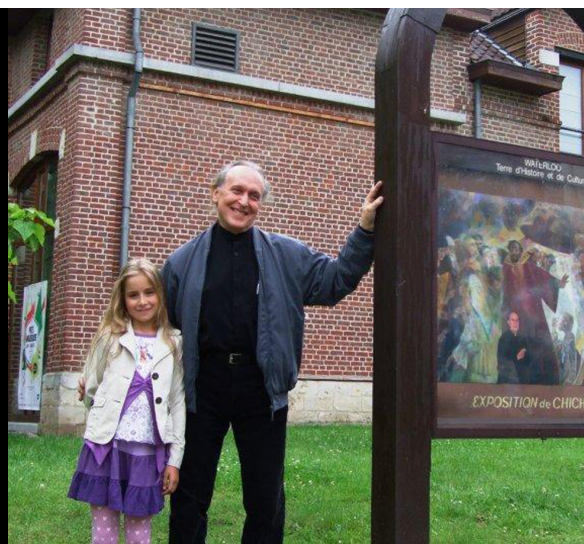
«Посвящение Нижинскому»

Почтовые марки Монако к столетию Русских балетных сезонов Дягилева (2009)

«Смутное время»

С афишей выставки в Ватерлоо (Бельгия)

Георгий Шишкин: быть художником

Монте-Карло – Ватерлоо – Гент
Интервью с художником Георгием Шишкиным

Без преувеличения, я расцениваю Георгия Шишкина как одного из лучших портретистов, что я знаю в Европе. Его удивительное мастерство основывается на подчеркнутой чувствительности техники, в которой скользит сама тайна живописи.

Андре Верде.

– В нашем первом разговоре после нескольких лет со дня последней встречи, когда всё в собеседнике воспринимается острее, и строй речи, и оттенки интонаций, меня очень тронуло твоё мимолётное сравнение картин Рубенса с небом Бельгии. Можно ли поговорить об этом подробнее?

– Я сам не ожидал, что мне в голову придёт такое сравнение. Видишь ли, довольно долго живя вне северной, достаточно скупой природы России на французском юге, от многого отвлекаешься, что-то забываешь, от многого отходишь, и потому самые простые и естественные природные вещи, встретив, воспринимаешь по-другому. Попав из южного Монако в прохладную Бельгию, переехав из Валлонии во Фландрию, я обратил внимание на облака над дорогой, сопровождавшие нас. Картина неба другая. Фландрия связана с именами поразительных художников, но главное имя среди них это, наверное, Рубенс. Его картины превосходно выстроены композиционно, они очень тонкие и неоднозначные, но почему-то часто получают из уст обывателей сравнения довольно приземлённого характера, когда речь идёт о его фигурах. У живописи Рубенса, возможно, и есть качества, за которые её можно упрекать, но я подумал о том, что природа этих тучных, пышных тел с перевивами рук – в другом. Что это, как не клубящиеся, двигающиеся, полные собственной жизни облака? Размышляя об этом, можно найти много примеров того, как природа влияет на формирование личностного почерка художника. Природа, свет, облака – везде разные. Нигде нет такого нежного и пронзительно грустного касания к небу осенних берёз как в России, которое сумел прочувствовать и передать Саврасов... И вот, если взять живописец, например, Фрагонара, представить его быстрый, бегущий мазок: не напомним ли это парижское небо с голубыми проблесками чистоты?

В Голландии же я большого горизонта не наблюдал, там меня больше тронули старые крыши домов из камыша, такие оплывшие, как сыр на бутерброде, и высокий лес. Я обратил внимание на своеобразный язык деревьев, и, как-то, когда я писал пейзаж, оглянувшись, увидел любопытную лань, подошедшую близко, и подумал о том, что там как раз все детали жизненного движения – под ногами, в рисунке упавших сучьев, в шорохах мелких животных, в зарослях мха, в подробностях скрещённых ветвей. Вот, откуда Босх мог брать свои образы. А вот брейгелевские фигуры, крестьянские танцы – это уже нечто совершенно другое по темпераменту.

– Как сформировалась эта выставка? По какому принципу – или, может быть, вопреки чему – ты отбирал картины для показа в Ватерлоо?

– После получения фотографий зала, я представил, что могу разбить это пространство на отдельные тематические зоны; кроме того, мне хотелось показать работы, которые не удалось представить на персональной выставке в Париже в 2010-м году. Тогда выставка «Русские сны» была более цельной, но приятно, что здесь я могу представить публике некоторые свои новые портреты. Хотелось бы организовать и выставку рисунка: у меня есть серии рисунков, которые передают ход моего мышления, последовательность шагов в творчестве, жизни, подъёме. Рука вообще выдаёт, как и что человек думает, как он живёт; отчего бы такого собрания не представить?

– Каким образом появилась картина, которую ты условно называешь «Разрыв с импрессионизмом»? Она действительно смотрится обособленно среди портретов и многофигурных сцен.

– Она написана в самом начале моего пребывания во Франции в середине 90-х. Но в ней по сей день есть для меня некая свежесть, которая не перестала мне нравиться. В ней есть одно принципиальное качество: она практически абстрактна, и это её ключевой момент.

Почему «разрыв» и почему с «импрессионизмом»? Разрыв был скорее не с импрессионизмом, а просто был разрывом, необходимым, обусловленным. В начале я был очень увлечён новизной впечатлений. Мне нужно было уйти, свернуть, порвать с реакцией на внешний мир. Иначе я бы всё время просто шёл по следам повседневностей. Я решил уйти от наплыва порой увлекательных случайностей в сторону внутреннего созерцания. Когда я пришёл писать этот пейзаж, у меня была более конкретная задача, но она свелась к абстрактному сочетанию пятен. Это было воплощением желания уйти от реальности, которую я могу увидеть в любой момент, но уйти-то я хотел потому, что в этой реальности больше не заключалось для меня художественной цели.

– Связано ли это желание не только с пейзажем и задачей художника, но и с каким-то настоящим событием, перемена-ми, переездом?

– Отчасти. Я нуждался в том, чтобы уйти из реального чужого в абстрактное своё. В Париже, в самом начале, размышляя об образе города, я почувствовал огромную опасность стать последователем. Это пережил, к примеру, Ван Гог. В его время, как и в любое, было много увлекательных тенденций, и его брат Тео сделал ему замечание, звучавшее примерно так: «В одном только Париже сейчас пятьсот художников, так или иначе подражающих Клоду Моне, и большинство из них делает это лучше, чем ты».

У меня не было такого брата, и мне пришлось ориентироваться самому. Я увидел, что Париж завален продукцией, которая существовала, сформировавшись, ещё сто лет назад. Мне нужно было во что бы то ни стало отделиться, оттолкнуться от этого засасывающего потока. Мне пришлось проститься с тем миром, который я очень любил, и проститься – случайно именно придвинувшись к нему ближе. Я уцепился за то самобытное, что подспудно пульсировало во мне: за русскую тему, связанную с моими подсознательными и сознательными воспоминаниями. Чтобы основать стройное единство художественных взглядов, основанное на почвенном, что ли, принципе, хотя это не самое лучшее определение, я должен был следовать этому внутреннему зову, зная, что он единственный позволит мне быть оригинальным. И я поверил этому зову, несшему в себе разные противоречивые качества своего живописного выражения. Такие, как сила и нежность, например, легко и естественно идущие бок о бок.

– «Волна и камень, лёд и пламень» – или ты о другом?

– Нет, для меня в происходящем тогда не было обнаружения или принципиальности противоположностей. Они обнаружились в самом предмете. Если говорить о портрете: я приехал в Париж с большим опытом портретной работы, но это оказалось в тот момент совсем не характерно тому, что происходило тогда в Париже. Человек, как таковой, был забыт, отброшен, отодвинут. Интерес к человеку и его портрету не присутствовало, это считалось скучным предметом, исчерпанным вопросом. Не только в изобразительном искусстве, повсюду: в избрании тем, в предпочитаемых разговорах, в критике, на телевидении тоже. Я обнаружил, что никто не увлечён универсальным смыслом человеческой жизни, что никого это не интересует, как меня, что духовное более не является предметом интереса, и что искусство ушло на другой путь. Оно стало более схематичным, объясняя действия и поступки индивидуума, как механизм какой-то куклы, у кото-

рой все реакции заранее обусловлены её конструкцией. С другой стороны – я встретил и другие моменты, выраженные экспрессионистической формой живописи. Побудительной силой этому могли быть мотивы, связанные с политикой, скажем, или с миром потребления; такой материализм, агрессивно отстаивающий свои приоритеты через отрицание духовного существования человека, иными словами – это был материализм, борющийся за свои материальные права и потому объявляющий всё трепетное, истинное человеческое – необязательным.

Но у меня в этом случае не было и нет никаких сомнений. Я считал, что вопросы о человеческой сущности и тайне духовных возможностей не исчерпаны, и я следовал своим курсом. Я приехал как ученик, но сразу оказался на позиции художника, отстаивающего свою точку зрения, что явилось противоположностью всему: тенденциям, манерам живописи, рынку. И, столкнувшись с художественной средой, я почувствовал, что на моей стороне многие люди, которые занимаются профессиональной живописью и которые приняли меня с большим интересом.

– **Получается, с одной стороны – одиночество на рынке материализма, с другой – обретение духовного приятия многих сочувствующих и понимающих?**

– Я выставился, я работал на глазах других людей, но я не знал, как всё это может повернуться. Я не был готов к такому повороту событий и, может быть, не занимался этим достаточно внимательно, но оказалось, что я не могу встать в общий ряд объявленных требований, названных современными. Здесь мы подходим опять же к вопросу свободы. Кто может сказать художнику, что он должен делать, как смотреть на тот или другой вопрос, как ему воспринимать мир и как его отражать? Но появилось впечатление, что такая тенденция существует, что есть некие предписания, в каких рамках и как именно должна происходить реакция искусства на внешние события. Под знаком такой свободы я убедился, что всем нам словно задается программа движения искусства и диктуется то, как оно по мнению кого-то должно развиваться. И тогда, воспользовавшись декларируемой свободой, о которой жужжали со всех сторон, что мне делать и как видеть, я подумал: прекрасно, тогда я отойду назад, – дальше, глубже, – назов то, что было раньше, за советский период, который я считал недоразумением. Недоразумение это заключалось прежде всего в отрицании духовного.

Когда я был молодым начинающим художником, я ещё не знал, чего я хочу, но я уже твердо знал, чего я не хочу. Меня всегда вела некая духовно-эстетическая программа, которую я нёс в себе, не осознавая этого, и то, что я делал, составляло контраст как с работами соцреалистов, так и с произведениями доморощенных модернистов.

С эпохи реформ Петра I, введившего в Россию тенденции Западной Европы, как прививку, насильственно, придушив естественный ход событий, в живописи западно-европейское влияние стало очень сильным, прямо господствующим, – и в этом была ловушка.

Самобытность русского искусства проявляла себя, как стежки контрастной нити по общей широкой ткани: то вынырывающие на поверхность, то скрывающиеся под ней. И вот эта самобытность, ширина стежков и заполнение ткани присущи в разной степени, больше или меньше, очень разным русским художникам. Так я подошёл к вопросу, кто же я сам такой.

– **И как ты чувствовал себя в ареопаге?**

– На самом деле этот вопрос мучил меня очень давно. Зачем я, откуда, что мною руководит в целом. В моей работе были особенности, благодаря которым мне часто говорили: «хорошо-хорошо, главное – не меняйся».

Мне говорили это многократно, а я не понимал: почему не меняться и что мне надо менять или не менять? Я всегда в уме держался каких-то художников, которые мне нравились, и мне надо было как-то учиться, но где в отрыве от забытой самобытной традиции я мог это увидеть у нас в Свердловске? Где я мог узнать образцы старше девятнадцатого века, более старые, чем имелись в нашей небольшой картинной галерее? У меня появилась своя манера, тяга к чему-то новому, другому. Чьё же это было влияние? Я не знаю, кому это приписать. Мне всегда было мало самого себя, я стал сравнивать свою ситуацию с тем, как это могло бы произойти и произошло в истории с кем-то другим.

Возьмём одного из первых иконописцев, работавших на Руси, например, Феофана Грека. Он получил образование в Византии и приехал на Русь писать иконы. И вот мы видим затемнённые лики

святых, освещенные бликами и вспышками огня неземного. Они предстоят перед Всевышним, полные самосозерцательности, сосредоточенности на том, что пылает в них изнутри, отрешенные от всего бренного. И вдруг – Андрей Рублёв, ученик Феофана Грека, один из первых русских иконописцев, получивший от учителя незыблемые, казалось бы, правила писания икон. Но он интерпретирует каноны на свой лад. Его святые не просто предстоят перед Богом, они изображены с совсем иной причастностью действительности. Глаза святых Рублёва наполнены переживанием, и по колориту и линиям они стали другими. Когда Рублёв написал образ Владимирской Богоматери, то при том, что он использовал первоисточник греческого письма, он совершенно его переписал и сделал собственное произведение. Он повторил композицию, это верно, но как он по-своему закончил детали! Как он написал лицо, да оно просто дышит по-другому, и по сути – он не оставил ничего, что было образцом. Его взгляд художника, получив посыл византийского искусства, воспроизвёл это в своём творчестве с неповторимой индивидуальностью.

В Париже я явственно вспомнил стенописи Рублёва, которые я видел когда-то в Успенском соборе Владимира и то сильное, ошеломляющее впечатление, которое они произвели на меня, тогда двадцатилетнего студента.

Я действовал всегда спонтанно, я шёл как бы на ощупь. И именно во Франции, в Париже, я осознал себя русским художником.

– **У меня чувство, что, говоря с таким жаром, приводя в примеры других художников, ты относишь всё вышесказанное к себе лично, как прожитое, прочувствованное, выношенное.**

– От всего общего я схожу к очень индивидуальному, это правда. Проблема восприимчивости и передачи, вот, что я имел в виду, говоря об импульсе, полученном художником, и том, что в итоге явится его работой. В художественной школе я ходил вместе со всеми на пленэр, и у меня была тенденция воспринимать цвет не предусмотренной формулой, а набором цветовых пятен, в котором иногда терялась форма деревьев и вещей. Один из лучших учеников (его отец был художником) сделал мне замечание, я его запомнил, но не был с ним внутренне согласен. Мне было 11 лет. Тогда я ещё не мог понять, почему я делаю так, что вызвал эту характерную реплику.

Лишь впоследствии я понял: во мне уже тогда, несмотря на преобладание вокруг реалистических тенденций, была заложена способность абстрактного понимания композиции, способ видения пятен, – что позже привело меня к открытию. Я осознал, что единцей мышления для меня является не «предмет», а «динамика пятна», как композиционно-образующая основа картины. Освоив этот найденный мною метод, я начал анализировать происходящее в живописном процессе: в своей работе и в работах других художников. И сделал вывод, что картина удаётся, если её абстрактная основа хорошо выстроена. Решение приходит мгновенно, молниеносно, как озарение. Абстрактные пятна таинственным образом подсказывают мне персонажей, которые постепенно проявляются на полотне, как будто они уже там существовали, и я только помогаю им проявиться.

Таким образом, отстранённая динамическая основа – база развития мышления художника. Помнишь, у Пушкина: «Недаром тёмною стезей я проходил пустыню мира...»

– **Удивительно, что при взгляде на твои картины эта тёмная стезя совершенно не читается, всё построено и подано так, что все муки, поиск, труд, метания – остаются за кадром. Что происходит с тобой, пока ты их создаёшь? Каким образом труд и поиск преобразуются в такую светлую гармонию?**

– Во Франции долгое время было принято, и постоянно об этом долбили, что искусство и творчество – это такой вид развлечения, что это «плезир», «плезир» и «плезир». Если бы для меня это было так, я не мог бы существовать. Воспринимай я свою работу только как развлечение и личное утешение, я бросил бы всё и ушёл из искусства.

Студентом ещё я читал и перечитывал монографию Рильке о Родене, где Рильке записал за мэтром: «В искусстве нет места удовольствию, это тяжёлый труд. Искать удовольствия в искусстве – удел дилетантов». Можно вспомнить и другие его слова: «Мне пришлось бы говорить целый год, если бы я вздумал повторить словами хоть одно из своих творений». Поэтому, думаю, объяснять что-то и перелопачивать тонны слов ради попытки выразить то, что выражено трудом художника через цвет, композицию, динамику – не нужно. Пусть несут свет...

– У тебя много портретов публичных людей, артистов. Это и российские актёры, и Жан Марэ, и Жерар Депардьё, и вот – один из последних, правда, ещё не участвовавший в выставке – портрет Олега Видова. Чаще всего, вероятно, задают вопросы об известных портретируемых? Посетителю приятно видеть знакомое лицо и со знанием дела говорить: «Похож»?

– Это просто эпизоды моей жизни, встречи, которые происходят с людьми. Как кто-то сказал: «Есть встречи и не встречи...» Это люди, которые произвели на меня впечатление своим творчеством. А портрет – мой способ сформулировать сущность личности. В этом – смысл портрета.

Например, Смоктуновский для меня – Гамлет, который не умер, Жан Марэ – воплощённый благородный порыв и доброта, Жерар Депардьё – Жан Вальжан французского кино, готовый принять на свои плечи всю тяжесть жанра.

В фильме, где Депардьё играл Родена, я, кстати, не увидел в замысле режиссёра того, что чувствовал в Родене я сам. Его сделали таким зазнавшимся буржуа. С чего бы он натягивал перчатки на свои рабочие избитые руки и ходил в цилиндре, в то время, как он был работягой и его и видели-то всегда только в рабочей одежде? Но сам Депардьё произвёл на меня большое впечатление, как человек, который эту роль сыграл, особенно его движения, когда он, показывая мне свою коллекцию, держал в руках женскую фигуру тонированного гипса работы Родена. И какими же точными, округлыми, объёмными, пластичными были эти жесты, какими творчески прочувствованными. Я невольно сказал об этой фигуре: «Сколько в ней любви!» – «и боли!» – тут же добавил он, очень эмоционально. Он осознавал, как творец, сколько в эту скульптуру, о которой мы тогда говорили, было вложено чувства.

В Олеге Видове я почувствовал человека чуткого, вслушивающегося, наполненного внутренней жизнью. Он пишет стихи. На мой взгляд, он – человек не момента, не вспышки, а человек атмосферы, человек пространства, – редкое качество. Он выражает категорию всеобщности, идею в чистом виде, в нём сосредоточены универсальные ценности, поэтому он близок природе. Я подумал, что, играя в фильмах персонажей активного действия, он невольно привносил в их образы свой собственный строй, исходящий из природы, растворяющийся в ней. В нём есть какая-то длительность и всеобщность. Он как бы приходит из природы и в неё уходит. Он олицетворяет природу, её очеловечивает. Это перекликается с моей идеей атмосферы в картине, что в «Русских снах» нашло осознанное воплощение. Это качество есть и в работах с твоим участием, то есть – для которых ты позировала

– Ты почти двадцать лет работаешь вне России. Считается, что музыкантам и художникам, не связанным напрямую со сложностями вхождения в новую, часто поначалу очень и очень чуждую, языковую среду, живётся и работаете легче, чем остальным? Что касается меня, честно скажу – это не так, хотя и «нет никаких чужих языков, – как вскользь заметил где-то Бродский, – но есть длинный ряд синонимов». Всё это работает на человека только в том случае, если он чувствует себя дома. Где ты дома на этой планете: в России, во Франции, у себя в мастерской? Сохранилось ли это понятие: быть дома?

– Ответ без раздумий: нет. Я могу сказать об этом именно сейчас, когда я понимаю, что именно я вкладываю в это слово. Когда я об этом не задумывался, этот дом существовал – и именно потому, что я не задумывался. Первый раз о потере этого чувства я понял на месте дома моих прадеда и прабабушки, когда впервые увидел пустырь там, где когда-то был дом со своим укладом, старый сад, огород, где трудилась вся семья. Понимание того, что я утратил, вызвало внутреннее содержание. Я вспомнил изработанные руки моей прабабушки, с тёмными жилками, с несмываемым загаром... сколько всего совершили эти руки, и теперь не осталось ничего от всей прожитой жизни, от радостей, переживаний. Я не мог согласиться с этим исчезновением. Мне было лет девятнадцать, когда это произошло, и я понял, что от меня ожидается: я должен остановить исчезновение, этот процесс ухода, и я могу сделать это только через моё искусство.

– Как ты пришёл к тому, что твоим материалом в творчестве стала пастель?

– Я прошёл большой и бескомпромиссный путь, я искал прогресса в мышлении. Я не считая какой-то технический ход самоцелью. Для меня смысл никогда не заключался в самой технике. Важно, какую степень свободы может дать та или иная техника. Техника напрямую связана со способом мышления.

Наступает момент, когда нужно быть настолько свободным, чтобы реагировать на малейшие внутренние и внешние движения, настолько соответствовать своими действиями этим движениям, что невольно приводит к необходимости найти такой материал.

Только материалом, который соответствует этой свободе, возможно осуществить этот «симбиоз». Пастель осуществляет это без посредников. Художник – рука – картина.

В принципе я равнодушен к технике, как к таковой, она может быть смешанной, мне важен результат. Меня часто спрашивают: вы пишете сначала маслом? а сверху пастелью? Люди, глядя на мои картины, оказываются заинтригованы, – они не понимают, как этого можно добиться пастелью. Пастель, если её не терроризировать, даёт удивительные результаты. Я никогда не относился к пастели, как к излюбленной технике, и я выбрал её в конце концов больше в силу того, что она освободила меня от технологической зависимости, дала мне прямой путь. Я обратился к ней, когда у меня был уже большой опыт рисовальщика, акварелиста, опыт работы маслом. Я перепробовал всё на пути к свободе выражения, не обходя ни одну из трудностей. Я кидался в самые сложные задачи, много экспериментировал. Шёл 1974-й год, я учился в Архитектурном институте, был очень увлечён Роденом, делал карандашные рисунки, хотел передать пластическую силу в мужских портретах. У меня было несколько работ, я показывал их в Союзе художников. Меня поддерживали: продолжай, – но я хотел цвета. Я уже работал в пейзаже акварелью, стал касаться и портретов, и меня снова заметили и поддержали, но акварель сковывала меня своей точностью; менять что-либо, поддаваясь настроению, увлечению, решению продолжить и добавить – с ней было сложно. Я не могу закончить мыслить и знать наперёд всё прежде, чем возмущусь за исполнение, я хочу обладать правом свободы менять что-то в процессе работы. Я оставил акварель и занялся только масляной живописью. Завкафедрой живописи, с которыми мы поехали на этюды на Южный Урал, рассердился: «Ты всё время мечешься, всё бросаешь, так ты ничего не добьёшься». Он считался одним из лучших мастеров пленэрного этюда, у него были свои приёмы, и он пытался обратить меня в свою веру. Но я остался твёрд, и, хотя он считал себя моим учителем, я не считал себя его учеником. Я написал тогда один из этюдов: камни в траве, вросшие в землю. Они видятся мне до сих пор: серебристые, отражающие цвет неба и верхушки полупоблекшей травы. В этом этюде было предчувствие той гаммы, которой я потом часто пользовался.

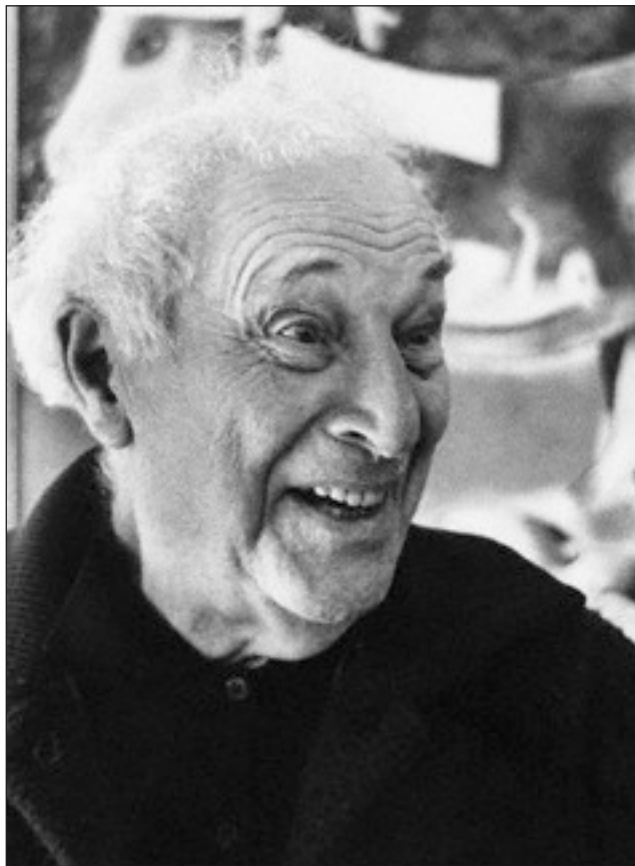
– Трудно предвидеть, но интересно гадать, вдруг период пребывания в Бельгии во время выставки в Ватерлоо, обернётся чем-то новым в твоём творчестве? Что даёт художнику перемена мест?

– Где бы я ни был, это всегда новые впечатления, ранее не испытанные. Ватерлоо – это зона затишья. Выставка начала работу, картины были размещены, пошел поток посетителей, возникло постоянство ритма, но главным для меня здесь оказалась природная среда, которую нельзя было не заметить, не почувствовать: масса рощ, больших деревьев, наполненных птичьей вознёй, запахом мелких цветов, вся эта влажная листва, пронизанная лучами, подцвеченная морозящим дождём, облака, о которых мы уже говорили – всё это так разительно отличается от атмосферы юга, и даже по сравнению с Парижем – это отдых поневоле, душевный вздох, и не потому, что я оказался в обстановке отпуска или избавился от забот, а потому что эта природа несёт в себе умиротворение и захватывает этим и тебя.

Картина бесконечно меняющихся облаков – это момент постоянного рождения новизны. Само словосочетание уже дает почувствовать силу этого события: постоянство новизны; игра, смена, текучесть. Насколько небо обладает способностью что-то постоянно менять, настолько ты не в состоянии хоть сколько-то удержать эту картину. Так мгновенно проходит то, что было таким прекрасным! Это и есть идея мира, который не может оставаться в одном и том же состоянии. Так и живопись для меня – я отчетливо это понял – это не «вещь», заключенная в раму, а процесс, живой и непрерывный, в трепетном состоянии предчувствия следующего мига, жизни, идущей дальше. Разумеется, признаки вещи должны сохраняться, но главное в живописи – это изменчивость мига. Текучесть живого момента. Любовь к мгновению.

В творчестве важна интуиция, я бы сказал, инстинкт. Умение вслушиваться в себя, когда ты видишь, слышишь, воспринимаешь – всем существом. Я должен быть открыт и, одновременно, сконцентрирован, – процесс таинственный.

Майя ШВАРЦМАН

Марк Шагал

*«Когда я открываю утром глаза,
мне хочется увидеть мир более совершенный,
мир любви и дружественности,
и уже одно это способно сделать мой день
прекрасным и достойным бытия...»*

ДОСТОЙНЫЙ БЫТИЯ

Невероятно и удивительно... Неприемлемо и непонятно... 125 лет в нынешнем году исполнилось со дня рождения Марка Шагала – величайшего художника современности, человека, прожившего почти 100 лет и творившего почти 90! Неужели возможно забыть о звезде подобной величины? Не секрет, что культурные ценности нашей страны за последние 10 лет стремительно полетели в пропасть, называемую «забвение». Причём, полнейшее! Спросить у ряда прохожих, кто такой Шагал, я не решилась бы... Уверена – девять из десяти ответят «не знаем»! Зато десятку списка «Форбс» – сообщат, даже если поднять их ночью с постели! Но было бы несправедливо винить простой народ, особенно молодых людей в незнании имён истинных героев нашего времени. Государственный заказ «оглушения» работает как хорошо отлаженная машина. Мой вопрос глубже: а что же СМИ? Почему они не обращают должного внимания на памятные даты величайших талантов мира сего? Стыдно признаться – в июне был 200-летний Юбилей Ивана Александровича Гончарова – классика русской литературы, «программного» писателя, которого и по сей день изучают в школах! И что? Да практически – ничего! Петербург, в котором Гончаров почти всю жизнь прожил и снискал литературную славу, никак не отреагировал на эту значимую дату. Справедливости ради нужно напомнить, что празднования в Ульяновске (Симбирске), на родине писателя, были пышны и великолепны, но об этом я уже писала большой и подробный материал, не буду повторяться. А Петербург? Абсолютная тишина. Так что же хотеть от нашей культурной столицы, ежели своего собственного Гончарова позабыли? А кто нам Шагал? Да – никто! Белорусский еврей, французский эмигрант... Вот пусть французы и белорусы его и поминуют! А мы лучше будем ломать голову, куда делись деньги Ксении Собчак и далеко ли улетит следующая

стая стерхов... Стыдно, граждане, стыдно должно быть нам! Сиюминутное уйдет, а вечное – останется, нас уже не будет, а великое искусство будет существовать и радовать людей! Хорошо, хоть Третьяковская галерея выставку юбилейную сделала, какое-то напоминание. Кто-то сможет сходить, полюбоваться полотнами. Несколько маленьких художественных галерей Петербурга, правда, тоже откликнулись на это событие. А ТВ – опять – ничтожно мало! А ведь телевидение – самое мощное орудие пропаганды сегодняшнего дня. Так что не удивляйтесь, если ваши малые детки будут вместо Пушкина, декламировать с выражением рекламу «пивасика», и восхищаться шампунем шоколадками, а не произведениями Марка Шагала.

Но вернёмся, всё-таки, к великому художнику и вспомним основные вехи его биографии.

Мойша Сегал – таково истинное имя нашего героя – родился в еврейском местечке близ города Витебска 6 июля 1887. Он был первенцем в бедной семье Сегалов, и его рождение сопровождалось страшными событиями. В Витебске в ту ночь вспыхнул мощнейший пожар, не пощадивший и дом Сегалов, в котором страдала первыми родами молодая Фейга. Мужчины обливали водой горящие стены дома, а женщины помогали роженице. Когда в пламени пожара появился на свет младенец, оказалось, что бедняга мертв! Малыша пытались оживить всеми известными в ту пору способами – кололи булавками, окунали в ледяную воду – и – о, чудо! Младенец запищал! В этот же момент вспыхнула стена в непосредственной близости от кровати счастливой молодой матери. Так их и вытащили из дома – Фейгу и новорожденного – на этой самой кровати – и пронесли по пылающему городу на окраину, в безопасное место. В последствие Шагал утверждал, что помнит пламя этого пожара и изображал его частенько на полотнах в виде огром-

ных красных петухов. Фейга же навеки уверовала, что её сын предназначен для великих дел, поскольку дважды должен был погибнуть и дважды ожил. Материнское сердце не ошиблось! Сына её, величайшего художника знают во всём мире и восхищаются его творениями. Маленький Мойша до 12 лет даже не ведал, что есть такое слово «художник»! Семья жила на доходы матери с мелочной торговли и со скудных заработков отца — портового такелажника. Кроме священной Торы, книг в доме не водилось. Увидев впервые у своего друга Виктора Меклера графические репродукции из журнала «Нива», Мойша восхитился и впечатлился настолько, что решил: вот занятие, которому я готов посвятить всю свою жизнь! Именно в этот день, в возрасте 12-и лет он услышал впервые слово «художник». Уговорив любящую его безмерно мать, отдать его в рисовальные классы живописца Пэна, Мойша начинает новую жизнь. Отныне — всё посвящено только рисункам! Краски он занимает у приятеля, холстами служат мешки из-под селёдки, хранящиеся в домашнем чулане. Отец был в бешенстве — здоровый лоб сидит без дела! А Мойша прятался со своими картинами на печке, подальше от разгневанного предка и от злобно насмехающихся сестёр. Лишь мать поддерживает его во всех начинаниях — помня историю его необычного рождения, она остаётся уверенной — сын явился в мир, чтобы сделаться чем-то особенным! «Ты вырастешь и разбогатеешь, тогда твои старые родители не будут знать, что такое бедность и горе!» — убеждает она сына.

Тем временем, не проучившись и года в рисовальных классах маэстро Пэна, Мойша решает ехать с Виктором в Петербург — поступать в Академию Художеств. Никто не верит в его будущие успехи, никто не понимает ярких пятен его картин, летящих по небу людей, синих лошадей, зеленых коз, красных огромных петухов... Пэн с сомнением качает головой: что-то в этом есть, но мало техники... А сестры воруют картины Мойши, спрятанные на печке, и стелют их у дверей, помыв полы — вместо половичков...

Прощание с отцом было болезненным — вот что пишет об этом сам Шагал в книге «Моя жизнь»: «Захватив двадцать семь рублей — единственные за всю жизнь деньги, которые отец дал мне на художественное образование, — я, румяный и кудрявый юнец, отправляюсь в Петербург вместе с приятелем. Решено! Слезы и гордость душили меня, когда я подбирал с пола деньги — отец швырнул их под стол. Ползал и подбирал. На отцовские расспросы я, заикаясь, отвечал, что хочу поступить в школу искусств... Какую мину он скроил и что сказал, не помню точно. Вернее всего, сначала промолчал, потом, по обыкновению, разогрел самовар, налил себе чаю и уж тогда, с набитым ртом, сказал: «Что ж, поезжай, если хочешь. Но запомни: денег у меня больше нет. Сам знаешь. Это всё, что я могу наскрести. Высылать ничего не буду. Можешь не рассчитывать».

Молодые люди устремились в Петербург — столицу, большой город, полный приключений. На вокзале перед отъездом Мойше попалась цыганка, которая произнесла странное предсказание: «Ты проживёшь необыкновенную жизнь, будешь любить одну необыкновенную женщину и двух обыкновенных, а умрёшь в полете».

Новые знакомства, учеба, работа, всё это быстро заставляет новоиспеченных художников забыть размеренный уклад родного города. Просвещённые девицы, раскованные и эмансипированные, окружают их. Одна из них, слушательница театральных классов — Тея Брахман, позировала частенько молодым живописцам. Бывала она и у Мойши — оказалось, что они земляки. Вскоре Тея становится его постоянной подругой. В каникулы они вместе едут домой, в родной Витебск. Именно в доме Теи и встретил Мойша ту самую, предсказанную цыганкой «необыкновенную женщину» — её лучшую подругу, подругу детства — Бэлла (Ба-

шеву) Розенфельд! Ту самую, чьи портреты он потом размножит сотнями, чей образ будет преследовать его до самой смерти, и ту, которой он посвятит всю свою долгую творческую жизнь. Впоследствии Марк Шагал запишет в своих воспоминаниях: «С ней, не с Теей, а с ней должен быть я — вдруг озаряет меня! Она молчит, я тоже. Она смотрит — о, её глаза! — я тоже. Как будто мы давным-давно знакомы, и она знает обо мне всё: моё детство, мою теперешнюю жизнь, и что со мной будет; как будто всегда наблюдала за мной, была где-то рядом, хотя я видел её в первый раз. И я понял: это моя жена. На бледном лице сияют глаза. Большие, выпуклые, чёрные! Это мои глаза, моя душа. Тея вмиг стала мне чужой и безразличной. Я вошёл в новый дом, и он стал моим навсегда». Бэлла, влюбившаяся в молодого красавца с первого взгляда, позже опишет в своей книге эпизод их знакомства так: «Я не смею поднять глаза и встретить его взгляд. Его глаза сейчас зеленовато-серые, цвета неба и воды. Я плыву в них, как в реке».

Родители Бэллы были богаты и не одобряли знакомство дочери с нищим студентом, да ещё и из ничем не примечательной семьи. Родители Мойши также считали, что нечего лебезить перед семьёй, где задирают нос и ни в грош тебя не ставят, но молодым влюблённым было всё равно, кто, что и как о них говорит. Послушная прежде Башенька твёрдо встала на своём решении принять предложение Мойши о замужестве. И даже тот факт, что вскоре после помолвки бесшабашный художник, вместо того чтобы вернуться на учёбу в Петербург, внезапно отправляется в Париж, не расхолаживает её, а напротив, укрепляет в своём решении. Ни насмешки подруг, ни уговоры родственников не могут поколебать её решения — ждать своего жениха! Любящее сердце девушки подсказывает ей, что парижская школа необходима её возлюблённому, а разлука не будет длиться вечно, ведь Мойша обещал вернуться через год! Она пишет ему нежные письма и терпеливо ждёт. Однако, вкусивший славы Мойша возвращается только в 1914 году. Поменяв своё имя на французский манер, он теперь зовётся — Марк Шагал. И это уже не самоучка-неудачник, это уже признанный молодой живописец, восходящая звезда европейского искусства, человек принятый в самых модных галереях Парижа, Берлина, снискавший похвалы великих мастеров. Большое будущее прочат они художнику, ему же теперь нужно лишь одно: чтобы любимая была рядом. Быстро сыграв свадьбу, молодые собираются в дорогу. Однако рука злого рока уже нависла над молодоженами! Местные власти не только отказывают Шагалу в выезде, но и ликвидируют его паспорт, попросту порвав его. Причина — начало первой мировой войны. В 1916 году в семье Шагалов рождается дочь — Ида, впоследствии ставшая биографом своего знаменитого отца. Марк на радостях посвящает ей картину «Ландыши», которую впоследствии копирует сам с себя несколько раз.

С началом 1917 года наступают страшные времена. Люди голодают, семья Шагалов — не исключение. Богатый дом родителей Бэллы давно разорён, помощи ждать неоткуда, работы нет, денег — тоже, выехать из страны не представляется никакой возможности. В отчаянном положении, в страхе за свою семью, Марк отправляется в Москву, к Луначарскому, знакомому ему еще с парижских времен. Там и тогда Анатолий был малоизвестным корреспондентом, теперь же он — Анатолий Васильевич — вершитель судеб — первый нарком просвещения. Луначарский с размахом своего должностного величия определяет старому приятелю место уполномоченного комиссара по делам искусства Витебской губернии. Марк возвращается на родину при должности, при портфеле, но практически без денег. На голом энтузиазме организывает он в Витбске школу искусств и даёт работу буквально всем прежним знакомцам, начиная с однокашника Виктора и заканчивая пожилым учителем Пэном.

Создавая огромное количество рисованного агитационного материала, художники могут как-то выживать. В недобрый час, однако, решился Шагал пригласить в своё объединение Казимира Малевича – уже известного в те времена как состоявшийся художник и основатель течения «супрематизм». Одержимый идеей своего главенства, Малевич очень быстро настроил коллег против Шагала, уверяя их в том, что Марк не хочет работать, а только разъезжает в автомобилях и «начальствует». Шагал же был всю дорогу занят тем, чтобы выбить деньги из молодого Советского правительства, дабы оплатить работу тех же художников, которые сейчас объединились против него под руководством Малевича. С тяжелым сердцем и абсолютно без средств к существованию, покидает Марк с семьёй родной город. В глубине души он уже понимает, что разногласия его искусства и идеологии Советской власти становятся всё явнее, всё острее. Некоторое время Шагала мыкаются в Москве, голодают, замерзают, работы у Марка много, но она практически не оплачивается, а о признании его художественных идей не может быть и речи – новой власти нужно совсем другое. В минуты отчаяния, Марк получает письмо от парижского друга, который со смехом сообщает ему, что европейские галеристы с удовольствием экспонируют картины Марка, оставшиеся в Париже, и зарабатывают на них хорошие деньги! Марк решает уехать, во что бы то ни стало. Ему уже совершенно ясно, что в советской России нет будущего для такого самобытного художника как он. Друзья договариваются о его выезде на персональную выставку в Литве в 1922 году. С трудом выправив документы, рискуя ежедневно быть возвращёнными, семья отправляется в Европу по единственному доступному пути – через Прибалтику.

В Париже начинается полная реконструкция жизни. И неважно, что все работы, оставленные там Шагалом на хранение – украдены. Марк по памяти воспроизводит их снова, а также пишет новые. Яростно бросаясь в любимую работу, он счастлив, понимая, что теперь сможет обеспечить будущее семье и своему творчеству! Вернисажи следуют один за другим – Марка помнят в Европе, ему рады, для него всегда есть заказы! Но, налаживающаяся счастливая жизнь вновь под угрозой разрушения! В Европу приходит фашизм, одержимый антисемитскими настроениями. По счастью, власти США предлагают Шагалам укрыться в Нью-Йорке от преследований. И снова побег, снова нужно налаживать жизнь сначала... Семья скучает по Парижу, и в 1944 году, когда химера фашизма отступает, немедля собираются в дорогу. Но перед самым отъездом из Америки, Марка постигает страшная трагедия. Внезапно уходит из жизни его жена Бэлла. Уколовшись о ржавый гвоздь, торчавший в подрамнике, она скоропостижно погибает от сепсиса. Марку кажется, что и его жизнь остановилась в этот момент. «Всё покрылось тьмой» – так напишет он позже в своих дневниках. Только заботами дочери Иды и её постоянным присмотром он остаётся на этой земле. Почти год не прикасается он к краскам, но потом, всё же берется за кисть, чтобы написать две картины в память о любимой: «Свадебные огни» и «Рядом с ней». В этот момент, изнурённая заботами о доме, об отце и о его делах Ида, нанимает помощницу по хозяйству. Молодая американка Вирджиния Макнилл-Хаггард вскоре становится любовницей Шагала, у них рождается сын Дэвид. Вирджиния – вторая «обыкновенная женщина» из предсказания цыганки - переезжает с Шагалами в Париж, Ида теперь живет отдельно, она не одобряет связи отца с женщиной, чей возраст близок к её собственному. Однако брак не продлился долго – Вирджиния сбегает от Марка с известным фотографом. Впоследствии она объясняла свой поступок тем, что так и не смогла занять главенствующее место между Марком и его картинами. Вбешённый Шагал безутешен и возмущён, в первую очередь тем, что ему предпочли человека совсем другого уровня, полёта. Любящая дочь Ида вновь броса-

ется на помощь к расстроенному отцу. Желая развеять, развлечь его, она настаивает на многочисленных прогулках. Шагал, ворча, соглашается. Как-то раз Ида просит отца составить ей компанию в поездке по магазинам. Марк, неохотно едет, но перст судьбы уже вновь занесён над ним. Хозяйка салона моды, куда забегают Ида за своим заказом – красавица Валентина Бродецкая – вскоре становится женой Марка Шагала. Абсолютно «земная» женщина – она становится его ангелом хранителем, менеджером, секретарём, оберегом. Она берёт на себя все не касающиеся искусства проблемы. Теперь Марк должен только творить!

Этот период жизни Шагала является самым признанным, плодотворным и насыщенным. Он расписывает плафон парижской Гранд Опера по заказу самого президента Франции Шарля де Голля, создаёт для «Метрополитен Опера» в Нью-Йорке два панно, в Чикаго украшает здание Национального банка мозаикой «Четыре времени года». Открывается экспозиция его работ в Третьяковской галерее в Москве. При жизни он удостоивается выставки в Лувре! И исполняет заветную мечту – делает иллюстрации к Библии.

Шагал скончался 28 марта 1985 года на 98-м году жизни в своём доме в Сен-Поль-де-Вансе. Он вошёл в лифт, чтобы подняться на второй этаж и, умер, сидя на диванчике лифтовой кабины. Так сбылось последнее из предсказаний цыганки: Марк умер в полёте!

Наследие Шагала столь велико, что до сих пор нет полного каталога всех его работ. Этот великий мастер работал много и плодотворно, но никогда не изменял своему стилю, своим художественным принципам, своему внутреннему чутью. Не смог он забыть и родной город. Витебск снился ему, сюжеты любимого края сотни раз перенесены художником на холсты. Марк Шагал мечтал вернуться в родное местечко. Но этой мечте сбыться так и не удалось. Родные тщательно скрывали от маэстро, что от его города в войну остались одни руины, а советский Витебск ничем не похож на тот, в котором родился и вырос Шагал и который покинул в 1922 году. Случайно, в семидесятых, ему попали в руки фотографии... Художник безутешно плакал, увидев воочию, что стало с его родным городом.

Немногие знают, что Марк Шагал писал чудесные стихи. Вот одно из них, которое он посвятил своей родной стране, покидая её...

**Молчишь, страна
Молчишь, страна... Мне душу хочешь
Своим молчаньем подорвать...
Какой молитвой днём и ночью
Мне жар палящий в груди унять?
Я кровь свою, на знойных грез
Настоянную, тебе пошлю,
Своё дыхание — как слёзы
Текучие, всю жизнь мою.
И воздух, голубой и зыбкий,
Вдруг покачнется в вышине,
А сам я, с тихой улыбкой,
Умру и лягу в тишине.
Ты на меня, страна, в обиде?
Но я открыт перед тобой —
Бутыл в откупоренном виде,
Сосуд с доступною водой.
Из года в год разлука крепла...
Но возвращусь я дотемна,
И ты мою могилу пеплом
Посыплешь, милая страна.**

Екатерина АСМУС

(Картины Марка Шагала размещены на обложке №1, 4)

ВОЙТИ В ПРОСТРАНСТВО

Никас Сафронов, мирозерцание творца

С. Савицкая, А. Бухаров, Н. Сафронов

«Ты станешь ничем! Золотым последним солнечным лучом. Глядя на тебя, каждый человек будет чувствовать необъяснимую тоску, поэты – слагать песни»...

И на глазах изумлённой стражи бросилась цыганка из окна на крутые скалы. И с последним лучом солнца растворился принц, будто его не бывало. Постепенно пришло в запустение королевство. Люди разошлись, кто куда, в поисках лучшей доли. Разрушился замок. Лишь на руинах во время заката появляется привидение, тоскливым лучом окрашивая всё вокруг. Печален свет несбывшийся любви. В раках у него алая роза. А из глаз бегут кровавые слёзы.

Я бы давно забыла сказку «Золотой принц», но он рассказал мне свою.

Сказку своего детства.

Вечернее солнце щедро разливало тягучий мёд заката, превращая обыденные вещи в фантасмагорию лучезарного янтарного свето-волшебства. Развалины замка манили загадкой. И Никас глядел заворожённо на угасающее светило.

Потом много лет спустя, уже в Италии детство неожиданно сверкнуло таинством неразгаданности бытия. Вернулась та же видовая картинка. Разрушенный замок. Арка. Заходящее солнце. И Никас пошёл на зов. Как в детстве. Но сквозь арки времён пройти оказалось невозможным, печально ухмыльнувшись на наивность человека, Вечность свернула пространство. И Никас сильно поцарапался о колючие шипы неопозволительно распушенных роз.

Я глядела на картины Никаса Сафронова как-то отстраненно, ползая мышкой по его следам в интернете, бродя по мастерской. Я искала Никаса. Но находила только следы. Отпечатки кистей и крыл, мыслеформ, проб и ошибок, поисков и побед. Это всё было вчера. А сегодня?

Я глядела на фоторяды суетливого офиса, удвоенные зеркальной стеной, пока его помощники вели переговоры с многочисленными посетителями, в которых я просто затерялась. Иногда полезно бывает побыть песчинкой среди толщи песка. И снизу возвести вопрос:

Кто ты? Зачем так многолико предстал предо мною. Бог? Демон? Человек? Миф?

Никас многолик в своем офисе. Вот он на фото с Путиным. Вот с Софи Лорен. Вот он вместе с патриархом. А вот с другими знаменитостями, чьи портреты изображал. В ожидании беседы, я листала толстые цветные фолианты. И там тоже. Там было так много Никаса, что разобраться, где он настоящий, казалось невероятно трудно.

Я раньше была чётко убеждена, что Никас – просто ещё один подражатель Дали, пока не побывала в Фигейрасе, в музее знаменитого экспрессиониста. Великий и ужасный Дали более прост в выражении символизма и менее понятен, как не может быть понятна нездоровая психика.

Работы Никаса скорее, ответный ход, продолжение сложносочинённого предложения без точки в окончании, но с запятой или многоточием. Нашумевший и скандальный уродец, целлюлитный слоник на длинных комариных ногах Дали превращается на картинах Никаса в длинноногих розовых фламинго. Яйца, украшающие усыпальницу испанского символиста, обретают в творениях Никаса вполне чёткое значение многоглавости каменщиков «Шалтай-балтаев». А русская женщина, получившая в устах Сальвадора имя курицы Гала, ставшая для него ВСЕМ почти на 40 лет, и венчанная кистью художника титулами, то королевы красоты, то Мадонны с младенцем, то ангела... разбивается в этюдах Сафронова на тысячи женских лиц – разных: красивых, пустоглазых, напряжённых, расслабленных, сексуальных, надменно-печальных, а то и просто по-детски небрежно вырисованных... он раздевает их и наряжает кого в занавеси дождя, кого в монашеские ризы готических храмов, кого нежно баюкает на ветвях.

«...Я знал, что грешница, ты прости, но не каюсь и не таясь,

Богом кто её окрестил? Это я – Господи! Это я!»

Но Никас далеко не Дали. Он предпочитает не единственную и не неповторимую. Возможно, принцип его жизни – «перемена занятий – лучший отдых». Его молитва, прежде всего – труд. Кубизм, иконопись, бутафорство, графика – неважно, в какой технике исполнена работа. Он выкладывает. Создаётся впечатление, что лица просто налипают на его жизнь, как мухи на клейкую ленту.

Его мощную энергетику можно почувствовать, если случайно коснуться плечом. Это, без всякого сомнения, человек-донор. Живительная сила души брызжет через край. Не удивительно, что он всегда находится в окружении кровососущих потрясающих созданий. Слоники или фламинго — неважно. Длинными тонкими хоботками они кушают Никаса, присасываясь со всех сторон. Его много. Неввероятно много. Так много можно ли быть одному человеку? А, может, он не человек, если получается «накормить пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек»?

- Каждый день — это борьба. И тыходишь в него с усталостью от ночной работы, но весь день бодр, потому что новая работа, как новый сон даёт энергию новой жизни, — говорит мне он.

Его мастерская поражает творческими возможностями хозяина. О ней надо бы сказать особо. Дело не в оформлении самого интерьера, хотя и он заслуживает внимание. Главное: там, на ограниченных кусочках тканей, содержащихся в багетных рамках, ему удаётся с лёгкостью, как прямая линия, так и бинарная точка, как кривая, так и лента Мёбиуса. Из малой точки Никас может неожиданно развернуть пред эстетиками коллажное пространство, так же как свернуть весь мир с его океанами, замками и храмами в рамку холста. Дали? Нет. Это уже Никас. Гонселвес? Немного. Скорее Эль Греко с элементами Мурильо. Но он может писать не хуже Рембрандта или Брюллова. И владеет потрясающей техникой портретной живописи и графики. Здесь в мастерской ты видишь промежуточные работы и удачные. Ключевые, как центры пересечения времен и возможностей и пробы мыслей. Никас-символист и Никас-философ одновременно ведут какую-то постоянную борьбу с Никасом-живописцем, пейзажистом и мистиком.

Интересны портреты, как женские и мужские, так и вообразаемые. Присутствие в портретной живописи элементов архитектурных сооружений, пейзажей, цветочного и натюрмортного натурализма порою дополняет характер изображаемого лица. Почему лица, а не портрета? Никас во многих работах не заморачивается детальной прорисовкой рук, ног, одежды. Он выхватывает главное — лицо, отделяя его от остального тела, раздевая душу до самых глаз.

Однажды в музее Сергиева Посада мне рассказали историю о хирурге, принявшем монашеский обет и, по просьбе, продолжающем практику. В их семинарию приехали космонавты и рассказывали, что они летали в космос и никакого Бога там не видели.

- Я тоже часто делаю трепанацию черепа и вижу мозг. Но никогда не видел там ум! — ответил им хирург.

Работы Никаса Сафронова прежде всего умны. Они, как тот самый стакан, который сначала камнями, затем песком, а потом водою наполнял философ, но так и не наполнил.

Итак. Стакан еще не полон. Значит, художник жив.

- Побольше мелких ошибок! — пожелал мне инструктор вождения, — рассказывает Никас, когда мы выясняем, много ли дыр от гвоздей оставил он в «заборе своей Жизни», — невозможно родиться совершенным. Если не будет ошибок — не будет их осмысления, а значит, реализации творца.

Когда Никас говорит, речь его неспешна. Он заставляет глядеть на себя. Хотя всё время хочется посмотреть вокруг — его кабинет, точнее, покои, обставлены, как в театре старинным реквизитом рыцаря. Кресла с резными перильцами впираются в локти ушками львов. На балконе пищат птички. Развешаются полотнища флагов. Рядом — тоже старинной работы кровать, покрытая какой-то шкурой.

На каком-то этапе понимаешь, что всё это лишь интерьер, одежда. Много лишних деталей. Символов. Слов.

Так, может, бренд Никас Сафронов просто миф? Просто сказочка такая для взрослых?

- «... и спросило солнце, уходя на закат: «Кто тут есть, чтобы продолжить моё дело?» «Я сделаю всё, что в моих силах, Учитель» — ответила глиняная лампадка»... Никас, скажите, у вас есть ученики?

- Ученики?... Нет. Я надеялся, что сын станет моим продолжателем. Я преподаю. Но нет...

Интересно получается. Дали тоже не хотел, но кстати сказать, не только учеников, но и детей. Он считал, что не может быть второго Сальвадора Дали!

А ещё мы говорили о Махатмах и мудрости древних. Они утверждают, что нет прошлого, потому что оно уже прошло, и нет будущего, потому что оно еще не наступило. Самая высокая точка на земле, та, на которой ты стоишь. И самый главный — тот, который сейчас пред тобой, ибо именно он скажет тебе самое главное на эту минуту!

- Нет. — Ответил мне Никас. — У каждого — своя мудрость! Амар Хайям призывал в своих произведениях к распутству и пьянству, но сам был великим тружеником, философом. Он пахал!

И вспомнила я сказку «Дракон-Зверобой» о том, как принцесса во время брачной ночи с драконом попросила его кожи сбрасывать одну за другой. И когда он сбросил девять кож, обмакнула она розги в молоко, и стала бить нещадно, пока девять розог не сломала. А потом в девять рубашек нарядила и утром обнаружила в постели прекрасного принца...

Забавно получается, из 23 намеченных вопросов для интервью, промежуточного времени между съёмками и покупателями нам хватило всего на 9!

Хорошее число. Оно дало мне, наконец, ответ на вопрос, ибо, как сказывал Платон в диалоге «Парменид или Об идеях», «Все выстраивается через сверхсущие единицы непознаваемых богов, по сути через числа, к сущим, то есть, умопознаваемым Богам».

Итак. Девятка — число человека. Девятка сходна по форме со сперматозоидом. Девять месяцев эмбриона. Сложение загадки сфинкса. Через 9 сфер при рождении пробивается организм.

Раздевая Никаса вопрос за вопросом от всех листьев капусты, накрученных на имидж художника жёлтой прессой, я в итоге совершенно тупо обнаружила трудоголика.

Откуда же столько сил для такого объёма работы и общения?

Одна из постоянно встречающихся тем — прозрачные шары, имеет живой факт из жизни. Когда художнику было года три, они с шестилетним братишкой ночевали на сеновале. Началась гроза и к ребятишкам подлетел прозрачно-голубой светящийся шар. Никас хотел подойти к шару, но брат дернул его, и они побежали. Шар преследовал, пока они не закрыли за собою двери. Произошел взрыв. И на двери образовалась вмятина.

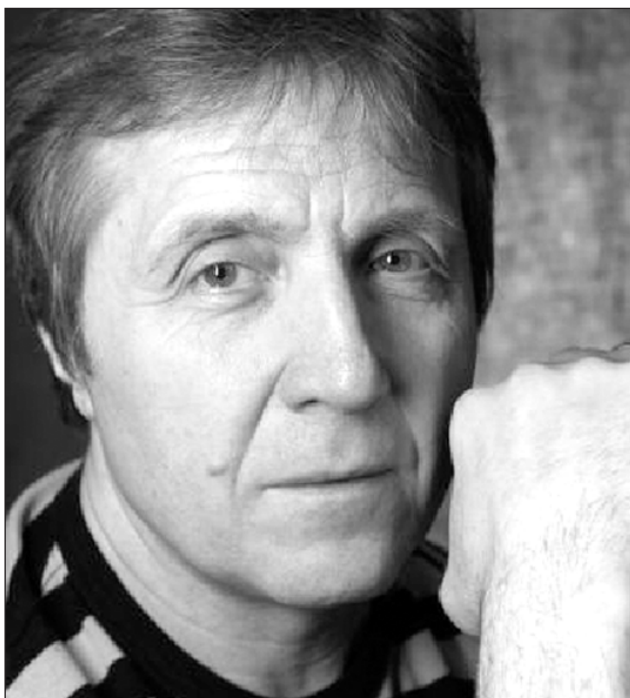
Шары, эти энергетические сгустки, теперь постоянные жители полотен художника.

Что это? Молнии? Шаро? Гало? Как в сон, они органично входят в выдуманные пространства, с любопытством глядят из них на вас. И непонятно, кто зритель.

Я поднесла ладонь к одному из них. Тёплое!

20 июня. 2012г. Москва

Беседу вела Светлана Савицкая

Игорь Лукштин

Родился в 1950 году в г. Баку, закончил Московский авиационный институт, позже Московское высшее художественно-промышленное училище им. С.Г.Строганова (мастерская скульптуры).

Скульптор, член Московского и Российского союзов художников, профессор кафедр академического рисунка Строгановской художественно-промышленной академии и школы-студии МХАТ.

Публикует стихи на "Поэзия.ру", "Стихи.ру", "Рифма.ру", "Литконкурс.ру", "45-я параллель" и др.

Лауреат международных конкурсов: "Поэзия 2006", "Вся королевская рать" (2006, 2007, 2009), "Серебро слова - 2006", "Серебряный стрелец" (2009, 2010), поэтических конкурсов им. Петра Вегина (2009) и Льва Лосева (2010). Финалист Волошинского международного конкурса (2005, 2006, 2008).

«Ощущение фальши — в звуке, слове, эмоции — мучительно...»

Интервью с Игорем Лукштом

С Игорем Лукштом беседует член Московского салона литераторов, писательница Ольга Моисеева

— На вашей авторской странице на Моссалите (www.mossalit.ru) есть информация о том, где вы получили профессию скульптора. А как вы пришли к поэзии? Когда написали первое стихотворение?

— Первое серьёзное увлечение поэзией и робкие опыты в стихосложении — девятый класс школы, впрочем, совершенно графоманские, так что без слёз не вспомнишь. Учёба в МАИ и последующие годы инженерства — время поиска и пробы сил в различных творческих амплуа. В результате — поступление в 1980 году в Московское высшее художественно-промышленное училище им. С.Г.Строганова, на отделение скульптуры. Именно там, в восьмидесятые годы, были сделаны и первые шаги в поэзии...

— В ваших стихах остро чувствуется взгляд и опыт художника:

Купальщица (бронза)

«Там шёл ребёнок. В розовый загар легко окрасил горный медовар его плечо и лоб, осколки радуг цвели в глазах и голубела тень под нежным подбородком - в знойный день...»

— Настоящий живописный портрет красками-словами. Скажите, конкурируют ли два разных вида искусства — скульптура и поэзия — за право занять ваше время, или такого не бывает?

— Практически нет. Можно говорить, скорее, о некоей переменной по времени волне интереса-тяготения к слову или глине в процессе жизни. Кроме того, преподавание рисунка в Строгановке и школе-студии МХАТ придаёт творчеству достаточно устойчивую цикличность. Лето, время студенческих каникул, пора разъездов — преимущественно «сезон стихов», ибо поэзия, требующая отрешённости и отсутствия суеты, не нуждается, однако, в инструментах и специальной студии. Скульптурой же я занимаюсь в мастерской в более «прохладные», наполненные движением, трудом и общением месяцы.

— «О, тайны ремесла! Счастливый тот словарь - гладилка, рог, шпатель, протяжка ли, подсечка...»

Стихи «Феникс», «Октябрь. Печники», «Кузница» поражают не только своей художественностью, но и глубокими знаниями описываемых профессий. Скульптор, печник, кузнец... И труд, и души этих людей открываются читателю во всех подробностях и неповторимой красоте. Когда читаешь, словно живёшь их

Таня (бронза)

жизнью... Откуда у вас такое знание разных ремёсел — наблюдали и изучали, или, может быть, вы постигали тайны этих профессий на практике?

— Не открою секрета, если скажу, что годы студенчества, да и инженерства в ранге молодого специалиста — довольно скудное на материальные блага время. Мы с друзьями более пятнадцати лет в летние сезоны подрабатывали на сельских стройках плотниками, бетонщиками, каменщиками, монтажниками и т.п. — для под-

держки спадающих штанов и укрепления семейного бюджета. Кроме того, мне доводилось работать с форматорами и сварщиками, в кузне и литейке... Я уж не говорю о работе в скульптурной мастерской. Следы этих опытов – в цикле стихов «Ремёсла».

– «...да сурово станки мои ждут окончания великой хандры...»

Поделитесь, есть ли у вас способы призвать вдохновение, или вы просто ждёте, когда оно само придёт? Что помогает, а что мешает творить? Чего в работе вы больше всего боитесь?

– Приятных или не очень забот и дел по жизни много, только успевай. Поэтому не форсирую событий и не призываю Музу. Она девушка своенравная, вряд ли ей понравится такая фриivolность – может уйти и не появляться годами. Но зато когда возвращается – сердце ёкает, душа воспламеняется и... можно творить. Для этого, правда, необходимы свободное время и уединённая келья. В работе ничего не боюсь – глаза боятся, руки делают... Впрочем, пожалуй, боюсь – наврять. Ощущение фальши – в звуке, слове, эмоции – мучительно...

Монолог. Портрет Высоцкого (бронза)

– Ваши стихи насыщены деталями и красками, образы прорисованы ярко и тщательно. Долго ли вы работаете над каждым стихотворением? И как это происходит: сначала рождается идея, а потом вы облачаете её в поэтическую форму, или первым делом приходят рифмы и свободные ассоциации?

– Работаю? В основе стиха для меня всегда лежит некое первоначальное переживание, потом ищешь строку, созвучную ему. Возникает тема – сочетание чувства и формального построения строки, зерно, из которого постепенно развивается росток. Иногда Создатель любезно подкидывает тему во сне или наяву в виде готовой строчки, и тут очень важно записать её, иначе улетит, как дикая птица.

Пишу медленно, как кирпичики кладу, – строю новый крохотный мир со звуками, цветом и запахами, совершенству его.

Лучница (бронза)

Долго сдаю стихи «под ключ» – вычищаю враньё и невнятицу...

Цельность, ясность и яркость образа – главная задача, которой подчинено всё. Чувствуешь себя волхвом, идущим по жизни и развешивающим на берёзах и осинах цветные миры фантазии.

– Представленные на фотографиях скульптуры выполнены из бронзы, это ваш любимый материал? Почему?

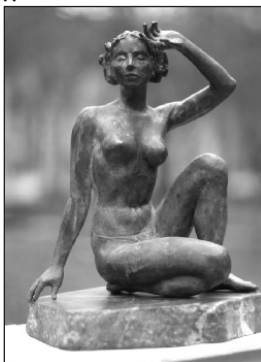
– На то несколько причин, одна из них – плохая звукоизоляция подвала, где я работаю и постоянный «любезный» прессинг жителей дома – моих соседей по поводу стука и шумоизвержения, так что с камнем, например, не очень поработаешь. Но немаловажен, конечно, и факт, что мне нравится пластика бронзы, позволяющая передавать довольно тонкие переживания души.

– Как изменяется ваше искусство со временем? Просто развивается само собой, или вы направляете это развитие, порой решая привнести в него что-то другое, новое?

– Честно говоря, всё зависит от темы и образа. Они в основном определяют формальную структуру будущего создания, ну и, конечно, сердечные биоритмы автора, влияние на них всяких ярких событий, встреч и стихийных бедствий – любви, революций и извержений Везувиев...

Очень актуальное, познавательное интервью, построенное на доброжелательной беседе. Интересные вопросы, не менее интересные ответы. Я в полном восторге!

Ольга
МОИСЕЕВА

Утро (бронза)

Лучница

Студёной дрожью, коброй ледяной
волнение шевельнётся в подреберье
и ускользнёт в низины живота с лентой...
И Лучница, скуласта и люта,
хребет расправит с грацией пантерьей
и зазвенит тугою тетивой.

Угрюм и нетерпением томим,
прищур зрачка полёт стрелы прочертит
над скудным остяком солончака...
Как дым
пожаров, тварь пернатая дика,
и жаден лук, таящий жало смерти
над стрёкотным безмолвием степным...

Рассвет жесток и яростен, и свеж –
от горизонта в шорохе и свисте
в степи летит табун по ковылям надежд.
Мерещится опасность жеребцам,
но ноздри рвутся в беге норовистом,
в косматых гривах – воздух и мятеж.

В кофейне

Слоится дымчатый интим,
грустит и плачет пианино,
изогнут в вазочке бамбук,
зелёным пламенем горя,
клавир течёт, неуловим,
гарсон заказ несёт картинно.

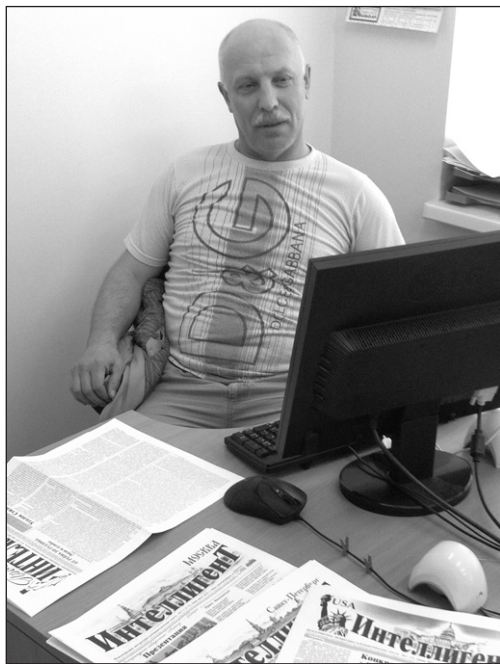
Ты пальчиками тонких рук
меня листаешь, говоря:

“В воде витринного стекла
бутыли синие, как рыбы,
на стенах снежный лик Пьеро
увяз в плетениях тряпич,
бармен трюится в зеркалах
и цедит кровь кофейной зыби”...

Цепочкой тонкой серебро
стекает с худеньких ключиц.

Подпёрты спины прихотжан
сквозной лозой венских стульев,
у входа чёрный Минотавр
качает шляпы на рогах.
Восточный бронзовый кальян
и шёлк народов саксаульных,
и кофе, и зелёный лавр –
всё будет жить в твоих холстах.

Всё будет петь и плакать всласть
в горящем золоте акрила,
ракушки глаз приемлют мир,
в нас неземное вороша.
О, красок медленная власть,
кистей таинственная сила,
твори, мой маленький факир,
пусть плещет бабочкой душа.

Сергей Пашков

Издатель, художник, публицист. Занимается формированием научного представления космогонии, как писаний народов мира (предания, мифология, легенды). Получил в составе авторской группы три международных сертификата Академии Естественных Наук России, Института Интеллектуальной Собственности Р. Ф., Российского Общества Оценщиков. (Программа по использованию экспозиционных субъектов Р. Ф. в качестве носителей информации, которая была признана Ноу – Хау) За свою издательскую деятельность, издавал авторские альманахи и газеты, входит в редколлегия Американского журнала «Острова/Islands», Очень оригинальный у Сергея художественный стиль картин, который несёт в себе огромную ассоциативную информацию. Картины могут сопровождаться толкованиями или такими же ёмкими ассоциативными текстами. Кроме авторской художественной выставки, работы Сергея публикуются в Российских и зарубежных журналах. На данный момент, как учредитель, активно занимается продвижением медийной группы международных изданий «Интеллигент» (Москва, Санкт - Петербург, Нью-Йорк). За данный проект удостоен «Золотого Пера Руси» в 2011 году в номинации – Коммуникации. В 2012 году был удостоен: ордена «Трудовая доблесть России» первой степени, за вклад интеллигенции в развитие Культуры; «Золотое Перо Руси» в номинации СМИ.

РОЛЬ ВДОХНОВЕНИЯ В КОСМОГОНИИ

В этом материале я продолжу рассказывать о некоторых моих выводах, которые были сделаны после долгих лет исследования космогонических работ у различных народов мира. В основном речь будет идти о текстах из Библии, состоящей из книг Ветхого и Нового Заветов. И прежде всего, я всегда стараюсь напомнить людям, что вдохновенные тексты или духовное – это не буквальное! Однако, если дух не есть буква, то это не означает, что духовное представление, лишено реальности. Ведь даже ложь реальна, как порождения дьявола, т. к. дьявол – отец лжи. Хотя вроде ложь это же обман, как то, чего не существует, в отличии от Сущего или Божественной Истины, но обманщики и обманы – это реальность. Проблема в том, что истину часто скрывают под духовными текстами или различной иносказательностью, т. е. под различными притчами, метафорами, аллегориями, сказаниями, легендами, символами, так же пророка или говоря еще не наступившими последствиями, но которые проявятся, воплотятся или явятся через срок. Пророчествовать – это говорить о невидимом, но как о видимом. Хотя пророчества говорят так же невежды и лжецы, но истинные пророки исходят из опыта, истинных познаний, различных и аналогичных свойств, примет и верности клятвам или договорённостям. Порочные представители с низменным мировоззрением и по их падшему духовному естеству, нигде и никогда не могут слышать и видеть истинное естество, но при этом преступную, нечестную, ложную, порочную реальность считают и называют истиной, мол, эта же реальность! Я же прошу мудрых исследователей и созерцателей всегда помнить, что если порочное или лживое, преступное реально, то, это вовсе не есть истинная и благая реальность. Библия – это в большей степени стихи, которые и соотносятся с вдохновением, но и различное внутреннее и внешнее, так сказать расположения духа, может сказываться и на словесном и буквальном творческом деле и мировоззрении. Духовная иносказательность как сказка, но в которой сокрыты очень многие мудрые вещи, а уже из двух таких соотношений, как ложь и иносказательная духовная мудрость, многим очень сложно разобраться, что считать ложью, а что считать иносказательной мудростью? В первом номере нашего журнала «Интеллигент. Избранное», мной уже приоткрыты некоторые толкования духовных текстов в здоровое их понимание, так же представлены чисто духовные тексты и картины, которые лишены каких либо буквальных характе-

ристтик, но в них реальные духовные представления и характеристики образных типажей, некоторых извечных сюжетов. Стоит напомнить, что изменение духовного расположения или обращения одного духовного естества в человеке, даже в совершенно иное, может вовсе и не менять материального или биологического фактора в человеке и даже в бытие. Потому, когда для Адама и Евы их кожный и волосной покров считался естественной их одеждой, то они и не могли видеть наготы, которую уже тогда видели городские жители, т. к. для них уже тогда естественным атрибутом была рукотворная одежда.

Чтобы возникло понимание, между мной и исследователями моих работ, мне приходится выстраивать материалы в толкованиях, в духовных текстах и духовных рисунках – как в изобразительных матрицах. Это если и не даёт принять нечто от меня, то хотя бы некоторым даёт понять меня, а не принимая избочничать, как приводить здравые их доводы, не извращая моих. Я только за такой диспут! В частности уже в этом материале, мне придется пояснить некоторые духовные символы из Библии, и начнем с образа змея. Как я уже писал, что ДУХОВНО, под образом змея искусителя может быть любой, притом и в любое время, и в любом месте может скрываться некий реальный порочный человек – совратитель. Совратитель либо искуситель к порочности, может быть хоть какой национальности, ей может быть и совратительница, т. е. даже женского рода. В таком контексте, как змей искуситель или змея искусительница – это имя нарицательное, а вот в контексте Библейского сюжета речь более конкретизируется к некой линии в этносе, точнее линии носителей змеиноготема в древнем Египте. Как уже известно, в древние времена, в нижнем царстве Египта, у линии Сета, особо почитался образ змея. История Моисея дает нам ключ к пониманию не только, что это были в реальности за непотребные или запретные плоды, но и приоткрыть, кто скрывался за образом змея искусителя. Как видно из текста Ветхого Завета, Моисей владел особым жезлом в виде большого змея. Именно по величине этого жезла определялась тогда иерархия, что духовно описано, как большой змей – посох Моисея, поглотил три меньших змея. Что означает, что чиновники были просто по статусу ниже, чем статус был у Моисея. Моисей, поэтому их и победил, но описано это духовно – сказочно, как большой змей Моисея поглотил трёх меньших от чиновников. Моисей, разделял верховную власть, так как был

приёмным братом самому фараону, потому его змеевидный жезл был таким же большим как у фараона. Этот змеевидный посох Моисея разделил и стражников фараона, которые стали в реке биться друг против друга, обагрив реку кровью, за место того, чтобы схватить Моисея. Если бы тогда было единоначалие, а не разделение власти с Моисеем, то даже простого выступления в разрез указам фараона, не возможно было бы и представить. Для простых людей того периода, в том числе для иноземцев, коими были тогда в Египте евреи, представители власти фараона, были неприкасаемы. Даже войны фараона, носившие стилизованные под змеинные капюшоны головные уборы, уже психологически поработали человека, а иногда это доводится даже до фанатического поклонения, например к представителям культов верований или применяется особая форма унижений перед служителями культов, как и к стражам законности и так далее. Именно медный змей, которого сделал Моисей и заставлял своих соплеменников его прикасаться, излечивал от такого порабощения. Те евреи, которые преодолевали психическое порабощение, уже не только не подчинялись представителям фараона, но могли и сопротивляться. Кто так и не излечился от психологического порабощения, поражались этими «змеями» в пустыне, которые жалили в «пяту», как поражали выходящих из Египта евреев. (Жречеству даже выгодно выдумывать к различным их предметам культа некие чудотворения, мол, посредством якобы этого фетишизма, можно нечто получить.) Потому, чтобы раскрепостить человека, особенно фанатиков, надо унижить или даже уничтожить такие культы, даже символически показать, что нечего перед этим неодушевлённым предметом унижаться человеку. (Речь тут не идёт о святотатстве, а идёт именно о таких взаимоотношениях в реальности, так и в исторических фактах. Например, такое применялось большевиками, чтобы раскрепостить порабощённые веками жречеством массы народа. Так же в своё время, из храма выкинули и медного змея, поняв, что у адептов уже идёт фанатичный фетишизм). Моисей – это мудрый змей, в отношении к змею искусителю, т. е. Моисей всячески пытался раскрепостить народ не только национально, физически, психологически, но и от господствовавшего тогда над народом греха. Моисей буквально и раскрывает своими заповедями, что же это за запретные плоды, а это не яблоки, притом яблоки даже символически не могут относиться к плодам греха, а вот тернии, могут символически обозначать плоды греха! Даже Иисус привёл соотношение, кто с какого растения собирает плоды, а это к терниям – сорнякам и к винограду, но как уже к добротному фрукту. За несколько лет моих усилий обратить на это внимание и признать нелепой картину искушения с яблоком, что-то начало всё же сдвигаться в понимании, но вековая глупость и ложь всё ещё имеет огромное влияние на умы, когда люди думают, что плодами искушения было яблоко. Возможно придет и понимания моей картины «Древо Жизни», как всё устроено в мире и в этой картине и как описано в Библии Ветхого и Нового Заветов. Однако есть непонимание к моим некоторым текстам, в том числе и к стихам. Так некоторые думают, что они противоречат заповеди Моисея, мол, нигде нельзя сотворить себе божественного или некоего кумира. Это действительно так, но ещё раз напомню, что это относится к порочному бытию или к нечестивым людям, имеющим низменное мировоззрение, именно в аморальном их духовном естестве. Хотя, так сказать люди с классическим мировоззрением, вообще даже простых соотношений к реальности божественного или благого, так и к дьявольскому или порочному, пока не могут принять как данность. Однако люди очищенные от порочного и пороков, могут находиться в таком – особом расположении духа, когда могут созерцать, во всём благое, Бог во всём и всё в Боге! Именно когда у учеников Иисуса, но уже обратно в отношении мировоззрения порочных людей или этого же Адама и Евы, глаза открылись с другой стороны, тогда то и происходит особое видение благого во всем и все есть благо! Теперь можно перейти к толкованию картины «Единосушный», хотя иногда я эту карти-

ну называю «Тайная Вечеря», но это для того, чтобы заинтриговать созерцателя в обнаружении очертания такого видения в матрице картины. (картина на обложке под № 3)

В этой матрице картины можно созерцать разные времена года, но это следует соотносить по одеяниям, как и по ним же можно соотносить расы. В матрице картины можно созерцать великих людей и не известных, голову муравья и голову слона, ягнёнка и волка, женщины и мужчины, кошки и мыши, и не только чью-то голову, но даже на месте головы можно обнаружить ноги. Некую в матрице композицию можно в картине интерпретировать, что люди стоят около младенца в пелёнках, а можно интерпретировать, как стоящих перед покойным в пелёнках или за столом сидящих. Это можно созерцать как некое здание снаружи или как некое здание изнутри, множество в одном и в множестве нечто единое и так далее. Вот таким духовным текстом можно сопроводить эту матрицу картины: «Вот был я в одном расположении Духа. И виделся мне всякий Суший. И, Сотворил всякий суший - Единосушного Бога. Единосушный Бог, наделил каждое своё сущее, присущей ему чертой. Дабы каждое сущее имело черту своего отличия и однородную черту со всем Единосушным. Вот послал Единосушный Бог свое сущее, в неведомое божье. Все не знающие справедливости и не делающие справедливости, обретаются в бездне пороков и соблазнов, но считают только это реальностью. Божье сущее, придя к не ведающим честности, доброй совести и Высокого Света разума, объявило. Мол, всякий стирающий плохие черты в себе и восстанавливающий добрые черты в себе и в мире, тот более расположен к Богу. Однако надо помнить, что одной плохой чертой можно перечеркнуть всё хорошее, тогда-то скроется всё истинное. И никто, и никогда, из порочных людей, не увидит божественного. Всякий, кто стирает хорошие черты и восстанавливает в себе и в мире плохое, тот подводит себя к последней и необратимой черте вечного зла. Однако можно одной доброй чертой перечеркнуть все плохие черты. Эти черты, должны быть настолько явны, что потускнеют иные в отношении к этим чертам.

Всё, что начертано в этом тексте, является неизгладимыми и мудрыми предначертаниями. Всё будет меняться, но это Истинное предначертание вечно...»

Так же я могу сопроводить эту картину таким стихом:

**Я знаю – Бог наш господин,
И сотворит, всяк суший.
Не хлеб он живет одним,
В искусном слове сущем.
Он в песнях, музыке, воде,
В земле и человеке.
В метафорическом зерне,
Что прорастет всяк веке.
Ты дышишь богом, моя вера,
И дух сей дышит, Им живем!
Пускай казенная химера,
Покинет ваш уютный дом.
Живи, свободу постигая,
Чтобы обрести Любовь и Мир.
А полноты всей достигая,
Тобою будет жить весь мир!**

Картина, под номером два (Омовение), выполнена в виде двухцветной мозаики и в ней сокрыты образы из сказки «Синяя птица», хотя в любой такой моей картине, каждый может созерцать даже то, что я сам не смогу обнаружить. Это тоже особенность таких у меня работ, ибо дух дышит, где хочет.

С Уважением, Сергей ПАШКОВ

P.S. (Картины Сергея Пашкова были опубликованы в журналах США, в Австралии, Украине и в Российских городах: Омск, Петрозаводск, Краснодар, Москва)

Музыкальные страницы

ЛУЧШИЙ ИЗ ОТЦОВ

Выбор и риск Леопольда Моцарта

Что можно сказать об отце, который не пустил сына в школу, и потому малыш никогда не общался со сверстниками, не бегал с друзьями по улицам, не играл с ними в догонялки, прятки и камушки, не валял дурака, не возвращался с уроков, весь закиданный снежками, в милый тёплый дом? Что сказать об отце, который нещадно эксплуатировал труд своего ребёнка, заставляя его работать буквально на износ с самого нежного возраста, и опускал порой баснословные суммы, заработанные этим мальчиком, в свой карман? Кто он – угнетатель, монстр, садист, вымещающий на ребёнке свои собственные неудачи и застарелые комплексы? Тиран, деспот? Но у ребенка был весёлый и общительный характер, он нисколько не чувствовал себя обделённым и любил отца самозабвенно. «После Бога – только папа», говорил он, – именно за то, что тот обязал его работать, ибо ничего больше в жизни он не хотел так, как этого труда.

Нельзя сказать, чтобы родитель не занимался мальчиком, а только заставлял его содержать всю семью. Напротив, он буквально не сводил с него глаз. Он внимал, не дыша, каждому его движению, слову, шуткам или слезам. Не отдав его в школу, он сам взялся преподавать ему арифметику, чтение и письмо. До конца своих дней мальчик сохранил забавное пренебрежение к правилам орфографии и собственный взгляд на главенство тех или иных вещей в этой жизни; грамматические ошибки в своих многочисленных письмах он делал не так уж часто, но, уже будучи взрослым, писал бога, францию и даже имя девушки, на которой потом женился, со строчной буквы. Зато слова Честь и Музыка – с прописной.

Письма отцу он часто начинал так: «О лучший из отцов!» Географию Европы этот ребенок выучил не перелистыванием атласов, но созерцанием самых разных ландшафтов, трясясь по ухабистым или крупномощным дорогам на жестких рессорах почтовых карет. Ему приходилось питаться трактирной стряпней, жить в дешевых гостиницах, рано вставать, поздно ложиться, высиживать на множестве утомительных взрослых приемов, нисколько его не интересовавших, и работать, работать.

«Леопольд Моцарт выжимает из сына все соки», – неоднократно отозвался о нём Адольф Гассе. «Лучший из отцов» – Леопольд Моцарт – был к тридцати шести годам помощником капельмейстера при дворе зальцбургского архиепископа Штраттенбаха, учителем музыки, руководителем хора мальчиков, оркестровым скрипачом, придворным композитором и автором прославленного труда по методике игры на скрипке, – то есть человеком достаточно состоявшимся, когда у него родился седьмой и последний ребенок. Из шести, рожденных прежде, выжила только одна дочь, остальные умерли в возрасте от шести дней до полугода. И вот теперь – долгожданный сын. На его рождение Леопольд Моцарт сочинил мессу. Дошедшие до нас музыкальные произведения Леопольда Моцарта не слишком многочисленны, не слишком объёмны и не слишком занимательны. Но они исполнялись при его жизни и

приносили ему добрую славу и определённый доход. Наиболее интересна детская симфония со свистульками и трещотками, но все же неясно, написал ли её Леопольд Моцарт – автором этого сочинения большинство исследователей называет Гайдна. Оратории, мессы, сонаты, дивертисменты, несколько инструментальных концертов. Забавная пьеса «Катание на санях»: приятная, но довольно монотонная звукоизобразительная музыка с щёлканьем бича, колокольчиками, со скользкой дорогой и скоростью явно восемнадцатого века. Не «Зима» Вивальди и не «Зимние грёзы» Чайковского. Трудно всего по двум-трем сочинениям судить о композиторе, но как раз в этой пьесе словно проскальзывает то, что потом проявится в идеально отточенных музыкальных формах его сына: из добротной, но зыбкой музыкальной глины, подготовленной отцом, появится безупречное одухотворённое изваяние, созданное преемником и наследником.

Главным произведением композитора Леопольда Моцарта, его Magnum Opus – стал сын. Если правда, что браки заключаются на небесах, то это в полной мере относится к божественному соединению Леопольда Моцарта, сына переплётчика из Аугсбурга, с Анной Марией Вальбургой Пертль, дочерью префекта из Санкт-Гильгена. Этот брак был задуман и благословлён Всевышним в тихом и заурядном Зальцбурге, насчитывавшем к тому времени не более сорока тысяч жителей, и эта пара, встретившаяся в небольшом городе, была избрана из этих сорока тысяч ради того, чтобы в церковной книге появилась запись: Иоганнес Хризостомус Вольфгангус Теофилус Моцарт, родился 27 января 1756 года.

Легко читать теперь тексты официальных биографий, где выверены каждая цифра и каждая дата, где всё классифицировано по годам, соотносится с исторической обстановкой, где проводятся параллели, даются ссылки и цитаты, что позволяет читающему увидеть как общую картину, так и мелкие детали великой жизни. Многотомные труды, монографии, исторические изыскания сообщают о том, что уже безусловно произошло, и приводимые логика и мотивация действующ-

ших лиц в исторической или семейной постановке просты и понятны, о ком бы ни шла речь. Если о Моцарте – в чём же там теперь сомневаться? – можно с лёгкостью оперировать яркими словами «вундеркинд», «гений», «феномен», как чем-то неоспоримым. Жизнь состоявшаяся не вызывает чувства неуверенности. Родился, учился, сочинял, концертировал, ездил, выступал, прославился – что тут непонятного, что ещё помимо ясного и непреклонного свершения стоит за этими устойчивыми глаголами? Но представить себе всю эту жизнь, пока она шла, крайне сложно, и осознать её течение, час за часом, день за днём, попытавшись встать на место отца, то есть человека за неё ответственного, её во многом решившего, немислимо трудно.

Ведь всегда всем кажется, что просто было писать во времена Вальтера Скотта или Пушкина, и представляется, что их талант, ясный всем, легко и просто нашёл себе дорогу, обогнав, наверное, всего двух-трёх беспомощных конкурентов, а вот сейчас пробиться не в пример сложнее, ведь столько развелось мнимых писателей, сочинителей, творцов, и сколько ими рассыпано шелухи!

Но времена и творцы всегда одинаковы, и в восемнадцатом веке, как и в двадцатом первом, искусство было полно зёрен и плевел, из которых – случайно или нет – время и вкус эпохи потом отберут то, что не исчезнет вместе со смертью своего создателя.

Но как проникнуть в мысли человека, который пока что просто живёт и не помышляет о том, что его отношение к воспитанию и образованию собственного сына войдёт в историю? Как понять его позицию, стратегию, муки выбора (если они были) и принятие решений – ведь он не мог заглянуть в конец книги, чтобы узнать правильный ответ?

Как и когда Леопольд Моцарт стал замечать, обучая музыку десятки других людей, маленьких и взрослых, занимаясь с собственной необычайно талантливой старшей дочерью, что его младший ребенок приспособлен к музыке гораздо в большей степени, чем сотни встречавшихся ему за жизнь музыкантов? Тогда ли, когда младенец покачивал головой в такт звону колоколов или застывал на месте, услышав пение малиновки? Когда заползал под клавиесин и высиживал там все часы уроков, которые отец давал другим? Когда ритмично постукивал пальчиками по подоконнику, самозабвенно внимая шуму дождя? Когда замирал, упиваясь тиканьем часов? Когда по плеску воды и звяканью кухонных тарелок безошибочно определял, кто именно моет посуду, и рыдал, если с какофонным грохотом, с варварским неблагозвучием разбивалось блюдо?

Какой проницательностью и верой надо было обладать, чтобы, заметив в собственном, едва научившемся ходить карапузе признаки необычной увлечённости и заинтересованности музыкой, определить, что это – нечто большее, чем просто тяга ребенка к несложным песенкам и приятному щебетанию домашнего клавиесина?

Какое, наконец, вдохновенное чутьё надо было иметь, чтобы расслышать и узнать божий голос в мурлыкании подпевавшего скрипке мальчика? Как всерьёз надо было задуматься над любовью к музыке малыша, который в день, когда ему впервые сменили платице на панталоны, скрылся от гостей, ушёл в музыкальную комнату и, не видя клавиш из-за малого роста, на ощупь стал подбирать терции?

Леопольду было сложно не поддаться шутливому и скептическому мнению коллег и приятелей, также наблюдавших необыкновенные забавы трёхлетки, размазывавшего кляксы по нотной бумаге, барабанившего по ножке стола ритм только что отзвучавшего квартета и писавшего мелом ноты везде, где он ползал. Но Леопольд обладал очевидной решительностью: поучив его музыке года два с половиной (в объективном пересчёте – полжизни самого ребёнка), осмелился полностью изменить свою собственную жизнь: взял отпуск и пустился с двумя маленькими детьми не самого крепкого здоровья в длительное путешествие – в надежде внушить, передать, навязать

миру свою жаркую веру в необычайный талант мальчика. Чего в этом было больше: расчёта, что вундеркинд принесёт доход, уверенности, что сын непременно перерастёт его как композитор и потому нуждается в известности – или страсти открыть миру новый светоч?

Думается, что очень непросто далось Леопольду Моцарту это безумное, со всех сторон авантюрное решение: оставить службу, начать тратить сбережения, отказаться от стабильности устоявшейся жизни, домашнего стола, покоя, дохода, рискнуть собственной сложившейся карьерой, – а ведь ему было, что терять. Знаменитый дом-музей, где родился Моцарт, не очень богат экспонатами. После узенькой лестницы – первая табличка: «здесь была кухня семьи Моцарт». Далее – комнаты. Из подлинного – детский альт и скрипочка, письма, гравюры, книги, ноты... В запаянном стеклянном цилиндре прядь волос Вольфганга и несколько тусклых перламутровых пуговиц с его камзола. Остальное – подобранная соответственно эпохе обстановка, мебель, картины, в нижнем этаже – процветающий сувенирный магазин. Но это было здесь, в этом доме, и что чувствуешь, когда оглядываешься в небольших комнатах, – про то рассказать нельзя. Здесь стояла его колыбель.

Собственно, Наннерль, старшая сестра Вольфганга, была первым подарком четы Моцарт миру и тоже вундеркиндом, но её единственное и решающее невезение было в том, что она родилась девочкой. Максимум, на что она могла рассчитывать, это одобрительные похлопывания дамских вееров и наведённые на неё мужские лорнеты в салонах, да и то, пока не выросла из того возраста, когда музыкальная виртуозность считается забавной. Фройлейн должна музицировать, вышивать и писать томные акварели, но никому неинтересно, что она с детства играет сложнейшие по тем временам музыкальные произведения, обладая редкими способностями, и её игра – далеко не любительское владение инструментом.

Отец учил её с любовью и терпением, но решил изменить жизнь всей семьи только тогда, когда уверился, что его младший ребёнок ещё чудеснее старшей дочери.

Детям исполнилось одиннадцать и шесть, когда они впервые надолго покинули свой дом. Перечислять их совместные и несомненные путешествия бессмысленно; в одном из мюзеев Моцарта есть карта Европы с загорающимися после нажатия кнопки лампочками в тех городах, где Вольфганг побывал ребенком, выступая один или с сестрой. Мерцание этих светлячков сливается в поистине Млечный путь. Одни только названия заняли бы добрый лист бумаги. «Я список кораблей прочёл до середины»... Какой-то дотошный исследователь подсчитал, что, разъезжая семь непрерывных лет, Моцарт провёл в каретах около трёх лет чистого времени; там и рос, как царевич Гвидон в бочке. Не знаю, верен ли этот подсчёт. В любом случае это сложно себе представить, не прожив.

Дети болели. У них случались запоры, катары, головные боли, ревматизм, тошнота, – и всё это в разъездах. В некоторых городах их застигали эпидемии, они перенесли бесчисленные ангины, желудочные расстройства, воспаление легких, тиф, оспу, скарлатину. В один из визитов в Вену одиннадцатилетний Вольфганг из-за осложнения после оспы на девять дней был поражён слепотой. Однажды в Голландии пришлось задержаться непредвиденно долго: Наннерль была так плоха, что её соборовали... Но коммерческий проект отца не прерывался, пока возраст детей и его власть над ними позволяли поддерживать золотой поток.

Что было главнее для него, этого сложного человека, так рисковавшего жизнью и здоровьем своих горячо любимых детей – музыка или деньги? Он с горечью сознавал, что публика платит не за высокое искусство, которого она не в силах распознать, а за развлечение и фокусы, и именно потому, что их исполняет ребёнок. Судя по письмам к друзьям в Зальцбург, ему самому часто были тошны трюки, которые он заставлял сына проделывать на всех подмостках Европы; вся эта игра с завязанными глазами спиной к клавиатуре, закрытой полотном...

Ведь он-то, как никто, знал и понимал, какой невероятный, редчайший талант живёт в мальчике. Могли ли это оценить маркграфы и курфюрсты, вполуха слушавшие маленьких Моцартов, отдыхая после охоты перед игрой в трик-трак?

Музицировали и почитали себя профессорами в гармонии тогда практически все. Через какие толпы важных особ продирался негибамый и упорный Леопольд, чтобы добиться аудиенции на самом верху, у императоров и архиепископов, которые в итоге могли обнаружить иные модные предпочтения! Сколько обязательных фокусов надо было продемонстрировать детям, особенно Вольфгангу, чтобы из сотен и тысяч, его выслушавших, попался наконец один понимающий. И кто мог им оказаться, свой брат музыкант? Вряд ли профессионалы были в восторге, видя явление столь мощного конкурента, а не видеть этого они не могли. Разве что не принимали мальчишку в серьез.

Чего было ждать от остальных и на кого было рассчитывать, когда даже много лет спустя, выслушав такое совершенство, как «Дон Джованни», завзятый театрал император Иосиф Второй сказал автору: «Дорогой Моцарт, слишком много нот».

«Больше всего меня заботит будущее детей, — писал Леопольд Моцарт в одном из писем в Зальцбург коллеге Хагенауэру. — Поймите, друг мой, всевышний одарил их необычайным талантом; если я сложу с себя попечение о них, это будет означать, что я отступился и от него.

Потерянных мгновений не вернуть никогда, я и прежде понимал, сколь ценно время в юности, но теперь я в этом полностью убедился. Вам известно, что мои дети приучены трудиться. Они понимают: чтобы чего-то достигнуть, нужна железная воля». Он не упоминает только одного: чья это должна быть воля. Самих детей? Железной воли Леопольда было хоть отбавляй.

И любовь его, и власть над сыном были огромны. В чём часто заключается главный тезис родительского воспитания? В простых словах: «Будь таким, чтобы мне нравиться». Любя-

щим и строгим родителям сложно вовремя поставить точку в многолетнем действии этой фразы, как ещё сложнее согласиться с тем, что ребёнок может стать таким, чтобы устраивать не только их. Можно убедиться, что сын способен работать и содержать себя сам, можно принять и то, что молодой человек даже станет жить отдельно, если будет писать ежедневные отчёты о каждом своём движении, замысле симфонии или проведённом уроке. Но как научиться самому перестать по привычке вынашивать планы и по-прежнему делать ставку на работу хорошо отлаженного механизма? Как остановить процесс в себе и выпустить из рук рычаг управления? Как согласиться с тем, что талант собственного сына перестал быть подконтрольным и идёт не по схеме, задуманной главой семьи, инициатором, создателем? Вольфгангу было уже двадцать лет, когда он, гастролируя в Мангейме, взялся давать уроки пения юной Алоизии Вебер и влюбился настолько, что собрался везти её в Италию, дабы устроить там в оперу в качестве примадонны. Ради этого он решил отменить поездку в Париж. Его мать, сопровождавшая его в то время, успела сделать приписку к его посланию к отцу с сообщением новости. Леопольд был сокрушён известием. Первые же девичьи глазки и грудное legato опрокинули все его надежды. Он написал сыну пространственный ответ, где внешне хвалил его за его доброту и готовность помочь начинающей певице, но на деле доносил до него главные слова: «Разве можно, забыв обо всём на свете, решиться на столь безумный шаг после того, что претерпели ради тебя все мы, и особенно твоя сестра, принесшая в жертву свою карьеру!.. Теперь всё зависит от тебя одного: достигнешь ли ты величайших высот — или останешься соблазненным женщиной, заурядным капельмейстером, позабытым миром, и умрёшь на грязной соломенной подстилке в хижине, окружённый оборванными голодными детьми».

Вот так, и никак иначе. Какой размах у отцовского прогноза — и ни единого просвета в описываемом будущем. Это и называется манипуляцией, с раздачей ролей жертв и виновников, осознанно или нет. (Что-то подсказывает: осознанно, и весьма.) В этой поездке в Париж 1778 года, на которую согласился послушный сын, случилось непоправимое: после тяжелой и до конца не определённой болезни умерла сопровождавшая его мать, Анна-Мария. Леопольд Моцарт остался безутешным вдовцом и единственным владельцем сокровища.

В последующей переписке со всё более ожесточавшимся отцом, который был явно раздосадован утратой безусловных полномочий, Вольфганг часто заканчивает свои письма так: «Поскорей сообщите мне, что Вы мною довольны, ибо только этого мне и не достаёт теперь для моего полного счастья». Что отвечает отец, можно догадаться на примере других посланий. После конфликта Вольфганга с архиепископом в письме отцу прозвучали горькие слова: «Я не узнаю своего отца...

Вы не можете одобрить моё поведение, это возможно... но Вы считаете, что я ещё не выказал Вам моей любви? И должен теперь же доказать Вам её? Как Вы можете говорить такое?»

Поселившись в 1781 году в Вене в доме все той же семьи Вебер, сдававшей комнаты, и влюбившись на сей раз в младшую сестру Алоизии Констанцу, Вольфганг поначалу отшучивался в ответ на нравоучения и предостережения: «Я дурачусь и шучу с ней — ничего более... Если бы я должен был жениться на всех, с кем шутил, у меня было бы не менее двухсот жен», а потом всерьёз закликает: «Любимейший, дражайший отец, верьте и доверяйте Вашему сыну, который настроен самым лучшим образом ко всем честным людям. И почему бы ему не быть так же настроенному к его дорогому отцу и сестре? Поверьте ему и доверяйте ему более, чем некоторым людям, которые не знают ничего лучше, как клеветать на честных людей... Тысячу раз целую Ваши руки и остаюсь вечно ваш послушнейший сын».

Всем известно, что в шахматы играют не сами фигурки, хотя они и передвигаются по доске. После того, как в действие включилась другая любящая родительница, мадам Вебер, беспрекословному подчинению Моцарта отцу пришёл конец. Фрау Вебер потребовала, чтобы Моцарт женился на Констанце, и даже взяла с него письменное обязательство в случае его отказа выплачивать ежегодные пожизненные отступные (правда, есть сведения, что возмущённая Констанца бумагу у маменьки отняла и порвала). Свыше полугода Леопольд не давал согласия на брак, как ни умолял его сын. В августе 1772 года Вольфганг обвенчался с Констанцей в соборе Святого Стефана в Вене.

«Лучший из отцов» на свадьбу не явился. Новобрачные несколько раз откладывали поездку в Зальцбург. Они ждали первенца. Вольфганг упрашивал отца стать крёстным и сообщал о намерении назвать ребёнка в его честь, но Леопольд в своих письмах опускал эту тему, словно она не существовала, и ни разу не ответил хотя бы намёком на согласие. Такая же холодность ожидала молодую пару и во время состоявшегося, наконец, визита в Зальцбург.

Констанце пришлось выслушать от тестя много воспоминаний-упрёков о бывшей дисциплине и труде, от которых Вольфганг теперь, похоже, совсем отвык, ей были предъявлены бережно хранимые табакерки и медальоны от князей и императоров, подаренные её мужу в детстве, но ни одной вещи не было предложено взять на память.

Отец и сын увиделись ещё один раз: стареющий Леопольд навестил Вольфганга в Вене, где откровенно произвёл полную и придирчивую инспекцию его заработков, трат, квартирных расходов и партитур. Обо всех его долгах и упущениях он отчитался в письмах к дочери, правда, похвалив фортепианные концерты сына. Он посетил несколько публичных выступлений с исполнением его музыки и с наслаждением выслушал почтительные слова Гайдна после одного из концертов: «Кто знает, появился бы на свете такой композитор, как Вольфганг, не будь у него такого отца, как Леопольд».

После этого до самой смерти, последовавшей в 1787 году, Леопольд не видел сына, который, считал он, так и не оправдал полностью его надежд. За любыми немногословными похвалами в его письмах следовали оценки: твои арии прекрасны, но очень трудны, пьесы приятны, но легковесны — и так без конца. Строгие родители не склонны хвалить своих детей, и эта программа воспитания пожизненна.

В доме-музее Моцартов на правом берегу (так называется второй музей Моцарта в Зальцбурге), где семья жила с 1773 года, есть любопытный экспонат: собрание всех сочинений Вольфганга Амадея. Тёмно-красные тома уложены друг на друга плашмя и сопровождаются шкалой в высоту: полметра, метр, полтора, подобно тому, как отмечают карандашом рост детей на дверной притолоке. Два с лишним метра музыки в высоту, раза в полтора выше, чем рост любого человека.

Могила Леопольда Моцарта находится на кладбище Святого Себастьяна. В соборе, где состоялось его венчание с Анной Марией Пертль, стоит купель, в которой крестили их божественного сына. Сочетание генов этой пары было таково, что два попадания из семи были безошибочны, двое выживших детей были гениальны. Подумать только, чего, может быть, лишился мир в лице пятерых умерших младенцев.

Там же в соборе надпись, высеченная над алтарем. NOTAS MIHI FECISTI VIAS VITA. Это конец пятнадцатого псалма Давида: «Ты укажешь мне путь жизни». Эти слова мог бы произнести не только Моцарт, благодаря Творца за вдохновение. Их мог бы сказать и Бог Моцарту, и лучший из отцов — богу-сыну.

Майя ШВАРЦМАН

Музыкальный фестиваль в Лаоне

Вот уже почти четверть века в первые осенние месяцы французский город Лаон становится местом проведения музыкальных фестивалей. В этом году концерты давали оркестр «Les Siècles», Оркестр Пикардии, Филармонический оркестр Радио Франции и Симфонический оркестр Фландрии. Участвовали солисты Теди Папаврами (скрипка), Франсуа-Фредерик Гай (фортепиано), Нинь Кам (скрипка), Эммануэль Строссер (фортепиано).

На вокальных вечерах пели Ракель Андусза, Лучана Манчини и Винченцо Капезутто с ансамблем старинной музыки «L'Arpedjiata» и ансамбль «Aedes» под руководством дирижера Мютью Романо, чей коллектив удивил слушателей отказом от смешанной программы и представил вокальные произведения только двадцатого и двадцать первого века, от Мартину и Бриттена до свежайших работ Уильямса, Мюррэя-Шафера и Лоусона. В программе этот концерт был охарактеризован, как космополитический, поскольку авторы представляли собою весь мир, от Канады до Швейцарии, от Финляндии до Франции.

И концертный зал Лаона, и кафедральный собор несказанной красоты были набиты битком, был ли то детский утренник по произведениям Россини (оркестр Фландрии, дирижёр Мишель Тилкен) или дуэт музыкантов Ваны Гериг и Тито Кастро (фортепиано и банданеон).

Публика, в которой можно было узнать множество постоянных лиц, последние годы посещающих фестиваль в Лаоне, радовалась и сверхпопулярным произведениям («Болеро» Равеля, сюита из «Кармен»), и новым опусам.

Виртуозно и свежо, очень молодо и филигранно прозвучал концерт Сен-Санса для скрипки в исполнении Нинь Кам (Ning Kam) в сопровождении оркестра Фландрии под управлением Йонаса Альбера. На бис молодая скрипачка исполнила сольное произведение собственного сочинения — аранжировку американской песенки, переходящую от примитивных попевок к усложнению фактуры и виртуозному финалу, включающему в себя имитацию самых различных инструментов: голоса, ударных (исполняется притопыванием каблука), банджо. Бис звучит остроумно и на удивление органично. Личное обаяние улыбающейся солистки играет не последнюю роль.

Хотелось бы угадать, какие радости принесет нам следующий, юбилейный, 25-й фестиваль в живописном средневековом Лаоне?

Майя ШВАРЦМАН

ЛИЛЬ- ГЕНТ- КАРМЕН

За последние два сезона мне довелось побывать на двух разных оперных спектаклях «Кармен» Бизе. Первый был в 2010 во французском Лилле, второй – в 2012, во Фландрской опере Гента и Антверпена.

Оба они отличались от обычного прочтения «Кармен» современной режиссурой, поэтому стоит сперва определиться в том, что именно я считаю обычным решением спектакля. Это примерно то, что возникает в представлении каждого при слове «Кармен»: лицо с мыльной обертки – страстные подведенные глаза, серьги кольцами, веер, алая роза и черные кружева. Ученённая оперная Испания. («Кармен свободна, свободной и умрёт!» Кто бы вдумался, что за нелепость содержится в этой фразе. И как неловко петь её всерьёз...) Короче говоря, обычность – это классическая постановка в стилистике пятидесятих годов двадцатого века: реализм в декоре и статичность в толковании действующих лиц режиссурой.

Рутинные сценические клише, затверженные позы, жесты и мизансцены, – всем этим были полны долгие десятилетия многие оперные подиумы, пока на смену не пришла страшная революция: «современное прочтение». Сперва это приветствовалось с невероятным энтузиазмом, для новых веяний подыскивались яркие слова: эксперимент, переворот, новаторство. Пресса не скупилась на восторги. Декорации в опере пропали навеки, вместо них остались серые и чёрные тряпки, железные конструкции, деревянные бруски, мусор. Работа осветителей полетела в тартарары, всё стало происходить во мраке и темноте. Художники по костюмам выбросили засохшие за ненадобностью краски и требуемые временем и действием костюмы: персонажи стали одеваться либо в не отличимые от публики костюмы, либо вовсе петь голые, ибо – зачем декор и тряпки, когда действующее лицо должно обнажать душу своим пением? ну, уж и тело заодно... – примерно такое единодушие звучало в хоре оперных режиссёров. Дальше – больше. В старых, неискушённых кинематографическими трюками оперных сюжетах «режопера», как тут же окрестили её не дрогнувшие перед разгулом режиссёрского террора музыканты, стала с завидным упорством обнаруживать новые пикантности и непристойности, которыми незамедлительно делилась с ошеломлённой публикой. Золотой фонд оперы с восемнадцатого по двадцатый век, сокровища оперного расцвета были изнасилованы публично: в спектаклях Моцарта, Вагнера, Римского-Корсакова, Массне, Глюка, Пуччини, Верди и прочих, и прочих, стали запросто толпами выходить на сцену эсэсовцы, советские солдаты, наркоманы, террористы, гомосексуалисты, проститутки, неформалы, панки и клоуны всех мастей. Оказалось, от Генделя до Прокофьева всё писалось исключительно о них, просто никто раньше не мог этого разглядеть, наивно продолжая думать, вроде меня, что опера – это не вопрос сюжета, а красота партитуры...

Трудно точно сказать, сколько десятилетий длится уже это засилье «режопера» и трудно предсказать, когда этот выброс, загрязняющий музыкальную атмосферу, закончится и уляжется, когда развоятся и распадутся последствия, когда можно будет найти что-то разумное для спасения, реабилитации и возрождения оперного спектакля, что-то среднеприемлемое между рутинной и экстремизмом, пока что побеждающим практически на всех оперных подмостках.

Чтобы не слишком уходить в сторону от «Кармен», позволю себе просто рассказать о нескольких особенностях двух спектаклей и сравнить режиссуру этих постановок, одна из

фото: Кармен Лилль

которых, лилльская, при всём осовременивании действия и характеров, оказалась удачной, а фландрская – чудовищной и циничной.

Французский спектакль оставил прекрасное впечатление. Линия действия была прочерчена режиссером убедительно и не истерично, спектакль был полон общего энтузиазма и задора, когда не только главные, но и второстепенные персонажи были снабжены яркими характерами, хор не бежал в одну сторону толпой, воздевая руки, а мелкие детали, вроде артистической пары в роли эпизодических контрабандистов (Ремендадо и Данкайро), вообще были как подарок.

Кармен была изображена отвязной молодой девкой (блистательная работа певицы Stephanie d'Oustrac), совершенно невозможно, запредельно, физически и человечески пластичной и обаятельной. Актриса вся лилась, такая певучая, пластичная, мармеладная, ленивая, певица сыграла роль с оттяжкой, двигалась и пела вся на потягиваниях, изгибах, сильная своей мнимой пассивностью, – вроде стервы Грушеньки у Достоевского. Притягивала она всех и вся, никакой развратности в ней не было; осталось чувство, что она шутила, – а Хозе (Gordon Gietz) принял всё всерьёз, и что замкнуло его именно на этой наивности. (Как объяснить это? Можно представить это так: она взяла цветок и показала фокус, а он решил, что она волшебница.) Это было непонимание, родившее катастрофу.

И эта Кармен была всегда в чудесном расположении духа, даже в сцене гадания, где карты пророчат ей скорую смерть, это не омрачило её надолго, – момент прошёл, и она снова была беспечна. Это была интересная трактовка, и именно в таком удачном попадании на физические данные певицы.

Тореадор (Jean-Luc Ballestra) был неожиданно лиричен и не очень брутален, а только старался таким казаться, словно изображал выходца из низов, глупого «качка», который ничему другому не научился, кроме как быков дразнить и тем зарабатывать. Тип вполне одноклеточный, но в жизни не злой, а неприкаянный и словно усталый. Первый парень на деревне, где главное слово – деревня.

Образ Микаэлы (яркая работа Ольги Пасичник), неудачливой соперницы Кармен, был решён тоже интересно: эта Микаэла всё делает от отчаяния, она с самого начала знает, что Хозе не её, но она считает, что сможет его завоевать, если постарается. «Я его выбрала – и добуду!» Дёрганая, настороженная, задиристая, жалкая, как воробей, чуть что – она выставляла ножик; так в первом действии и от приставаний солдат сбегала, так и в горы к бандитам являлась.

Ремендадо и Данкайро (Raphael Bréman, Loic Félix) были просто выше всяких похвал. Никаких сказочных разбойников в красной бандане или дырявой тельняшке. Один – бритоголовый юркий негр в стилистике чикагского кризиса: развинченный, развязный, пританцовывающий, пластичный до льющести,двигающийся как ручей, если так бывает, шпана в штиблетах, рот до ушей, «Трёхгрошовая опера» Брехта. Другой – вроде Джека Воробья из «Карибских Пиратов», молодой странный парень на плохой дорожке. Голова в дредах, всегда под кайфом, в полуспущенных штанах, добродушный, в своем мире экстази, всегда отстающий от ситуации, дотанцовывающий что-то своё, пребывающий во власти каких-то галлюцинаций, беседующий с кем-то невидимым. И ожесточенно просыпающийся в реальности: «Стойте! тут кто-то прячется, видно, от нас», – когда он обнаруживает Микаэлу.

Кстати, пара интересных моментов. Цветок Кармен не срывает и не бросает. Она делает вид, что показывает фокус уличным мальчишкам (одного угощает яблоком, другому улыбается, и они начинают притягиваться к ней, как завороченные, уже немножко подпорченные, «керубинистые», – именно так это играет и поёт раскрепощенный и очень непосредственный детский хор, самозабвенно шатающийся по сцене; дети всё делают по-настоящему, поэтому всё на сцене просто цветёт); цветок падает сверху и остается торчать на сцене – Хозе сам его подбирает. Для Кармен потом этот цветок, как какой-то там залог любви, засохший в носовом платке – неожиданность. Она сама не помнит, что вообще ему что-то дарила (сцена у Лилас-Пастья).

Ножик свой Микаэла теряет в горах, его подбирает Хозе. И узнаёт. Уж он-то знает, кто в его деревне ходил с этим маленьким глупым понтовым ножиком, и даже видит Микаэлу раньше всех, но – замирает, не обнаруживает ни себя, ни её перед остальными, и старается сделать так, чтобы и она его не заметила – ему вовсе не хочется быть найденным, знать новости о маме и родной деревне.

Я уже ждала, что Кармен будет новаторски резана Микаэлиным ножиком, раз он прочно осел в кармане Хозе. Но и тут режиссёр (Jean-Francois Sivadier) вывернулся: в последней сцене Хозе всё зажимал ей рот, чтоб не слышать её отказов и криков о том, что она его разлюбила, да так и прижал к забору, и додушил.

Костюмы были небогатые, совершенно на уровне доходов всех этих девок-табачниц и их ухажёров, без золотища и кружев; веера – копейные, с треском, розы – бумажные, то есть именно такой ширпотреб «красоты», который мог быть им доступен по средствам и по убогому разумению. Никаких семинарусных юбок со стеклярусом – ну откуда они у Кармен, чулок без дыр и не выдавшей? Никаких завлекательных локонов крючком на лбу, никаких оперных вывернутых поз. И к последнему действию она принарядилась по своему пониманию. На голову – обруч с белыми цветами, на себя – выцветшую салатную блузочку, на блеклую зеленую юбку – черную кружевную сверху. И серьги самоварного золота! и пластмассовый веер! – вот красота!!! И смотришь – и веришь.

Декорациями стали мобильные деревянные настилы, простые столы и стулья и желтый, как песок арены, занавес, который затягивали или убрали по мере надобности.

Огорчил оркестр, вернее, дирижер (Jean-Claude Casadesus). Всё было сыграно довольно чисто, хотя и деревянные духовые были временами не точны, и тромбоны да-

вали долгие длительности коротковато. Главная претензия – темпы. Всё это было медленно, так, что хоть ложись и умирай. Где же яркие всплески после ярких сцен? А ведь там такая – каждая первая!!! Но в оркестре всё осталось матовым, тихим и послушным. Вроде хорошиста в школе. Это замечание целиком относится к дирижёру, хотя ансамблевая работа с певцами была выполнена отлично. Словом – главную нагрузку взяли на себя певцы и справились блистательно.

А вот как рассказать о спектакле, состоявшемся в Бельгии?

...Недавно подумала: чем отличались старые фотографии оперных певцов от нынешних? Тем, что можно было сразу понять, о какой опере или роли идёт речь. Было невозможно спутать Зигфрида с Грязным, а Чيو-Чю-Сан с Татьяной. Сгласна, Зибель в вечном беретике на одно ухо, Микаэла с белокурыми косами и Юродивый в веригах – не самое оригинальное решение художественного оформления спектакля. И в то же время это был определённый ориентир на эпоху, стиль, время. Пересмотрев фотографии любой певицы за два-три сезона, вы могли после первого снимка определить, меццо она или сопрано, а перебрав все, безошибочно знать её репертуар.

Теперь же, взглянув на афишу или увидев фото с премьеры из оперного театра, ни за что не понять без подписи, о чём идёт речь. Полчища размалёванных лиц, с пирсингом, татуировками, в сером, чёрном и мятом, полуодетые или совершенно голые, с пулемётами, шприцами, плётками... то в мундирах со свастикой, то в рваных футболках с микки-маусом, замершие в непристойных позах, двусмысленных положениях – все они совершенно неопознаваемы.

Вот так приходится начинать рассказ о «Кармен», поставленной в опере Фландрии, на которую я пошла, надеясь на чудо. Его не произошло.

Всё-таки поразительно: в наши дни, когда судятся все со всеми – за косой взгляд, за одну букву, за бездумное высказывание в каком-нибудь бездумном же Твиттере – бедные композиторы совершенно не могут постоять за себя. За каждую пошлую песню с бессмертным текстом «ты далеко, я страдаю» их творцы рвут друг другу глотки, сдирая прогонные, качая авторские права. Авторских же прав композиторов, чья партитура начинается со слов «действие происходит в такое-то время в таком-то месте», не существует, они безбожно копируются. Всё происходит там, где пришло в голову режиссёру, и с теми действующими лицами, что привиделись ему в беспорядочном творческом процессе.

Певцы же подписывают контракт – и попадают в рабство.

Режиссёру (Daniel Kramer), перенесшему в Антверпен и Гент свою постановку из оперы Лидса, категорически не по нутру Севилья, указанная в опере (да и в новелле Мериме вообще-то). Не по нутру ему и девятнадцатый век. Он произносит волшебные слова художника: «А я так вижу!» – и всё переносится в американскую провинцию тридцатых годов двадцатого века. Табачная фабрика находится впритык к дому престарелых и к караулке каких-то неопознаваемых стражей порядка. Неадекватные пенсионеры всё время находятся на прогулке и проявляют утомительную активность, мельтеша по сцене и демонстрируя изо всех сил, как разнообразно они выжили из ума. Это даёт возможность медсестре без речей (разве вы не знали, что в опере Бизе есть медсестра?) умирять их время от времени приёмами боевых единоборств. Тореадор – это местный наркоман и бродяга, не имеющий никакого отношения к корриде, он просто нелегально устраивает драки бойцовых собак на потеху публике, за что платит мзду Цуниге и прочим. Так режиссёр смело вводит актуальную тему коррупции, пользуясь для этого творением Бизе. Попробуйте-ка сказать теперь, что Бизе – композитор позапрошлого века. Собака – добродушная, толстая, как чемодан – почти постоянно присутствует на сцене для пресловутой достоверности.

(То есть наконец обнаружилось, что невозможно верить в концепцию оперы Бизе без живой собаки. Как мы слушали её до сих пор?! Но раз есть и собака – ну всё, опера убедительна до невероятия.) Также на сцене установлен таз с водой, в который то головой, то всем телом засовывают несчастную исполнительницу титульной роли, так что ей приходится петь сложнейшую и прекраснейшую партию в постоянно мокрой до нитки одежде, всей в потоках холодной воды, льющейся с волос.

Пробежимся кратко по характерам, предложенным новейшим прочтением режиссёра. Микаэла – крашенная шлюшка, такая деревенская барби, которая и к контрабандистам-то пробирается не только найти Хозе, но и в основном пошарить по раскиданным узлам контрабандистов, чтобы прибараклиться. Впрочем, тем же занимается там и обколотый до одури Эскамильо, копаясь в тех же кучах и выбирая себе женский корсажик и штук пять бюстгалтеров.

Хозе – вместо невероятно трагической роли чистого, мучающегося, кругом несчастного, попавшего в капкан страсти и катастрофических ошибок однолюба нам представляют просто какого-то увальня в одежде бойскаута, который находится в состоянии вечной полудрёмы, такой туповатый «реднек».

С Эскамильо всё ясно, левый мутный тип в спортивных штанах с лампасами, вечно, то ли в подпитии, то ли в одури, похотывающий, грязный, пошлый.

Цунига – зверский садист по призванию, местная Салтычиха.

Ансамбль контрабандистов, Ремендадо, Данкайро, Мерседес и Фраскита – разумеется, сутенёры, наркоманы и проститутки. Гадают эти девушки, между прочим, не на картах, а на раскладывании каких-то, не то комиксов, не то порножурналов. Их потом продают публике перед началом боя собак.

И наконец – Кармен. Беспризорная шалава, которую все стараются пнуть (особенно усердствует Цунига), унижить, раздеть, спойть, накачать наркотой. Вообще невозможно сосчитать, сколько в этом спектакле было ударов в пах, заламывания рук, выворачивания шеи, тычков, ударов, оплеух, сколько бесконечных оголений, соитий, разврата, залезания под юбки и в штаны, сколько агрессии лилось со сцены. Плюс бонус в виде постоянно востребованного таза с водой.

Спектакль, как ни лезли из кожи исполнители, был вульгарен до безобразия и абсолютно самодеятелен. Время от времени в провалах между музыкальными номерами, после диалогов (опера идёт в первоначальной редакции, а не позднейшей версии Гиро) все натужно громогласно смеялись, будто детские мультфильмы озвучивали, махали руками, что-то рывкали, визжали, подделываясь под якобы обычную жизнь. И выглядело это всё страшно и ненатурально; изношенно, как сэконд-хенд...

Я бы просто судила за такое глумление над оперой. Тореадор во время исполнения куплетов обливался кетчупом из бутылки (эта штука будет посильнее клюквенной крови из стихов Блока) и обливал скачущих рядом девок. В таверне Лилиас-Пастья помимо собаки присутствовало чучело обязыны, с которой со всякими «у-тю-тю» и «у-ха-ха» для оживляжа, перекрывая музыку, возился кто-то из хора. В Сегедилье Кармен был эпизод, когда ей пришлось, по воле режиссёра, бегать в цилиндре дяди Сэма и кричать «пицца-пицца!», угощая Хозе. Цунигу линчевали, наряжали в перья и мантии и вздёргивали на дубе на какой-то цепи золотой. К последнему действию он был снова жив-здоров. На интродукции к четвёртому акту Микаэла бежит пьяная, голая, опять таки ненатурально хохоча и рассыпая какие-то таблетки. Беднягу Кармен раздевает до белья толпа, образующая круг, символизирующий арену, а то бы мы никак не догадались о жестокости этого мира, не подскажи нам так наглядно режиссёр, и так и приходится ей умирать и агонизировать, – кстати, от пули.

Но самым чудовищным в этом трюкачестве было то, что тореадор вместо дуэли на ножах в сцене «В горах» попросту привязывал Хозе к дереву, сдёргивал с него брюки, снимал свои штаны и.... мочился на него со всех четырёх сторон света.

Как тут было не задохнуться от возмущения?

К чести солистов надо сказать, что они показали просто первоклассную работу. Анна Горячева в роли Кармен продемонстрировала прекрасную школу, широкое дыхание (даже шире, чем требовалось, благодаря дирижёру, но об этом позже). Она могла бы стать восхитительной Кармен, но ей не дал этого сделать режиссёр.

Яркий и сочный тенор – одна только фраза «Навек я твой, моя Кармен» в арии с цветком чего стоила – показал Хозе (Eric Fenton). Прекрасно и очень харизматично пел Тореадор (Roberto Tagliavini). Душу радовал лирический голос Микаэлы (Hanne Roos). Никто не проваливался и не забивал друг друга в ансамблях, все работали на износ, и все певцы были молоды и очень талантливы, что радовало и обнадеживало необычайно.

Но огромная ложка дёгтя, больше самой бочки, изувечила оперу.

Особой тирады заслуживает дирижёр.

Ставил оперу собственно Д. Юровский. Но несколько последних спектаклей он передал – по причинам, которые мне неизвестны, вероятно, дирижировал где-то, где в это время было подороже, – хормейстеру театра (Yannis Rouspourikas), совершенно беспомощному в оркестровой яме. И опера, которая шла уже месяц и была многократно отрепетирована и сыграна на публике, разваливалась на глазах. Не было ни грамма, ни йоты той упругой музыкальной ткани, того блеска и красоты, которые так характерны для великого творения Бизе, благодаря чему её все собаки знают, включая особенно ту, что выучила её, присутствуя на сцене. (Прошу прощения за собак. Но просто сил нет.) Дирижёр сажал все темпы как только возможно; вместо того, чтобы давать хотя бы жёсткую «сетку» певцам в сложных, да и простых ансамблях, он стоял с поднятыми к концу каждого такта руками, словно дожидаясь, что они сами схватят нужный темп, дадут ему «раз», притопнут, и всё пойдёт весело и просто. Но темпы садились и садились, и даже ложились, и вокальные ансамбли – заодно с тусклой оркестровой игрой – разваливались один за другим на куски, на реплики, на выскочившие ноты, заблудившиеся пассажи и затерявшиеся доигрывания. Хабанера тянулась как былина, дуэт с Микаэлой звучал, как похоронная песня, куплеты тореадора – как разучивание на репетиции... Ни одного взлёта, ни одного трамплина, с которого опера могла бы взмыть на подбаивающую ей высоту, ни одного динамического порыва.

Отчего это все плохие дирижёры, не раз задавалась я вопросом, так всегда сажают темпы? – а это чтобы подольше постоять за пультом, дитя моё... Этим они просто упиваются, и машут ещё и ещё медленнее, пока не закапывают музыку куда-то в землю. Несмотря на то, что в опере отсутствовал хор мальчиков в первом акте, квартет контрабандистов о женщинах во втором, хор «Смелее, смелее» в третьем, спектакль закончился на двадцать минут позже, чем если бы звучала полная версия без купюр.

Что было делать и как можно было это пережить? Я лично не могла. И не могло ещё – совершенно очевидно – два человека.

Одной из них была Анна Горячева, которая буквально крепилась, играя свою роль. Последний акт она провела в полном отчаянии, хотя пела безупречно, и на поклоны она вышла с таким каменным, мрачным, сокрушённым лицом, настолько очевидно держась изо всех сил, чтобы не сорваться, что было страшно смотреть. (Зато просто светился и именинником ходил дирижёр.) Хотелось кричать ей слова утешения и благодарности за великое мужество и большую артистическую силу. Если ей доведётся прочесть эти строки – пусть она знает об этом.

Вторым человеком был мой сын, студент. Режиссёры оперы любят на всех углах кричать о том, что плюшевую пыльную оперу надо реанимировать, что её надо осовременивать – для привлечения в театр молодёжи.

Мой сын слушал «Кармен» с двух лет (я не ошибаюсь и не хвастаюсь, это было так) ежедневно, настолько любил. После спектакля он сказал мне: «Извини, больше в оперу я не пойду».

Низкий вам поклон, деятели «режоперы».

Майя ШВАРЦМАН

Майя Шварцман

Родилась в Екатеринбургe, закончила консерваторию, работала в оркестре театра оперы и балета, ныне скрипач Симфонического оркестра Фландрии. Печататься начала в 1984-м году. Из России уехала в 1990-м. Живу в волшебном городе Генте (Бельгия) с волшебными же детьми.

* * *

Тянет время, хитрит. «Не уходи, расскажи, как было раньше? Что вы учили в школе?» —

«Да ничего особенного. Падежи, всякие дважды два, до-ре-ми-фа-соли, всё, как у вас. Я сидела в третьем ряду, возле окна за партой — это скамейка вместе с наклонным столом.

А теперь я пойду.

Спать пора, закрывай глаза, побыстрее-ка.» —

«Не уходи, посиди, расскажи ещё, что было дальше.» —

«Был деревянный пенал, выдвигалась крышка, довольно туго. В школе был счёт, чтение, рисование... За всякую шалость — запись в дневник: на уроке мешала всем, пела, грызла резинку... хотя постой-ка, нет, перочистку, такой цветок из войлока!..» —

«А зачем?» —

«Долго рассказывать. Дома головомойка от бабушки, то есть от мамы... Ещё был такой урок: природоведение. Куда улетаю птицы.

Смотришь в окно, пока не грянет звонок: серый снег, гаражи... и не за что уцепиться взгляду, — какие там тёплые страны, и где они...

После уроков бредёшь домой. У киоска встанешь столбом и глазеешь: ручки, ремни, марки, открытки, газеты, значки, расчёски...

И разрезная абзука. В ней на А раньше был «аист», я их тогда не видала сроду, это сейчас лишь выглянуть из окна, а потом уже был «арбуз»... и вечно их не хватало: ...только в одни руки! На Э было «эскимо»,

а потом «экскаватор»... И по какой-то причине всё это вышло так странно, будто само собой: р-раз — и вот уже нет ничего в помине.» —

«Нет, расскажи по правде.» — «Я шла домой. Валенки в угол. Что-то грела на плитке.

Свет везде зажигала, у нас зимой рано темнело. Тетрадки, уроки, скрипка.

Брат возвращался, он приносил дрова, воду в ведре, проверял выдвижную выюшку.

Я садилась читать, запасаясь сперва чёрной, большой, подсолённой горбушкой.

Или малиной в коробочках, из аптеки.

Мама держала на случай простуды, но мне было нужнее с книжкой... Древние греки,

битвы, герои, кто-то там на слоне,

Тир, финикийцы, римляне, Сиракузы...

Снег за окном, а у меня Карфаген...» —

«Мама, ну так нечестно, то про арбузы, то кукуруза какая-то...» —

«... и ни стен, ни половиц не оста...

Давай закрывай глаза,

завтра рано вставать, а в обед к зубному.» —

«А Карфаген?» —

«А Карфаген... был разрушен, если сказать всё то же самое по-другому.»

* * *

Переводные картинки давнишних лет.

Не угадаешь, что там, из-за бельма плёнки. Муть, поволока, невнятный штрих

контура, тусклые пятна. Смотришь на свет.

(Мама, можно мне блюдце? — Возьми сама.)

Топишь лоскутик. Теперь уже нет таких.

Вот пузырится, всплывает. И вниз лицом на белизну страницы ложится, но стой, не спеши, испортишь. Теперь рукой, медленно. Нет, не идёт. И тогда в слепом влажном исподе протираешь окно, катышками снимая бумажный слой.

Вот оно, вот. И ты переводишь дух.

Там расцветает в красках, светясь, блестя, чудо: картинка, откинувшая вуаль,

бабочка счастья, сбросившая кожу х кокона... Только десять минут спустя

меркнет, тускнеет, гаснет. Как страшно жаль.

...Выцветая, раскрошившись, в какой дали бедствует это ныне, в какую сушь через трещины в блюде и сеть морщин время ушло с вещами — и надо ли опись хранить? Рассеяннo вездесущ, всё поглощает воздух одним большим

зевом. Спешу, выхватывай, догоняй, стихотвореньями на облака ложись, за миновавшим вздохом лети вослед — нежным прикосновением, невзначай с тыла тебя, как бумагу, стирает жизнь. Остаются слова — теперь таких уже нет.

Г.Ш.

Рубенс, сказал ты, возник из фламандского неба... Здесь над землёй и поныне клубятся, летят грации, нимфы, богини, вирсавии, гебы. Только взгляни в небеса — и увидишь стократ:

вон каледонские всадники ввысь поскакали, с фавнами девы сплелись в золотые клубки. Реют фигуры, в небесной паря пассакалье, вьются и движутся с ветром наперегонки.

Этих венер полнота, эти складки и пена тучного теста, обильный белок и мука сдобы телесной, податливых форм перемены, пышность, округлость, — что это, как не облака?

В лени безветрия медлят, не зная, застыть ли или растаять, внезапно решаясь взамен — жить! И вздымаются в небе объятья, соитья, рук перевивы, излучины бедер, колен.

Кисть колонковую, беличью кисть окуная в мягкую, вязкую тучу свинцовых белил, женские нежные тайны, наследие рая, Рубенс от плоти материи освободил.

Пыл поднебесных натурщиц представлен к награде запечатленья навеки, в услуду глазам: светится женственной плоти зефир в шоколаде тёмных багетов, в коробках узорчатых рам.

Зовом соблазна без тени стыда и порока сонмы красавиц заполнили весь небосвод. В роскоши неба, в летучем воздушном барокко Рубенс над Фландрией в облаке каждом живёт.

100

(Henri Dutilleux)

Начало задержали. Все визита его с почтеньем ждали. «Привезли!» Ещё живой, столетний композитор. Внесли на кресле. Следом костыли. Концерт прошёл, тромбонами горланя, пропели флейты праздничный конец. Он встать не мог — ни сам, ни с костылями, ни с помощью других. И блеск колец, на пальцах содрогающихся, ярче сиял, чем свет зрачков, уже вполне бессмысленных. И длинный шарф впридачу от судорог дрожал в руке-клешне и горло измождённое, увеча,

затягивал петлёй наперерез. Он начинал порывистые речи и забывал, о чём... Jeunesse, jeunesse, — он лепетал мучительно, без счёта, в подставленный ведущим микрофон, и путался в словах, и капли пота текли на покоробленный пластрон под шарфом. Все навтыяжку стояли и теребили поневоле вслед за ним кто что: подол, оборку шали, смычки, страницы нот, края манжет. Он воздуха глоток вбирал огромный и вверх смотрел, как будто бы с небес ждал помощи, — и вдруг он слово вспомнил! и с дрожью простонал: Jeunesse, jeunesse!.. Привстать хотел, пытался, но, помедля, вновь оседал. И запонка, в кашне застряв, тащила вязаные петли, и в их разнокалиберной длине проглядывали, сходством поражая, миниатюрных виселиц ряды, а левая рука, полуживая, перебирала нитки как лады. И ни один из льстивших был не вправе просить у всемогущего опять все петли распустить, разъять, расправить и эту жизнь, как шарф, перевязать.

* * *

Все заодно. Кирпичный хор стены стоит стеной за каждого хориста. Так все на свете вещи сплочены — угрюмо, напряжённо, мускулисто.

Все в обороне, плотно, как один, — кулак граната, булава початка. В тугом стручке растёт заряд дробин. Запас для баррикад хранит брусчатка.

Все льнут к своим, — где для тебя свои? К кому тебе пристать, кому поверить хотя б на миг? Пространство расслоив, мгновенья разлетаются, как челядь

по крику «Вон!», стараясь ускользнуть из виду, словно мелкие улики, покинуть навсегда совместный путь побегом вбок, как усик у клубники.

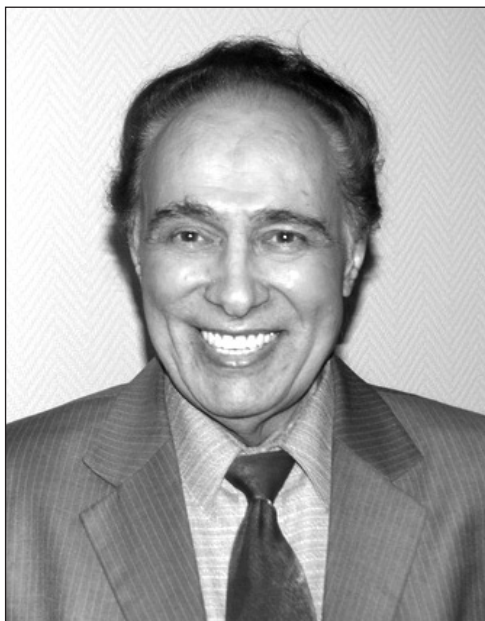
Косяк секунд плывет поверх бадьи Медведицы, поверх ковша Грааля. (За дверью шорох. Говорят — «свои». Не открывай им, как бы ни стучали.)

Нырни наверх. Там время реет без течения, там стынут дирижабли туманностей, и на ковре небес хвосты комет развешены, как сабли.

Там воду льёт бесплотный водовоз. Плитой в семь угольков горят Стожары. Искристыми дрожжами, горстью звёзд заправлена небесная опара.

Все заодно. К кому тебе примкнуть, с кем соскользнуть под сводом общей лиги в наклонный ковш, в котором Млечный путь замешивает тесто для ковриги?

ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ ДЛЯ СЛИЧЕНКО

Есть много народных песен. Но никому ещё не удавалось понять русскую душу так, как цыгану. Цыганская песня и русская неразделимы, как берёза и сосна, чьи семена выросли из одной лунки. Есть много театров в Москве, но нет ни одного, в котором бы стихии огня, ветра и земли не заставляли бы трепетать сердце зрителя от любви, восторга и восхищения так сильно, как в театре «Ромэн»!

Единственный в мире цыганский театр – Московский музыкально-драматический театр «Ромэн» – отметил недавно 80-летие. 15 декабря 1931 года совсем ещё молодая труппа цыганских актёров показала зрителям свой первый спектакль по пьесе драматурга Александра Германа «Жизнь на колёсах».

Театр поменял множество актёров. В этом году труппа обновлена. Звучат свежие голоса. Танцуют и играют потрясающие профессионалы! Артисты поют хорошо. И даже очень хорошо. Но настает «момент истины». На сцене – Сличенко! Зал аплодирует. Кажется, что стены театра раздвигаются и уходят далеко за пределы Садового кольца и вообще Москвы в далёкую степь. В бездонное звёздное небо. А от искристого тембра голоса душа начинает внутри щебетать.

Каждая песня в исполнении Николая Сличенко – маленький спектакль, вмещающий в себя человеческую судьбу или какое-то законченное событие. Как певец в высшем значении этого слова, он способен по-своему оригинально и глубоко интерпретировать песню любого народа, постичь её тайну, окрылить её энергией слушателя.

Награждение орденом «Трудовая доблесть России» по рекомендации оргкомитета Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси» состоялось официально 19 мая 2012 года прямо в Ромэн и прямо на сцене, во время спектакля «Мы – цыгане».

Вместе с «Браво» при появлении Народного артиста зрители стихийно выкрикивали слова обожания.

В состав группы награждённых вошли представители элиты «Золотого Пера Руси» поэт Сергей Алиханов, композитор Владимир Бородин, офицер Владимир Спивак и др. Награждение провела учредитель ЗПР, заместитель Председателя организации ВОО ТДР по международным проектам, писатель Светлана Савицкая. После официальных фраз, она сказала:

- Кроме перечисленных организаций, на самом деле Мы –

представители народа. И знаем, что нет такого человека, который не любил бы вас. Мы принесли с собою нашу любовь.

И в доказательство она обратилась к залу:

- Скажите, вы любите Сличенко?

Зал встал, скандируя и дружно прокатилось с партера до балконов единодушное:

- Да-а-а-а-а!!!

А после спектакля – группа в гостях у Николая Алексеевича Сличенко. В его кабинете скромность, и в тоже время изящество. Хозяин встречает по-доброму, без пафоса и до удивления человечно.

Мы мгновенно проникаемся волшебством истинной силы притяжения Таланта с большой буквы. Ведь в нём всё – поворот головы, слово, умение управлять дыханием собеседника, улыбка – гордо, красиво, благородно, достойно... И просто, как основа жизни, которую Боги заложили в нас – это любовь.

Поэтому в кабинете торжественно была открыта бутылка шампанского и конфеты с этикетками «80 лет театру Ромэн».

Н.А. Сличенко – народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР (1987), премии Москвы, академик Международной академии театра (2001), Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка (2001), профессор. Николай Алексеевич награждён орденами Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» IV степени. И другими орденами и медалями. Именем Николая Сличенко названа звезда в созвездии Тельца... 4 декабря 1998 года на Площади «звезд» в Москве заложена именная звезда Николая Сличенко.

Никто в России ни минуты не сомневается – Николай Сличенко – звезда. Звезда яркая. Первой величины.

Но в этот день была также награждена его супруга Тамил Суджаевна Агамирова.

Большим подарком для представителей ВОО «Трудовая доблесть России» явилось то, что через администратора нам передали 5 контрамарок.

Что такое контрамарки? Это лучшие места. Получить контрамарки от самих исполнителей всегда считается знаком высшего уважения. Тем более на такой спектакль! «Мы – цыгане» поистине стал визитной карточкой театра «Ромэн», где Николай Сличенко выступает и как автор, и как режиссёр-постановщик, и как исполнитель.

Судьба спектакля необыкновенна: он объездил многие страны. Его увидели зрители Японии, Франции, США, Италии, Австрии, Индии, Турции, Югославии. И везде спектакль проходил с неизменным успехом. Подтверждением тому могут служить слова супруги президента Франции г-жи Миттеран, побывавшей на спектакле 9 июня 1988 года во время гастролей театра «Ромэн» в Париже. «Спасибо, огромное спасибо, - сказала она на встрече с труппой театра, - мы провели благодаря вам сегодня чудесный вечер. Это было прекрасно! Спектакль оставляет очень сильное впечатление, и мы всем сердцем почувствовали сегодня историю вашего народа...»

Надо ещё заметить, Николай Сличенко именно за эту творческую работу получил Государственную премию.

Кабинет Николая Алексеевича удивителен не только своими арочными окнами, картинами с лошадьми, но более всего роялем. Ещё не было ни разу такого, чтобы он вот так вот за просто не сыграл бы гостям какой-нибудь романс.

Вот и теперь наша группа с восхищением слушала в любезном исполнении хозяина зажигательные цыганские танцевальные песни. НЕ секрет, что в этот день, как визави среди творческих людей рождались новые планы о совместной деятельности и новые проекты.

Авторская песня

Семейный архив Юлия Кима

Русский или корейский?

- **Юлий Черсанович, какие самые ранние впечатления детства остались у вас в памяти?**

- Как ни странно, одно из самых первых воспоминаний - военное. Родители мои были репрессированы: отец, Ким Чер Сан - погиб, мать, Нина Валентиновна, осталась жива, была заключена в лагере. После того как их арестовали в 37 - 38-м, нас с сестрой взяли к себе дед с бабушкой. Жили они в городе Наро-Фоминске. Мое первое воспоминание - это немецкие самолёты, которые довольно низко пролетели над двором. И я почему-то их запомнил. Второе воспоминание тоже связано с войной. Осень 1941 года, мрачный ночной вокзал, длинный состав, никаких огней, так - отсвет какой-то вечерний... Вдоль эшелона идут две фигуры - комендант поезда и моя тётка, которая приехала за нами. Она нас забрала из Наро-Фоминска последним эшелонам, а на следующий день туда вошли немцы... И я ещё помню, что мы - бабушка, нянька наша и мы с сестрой (деда к тому времени уже не было) - пробирались по вагону, переполненному ранеными, которые ругались на нас со всех сторон, потому что в темноте мы пробирались весьма неловко. Это одни из первых воспоминаний детства

- **Ваши предки по линии матери были русскими?**

- Я прямой потомок фамилий Всесвятских и Успенских. Это фамилии духовного сословия. Успенская Елизавета Осиповна, моя бабушка, была врачом. А вот отец деда (тоже врача), то есть мой прадед, Василий Павлович Всесвятский, был главным священником в храме большого села «Уготский Завод» Калужской губернии. Сейчас Уготский Завод - это город Жуков, потому что рядом, в деревне Стрелковка, родился Георгий Константинович Жуков. И прадед мой, Василий Павлович, его крестил. У прадеда было три сына, один из них мой дед Валентин Васильевич, Павел Васильевич, дочь Анна. Николай Васильевич был врачом. Задолго до революции в тех местах свирепствовал тиф, и доктор Николай Васильевич вылечил будущего маршала Жукова от тифа. Мои потомки - были настоящие земские интеллигенты

Они основали больницу, занимались школами, лечили, учили, помогали, словом, были в гуще народной. И когда пришла советская власть, они продолжали свою просветительскую деятельность. Моя мать Нина Валентиновна Всесвятская была учительницей, мой дядя землемером, всё это передавалось по наследству.

- **Какие отношения у вас с родственниками отца, корейцами?**

- Языка корейского я не знаю. Не так давно меня выгнали в Сеул. А я и не упирался, охотно туда поехал. Было замечательное человеческое общение, но сказать, чтобы я как-то проникся этой культурой, что она стала для меня родной и близкой, я не могу.

Пьеса для полуразбитого фортепиано

- **Юлий Черсанович, это Ваша семья привила Вам любовь и интерес к музыке?**

- После ссылки моей маме, как и другим репрессированным, было разрешено жить за сотым километром от Москвы. И

мы поселились в городе Малоярославце Калужской губернии. Маме разрешили преподавать в школе и жить при школе. Мы жили в большой комнате, которая была одновременно складом учебных пособий, в основном географических и исторических карт. Жили мы там вчетвером: мама, бабушка и мы с сестрой. Несмотря на страшную бедность и полуголодное существование, жилось нам там весело. Там постоянно кипела жизнь какая-то: стенгазеты, вечера, монтажи, выступления, концерты, танцы, хоровые кружки... Стояло полуразбитое фортепиано, на котором я подбирал на слух какие-то мелодии - это и была вся моя музыкальная школа...

- **Стихи тогда же стали сочинять?**

- Глядя на свою матушку, которая занималась стихотворным творчеством напропалую, я тоже начал рифмовать довольно рано. Она всё время сочиняла что-нибудь для школьных мероприятий - всякие веселые или сатирические стишки. А песни я стал сочинять уже в институте. Там Визбор был перед носом - трудно было этим не заняться. Но всерьёз песнями я начал заниматься только на Камчатке.

- **А песни для кино как родились?**

- Первый опыт в этом плане у меня состоялся в 1963 г. - фильм Теодора Вульфовича по сценарию Эдварда Радзинского «Улица Ньютона, дом 1». Режиссёр взял несколько готовых вещей, написанных мною на Камчатке, и свою самую первую песню на заказ «Фантастика-романтика» я сочинил именно для этого фильма. Её потом долго пели.

Кстати, самыми любимыми для меня остаются песни, созданные в содружестве с композитором Геннадием Гладковым - к кинофильмам «Обыкновенное чудо», «12 стульев», «Дульсинья Тобосская», «Формула любви». С удовольствием исполняю их на концертах.

Авторская песня

Два дома – две страны и двоюродный дядюшка

- Вы живёте час времени в России, а часть - в Израиле?

- Да. Так случилось в моей жизни по некоторым, весьма трагическим, обстоятельствам. Я переехал в Израиль на полтора года, это было связано с болезнью, а затем кончиной моей первой жены, а затем и с моей болезнью. Я там непрерывно провёл около двух лет. Естественно, это было возможно только при наличии гражданства. Я получил это гражданство, о чём совершенно не жалею. Меня и раньше интересовали и волновали события, связанные с этой страной. В первую очередь потому, что там проживает довольно много моих друзей и приятелей. Но не только поэтому. Для меня это была крайне интересная страна. Я, правда, всерьёз не подумывал о том, чтобы туда переехать на постоянное место жительства, но судьба распорядилась так, что это произошло. И теперь у меня два паспорта.

Россия – это родная страна. Она для меня – мать, а Израиль – это двоюродный, но дядюшка. Тоже родной, тоже по-своему любимый, хотя наши отношения не насчитывают и двух десятков лет.

- Говорят, Вы придумали фееричное празднование Нового Года в Израиле?

- Да! У нас традиция: Новый год встречаем в иерусалимском доме Губермана уже на протяжении многих лет. Он выступает в роли Деда Мороза, а я – Снегурочки.

Игорь где-то достал для меня рыжие косы, которые я смущённо перебираю руками. Натягивает мне спереди два каких-то полушария вместо груди. Сам цепляет бороду и старается басить, что при его фальцете просто.

«Для меня главное, чтобы вся моя родня была жива-здорова»

- Все остальные члены вашей семьи живут в Москве?

- Да, моя дочь Наталья – закончила журфак, она член редколлегии журнала «Психология». Растут две любимые внучки и внук – старшая учится в РГГУ на филологическом и она поёт. Младшая – первоклассница, а внук еще ходит в детский сад.

Сестра Алина – врач-фтизиатр, а ее сын – Марат Ким – график и художественный директор известной фирмы, выпускницей «Доктора Живаго».

- Ваша жена тоже пишет песни?

- Нет, она – пенсионерка и мощной рукой держит тыл. И главное – тщательно следит за моим здоровьем.

- Юлий Черсанович, чего Вам в жизни не хватает?

- Чаще всего времени, чтобы оптимально распределить силы для работы.

Давайте негромко, давайте в пол-голоса....

- Кого вы больше всех любите из бардов?

- Михаила Щербакова, конечно. На меня всего сильнее действует Щербаков, большая часть репертуара Булата и, конечно, очень сильно – Высоцкий. Чрезвычайно хороша и ещё недооценена Новелла Николаевна Матвеева....

- Юлий Черсанович, как Вы считаете, жива ли авторская песня?

- Она бессмертна. Каждое поколение воспитывается на опыте поколений предыдущих. Классикой же становится всё то, что отбирается временем.

Екатерина АСМУС

ГНЕЗДО ГЛУХАРЯ

Одним из самых интересных мест Москвы является кабачок «Гнездо глухаря». Сюда собираются ценители бардовской песни. Курирует его Культурный благотворительный фонд и клуб авторской песни с тем же названием.

Помещение слегка затемнённое. Уютное. Акустика потрясающая. Ещё бы! Ведь гитара – дело тонкое, и голос барда не профессионален, поэтому возможны всякие нюансы. Здесь давали концерты Александр Дольский и Тимур Шаов, Сергей Никитин, Юлий Ким, Вячеслав Малежик и многие другие полубившиеся меломанам барды.

В 2011 году при поддержке Председателя Общественного совета клуба А.Городницкого и руководи-

теля клуба А.Ермилова в течение 4 месяцев в несколько этапов проходил бард-турнир «Поют журналисты Москвы». Основным организатором и ведущей бард-турнира явилась Полина Нганбеа, журналистка НТВ.

У меня выпала возможность присутствовать по приглашению «Золотого Пера Руси» только во втором турнире, который состоялся 23 декабря и на финале.

Исполнительница авторских песен Светлана Васильевна Савицкая открыла встречу и была представлена Полиной следующим образом:

«Не космонавт. Хотя собрала книгу «Байки о космонавтах».

Выступает от международной медиа-группы газет «Интеллигент» Москва, Санкт-Петербург и Нью-Йорк (США), и «Молодежь Московии», интернет-сайт. Генеральный куратор проекта с десятилетним стажем Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси». Президент содружества литературных сообществ, включающих в себя русскоязычные союзы 69 стран мира.

Начинала работу в 1978 году в газете «Знамя коммунизма» с крупных политических очерков. Лет через 15 поняла, что только в сказках в России можно говорить правду. Поэтому, кроме журналистики, является культовым писателем коротких жанровых сказок и притч. Читатели образовали 15 музеев её творчества в Подмоскovie, Мордовии, Татарстане, Украине, Сербии, Словакии, Бельгии, Германии. Светлана художник и довольно известный мастер кукол. Портретные эксклюзивные кожаные куклы украшают не только ее музеи, но и коллекции Пьера Ришара, Патрисии Каас, Депардье, Григория Потоцкого и других интересных людей.

Выступает как учёный-исследователь. Таким образом, в числе множества публикаций в периодике и авторских книг не только сказки, но и монографии, результаты экспедиций. Её диссертация называется «Символ как социально-культурный феномен управления». Собираательница сказок, легенд, народных и бардовских песен, обычаев, тостов – объездила всю Европу с творческими встречами».

Продолжение на стр. 76

Авторская песня

Продолжение. Начало на стр. 75

Она спела высоким мощным сопрано под двенадцатиструнную органную гитару две свои авторские песни «Новогодний сон» и «Посвящение Высоцкому».

В зале зашуршал приглушенный шёпот: «Почему вы не предупредили, что пение будет профессиональным?» – возмущались некоторые журналисты.

Далее более четырёх часов пели авторские песни под сопровождение гитар и караоке достаточно известные журналисты Москвы, например:

Андрей Добров («РЕН ТВ»), Александр Мешков («Комсомольская правда»), Вадим Речкалов («Московский комсомолец»), Андрей Воскресенский («Коммерсант»), Юрий Шалимов («НТВ»), Георгий Ратишвили (телеканал «Дождь»), Николай Агафонов («Комсомольская правда»), Виталий Карюков («Фактор времени»). Завершило турнир пение Алексея Сонины под сопровождение двух друзей, они весело и дружно представили «Первый канал ТВ». Вот это на самом деле стоило посмотреть. Хотя ничего общего с авторской песней пение не имело, но с каким юмором ребята зажигали! А группа поддержки бросала в зал воздушные шары. Участники повскакивали с мест. И даже Савицкая, единственная «бардэсса» турнира, припав на одно колено, снимала троицу прямо перед ними на видео.

В группе поддержки между отделениями великолепно выступили Елена Батурина и Наталия Нечаева («Первый канал»).

Специальным гостем «Гнезда» в этот день стал виртуозный исполнитель гитарных композиций, латиноамериканец Рамиро. Что ни говори, гитара и испанский язык, это уникальное сочетание, всегда проникает в самую душу слушателя.

Все перечисленные исполнители прошли в третий тур, который состоялся 21 января 2012 года в том же месте в то же время.

А «Комсомольская правда» выдала забавную строчку с подписью Александра Мешкова:

«Журналисты по-прежнему, с завидным упорством и постоянством, норовят отнять хлеб и лавры у Баскова и Киркорова, наращивая свое присутствие на певческом пространстве. В очаровательной предновогодней обстановке (ёлочка, гирлянды, салат «Оливье», аромат салями и шампанского) открылся концерт музыкально-журналистского фестиваля. Его открыла Светлана Савицкая – «Золотое перо России». Это всё равно что – «Золотой голос России», только здесь поют пером! Её исполненные доброты и романтизма баллады, словно масло на раскалённой сковородке, растопили напряжённую обстановку ожидания. Участники и гости как бы облегчённо вздохнули: «Началось!».

Андрей Добров, серьёзный телеведущий, знакомый нам своим мудрым аналитическим взглядом, предстал вдруг в неожиданном качестве рок-музыканта. Куда-то бесследно исчез его слегка суровый, пронизывающий взгляд. На смену ему пришла юношеская озорная искорка-хулиганщина. Сразу вспомнились школьные годы чудесные, наш первый вокально-инструментальный ансамбль: ионика, ритм-гитара и бас.

Великан Агафонов Николай, самый крупный ветеран газеты «Комсомольская правда», проникновенно спел песню про то, как надо правильно встречать Новый год.

Обаятельная Елена Батурина вышла на сцену вместе с коллегой, журналисткой Натальей Нечаевой и так зажгла, что публика долго не могла успокоиться. В бард-кафе «Гнездо глухаря» в этот вечер не смолкала музыка и аплодисменты. Там, в этой волшебной атмосфере, забыв о врождённой скромности и застенчивости, запел даже я, получив свою скромную дозу аплодисментов и адреналина.

Третий тур не был столь интересным. Мы попали просто на «раздачу слонов». Семь ведущих СМИ, поддерживающих бард-турнир, наградили швейцарскими часами четырёх участников дипломами и клубными картами со скидкой 50% на два лица. Из СМИ были отмечены газета «Вечерняя Москва», 3 канал ТВ, газета «Коммерсант», 1 канал ТВ, РЕН ТВ, ТК «Россия» и примкнувший к ним, собственно, член жюри того же турнира, «динозавр отечественного ТВ», как его называли на вечер, Иван

Кононов с песней Шуфутинского «Левый берег Дона». «Левый берег Дона - Пляжи, чайки, плёсы у затона, рядом омуты и мели, Мы до них добраться не умели...»

Из бардов были отмечены четверо, в том числе писатель Светлана Савицкая. На этот раз она не пела. Прочла свое знаменитое «Посвящение Высоцкому». И зал замер. Перестали жевать челюсти, стучать вилки.

**«Вы вроде бы те же, но в сердце озноб,
Что сделали годы? И версты?
Зачем регулярно читать гороскоп,
Коль вы не глядите на звезды?
И даже свою не прочтете ладонь,
В неверие прячась нелепо,
Не смотрите в воду и даже в огонь,
Не видите Землю, и Неба!
Вы сонно встаете, жуя и куря,
Угрюмо спешите на службу.
И в дружбе клянетесь, но вы – не друзья!
Вы даже не верите в дружбу!
Заставит вас к Храму подняться беда
И перекреститься с порога,
И свечи поставить, но Господа!
Ведь вы же не верите в Бога!
Как дрожь, пробегают по струнам года.
И нет исцеленья чудесней!
Но только зачем я пою, Господа?
Ведь вы же не слышите песню!
А в ней о любви я пою вновь и вновь,
Как Феникс, сгорая сурово,
Но только зачем вам слова про любовь?
Ведь вы же не верите в слово!»**

Ажиотаж вокруг автора Савицкой был и во втором туре. Цветы, конфеты, визитки, сборники стихов, автографы... Теперь началось то же самое. К Диплому «За активное участие и успешное выступление в бард-турнире» от «Гнезда Глухаря» добавились сувениры и подарки поклонников.

На мой взгляд, песня и должна быть бардовской, авторской. Тогда под неё хочется думать.

Размышлять. Ответным диалогом сочинять что-то.

А так наша эстрада похожа сейчас на «коллективную шизофрению», когда музыку (с джентльменским набором тоника-доминанта-тоники, в крайнем случае добавляется для разнообразия какой-нибудь доминант – септаккорд) пишет аранжировщик, теперь она модно называется «композиция». Даже не стихи и не слова а, заметьте, «тексты» к композиции пишет специально обученная компьютерная программа. Задали ей слово, попадающее в композицию, к примеру, «боль», или «мама» она вам тут же выдает: «соль» или «панاما». Исполняет все это «безобразия» электронная система набора синтетических звуков, подражающих натуральным в Макинтоше или в ВивСоники. Певец попал - не попал в ноты – уже не важно. Его «дотянет» модератор голоса. Останется сделать пластику лица, нанести умело макияж. Одеть парик. Где надо – открыть рот. И в «Фотошопе» или «Пикассо» убрать родинки и морщины, натянув «кожу на глаза». А в глаза вставить по звезде для живости и блеска.

Другое дело – пение живое. Живой голос. Живые слова. Живой человек рядом с тобою. Он спел. Ты подошёл к нему, пожал руку. Поцеловал руку, если бард ещё и женщина!

И, если на губах не осталось пудры, – настоящая женщина!

Хочется выразить искреннюю благодарность всем организаторам турнира, в частности приветливой красавице ведущей Полине. И всем исполнителям, «так искренне, так нежно» исполнившим для нас, зрителей и болельщиков, самое лучшее, на что они способны.

*Сергей ГАВРИЛОВ
Лауреат премии «Золотое Перо Руси»
г. Королёв*

Инна Богачинская

Известный поэт и журналист. 32 года живёт в Нью-Йорке. Книга года «Энциклопедии Британника» назвала её одним из наиболее состоявшихся поэтов Русского зарубежья. Инна - автор 5-х книг поэзии и прозы. По её творчеству написаны несколько дипломных работ и целый ряд литературоведческих исследований.

«ВОЗНЕСЕНСКИЙ БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ ДРУГОМ, ГЕНИЕМ И УЧИТЕЛЕМ»

- Инна, как Вы познакомились с Андреем Вознесенским?

- У каждого поэта есть своя поэтическая родословная. У меня это – Владимир Маяковский, Марина Цветаева, Андрей Вознесенский. Я всегда чувствовала, что я одной крови с ними. Вознесенский всегда был для меня недостижимым поэтическим Богом. Я даже мечтать не могла, что когда-то приближусь к нему. Я по натуре очень независимая, сама никогда не смогла бы подойти.

В середине семидесятых я часто бывала в Центральном доме литераторов. Это было настоящее государство писателей и поэтов. Кругом – одни гении, большинство из которых – непризнанные. Для меня это был воздух! Когда я приходила в ЦДЛ, меня всегда ждала пища для души и для тела. Зачастую я оказывалась за одним столом с Левитанским, Самойловым, Ахмадулиной, Казаковой, Евтушенко ...

Незадолго до встречи с Андреем Андреевичем я написала поэму «Репортаж с ярмарки». Неожиданно она стала популярной, её переписывали, она ходила по Москве. У меня даже появилась возможность останавливаться в гостинице писателей, что по тем временам само за себя говорило. Денег у меня, правда, не было, поэтому завтрак всегда был один и тот же: кусочек хлеба со сметаной. И вот в этой же гостинице остановилась приехавшая на стажировку молодая английская поэтесса, которая сообщила мне следующее: «Здесь живёт девушка, которая пишет как Вознесенский». И рассказала мне про «Репортаж с ярмарки». Я призналась, что эта девушка – я. Но заметила, что Вознесенский уникален и, соответственно, никто не может писать так, как он. Для всех нас он был на недостижимой высоте.

С Андреем Андреевичем нас познакомил интересный молодой поэт Володя Шленский, который очень рано ушёл из жизни. Кстати, эпизод нашего знакомства Вознесенский описал в своей книге «Аксиома самоиска». У меня внутри тогда всё дрожало, но я сказала ему следующее: «Я не сумасшедшая поклонница, я не собираюсь срывать с Вас носок или отбирать носовой платок. Я просто хочу сказать Вам, что Вы – гений». И он тут же ответил: «Инночка, я с Вами совершенно согласен». Это было очень здорово. Он мне дал свой телефон, а я попросила, чтобы он посмотрел мои стихи. Мы договорились

о встрече. Когда я передала ему стихи, я даже предположить не могла, что он их прочтет – он всегда был очень загружен. Тем не менее, он прочитал мой «Репортаж с ярмарки», другие стихи, у которых, как он говорил, «есть своё лицо» и вообще сказал мне о них очень вдохновляющие слова.

- Вознесенский Вам помогал с публикациями?

- Он практически сразу совершил Поступок. В то время я работала в журналистике. Мои статьи печатали, порой по два материала в номере выходило, а стихи писались в стол, их нигде не публиковали. Отказы объясняли тем, что в моих произведениях нет социальной направленности. Потом сказали, что если бы я была дочерью путевого обходчика или написала про Ленинский мемориал в Ульяновске, то всё было бы хорошо.

Друзья собирались дома, читали стихи вслух, обсуждали. От одесского Союза писателей я была очень далека. Так вот, Вознесенский сам предложил написать письмо секретарю Союза писателей с просьбой обратить внимание на мои стихи. И в тот же вечер, чтобы не откладывать в долгий ящик, написал письмо прямо в машине, по пути в Останкино, куда ехал на репетицию перед авторским вечером! Правда, письмо действия не возымело, но я его бережно храню как дорогую реликвию.

Когда я уже жила в Америке, моим первым местом работы была газета «Новое русское слово» в Нью-Йорке. Её редактором был Андрей Седых, бывший литературный секретарь Бунина, хороший журналист. В редакции обстановка была очень напряжённая. После того, как меня оттуда уволили, то перестали публиковать мои стихи в газете. Хочу Вам передать формулу, которую Вознесенский озвучил мне, узнав об этой ситуации: «Если бы ты была уродливая и бездарная, то всюду бы печатали». И вот тогда, несмотря на «железный занавес» в СССР и то, что газета являлась белоэмигрантской, Андрей Андреевич позвонил редактору и спросил его, почему тот не печатает мои стихи. Одна моя знакомая, присутствовавшая при этом разговоре, сказала мне, что если бы взорвалась бомба, эффект был бы меньше, чем от звонка Вознесенского. После этого мне позвонили из редакции и попросили дать подборку стихов. А потом опубликовали одно стихотворение в сокращённом виде, чтобы показать Вознесенскому, что меня печатают.

Продолжение на стр. 78

Продолжение. Начало на стр. 77

- Вы очень эффектная женщина. Как сложились у Вас отношения с супругой Вознесенского, Зоей Богуславской?

- Я много общалась не только с Андреем Андреевичем, но и с Зоей Богуславской. Она – редкая по глубине, таланту и силе личность. Отношения были доверительными: они знали про мою личную жизнь. Когда я в последний раз вышла замуж, нам устроили свадьбу в ЦДЛ. Вознесенский подарил мне большой букет и сразу объял моего мужа Григория Самуэльяна. А Зоя Богуславская устроила ему длинное интервью с пристрастием, как будто принимала на работу. Интервью будущий супруг успешно прошел. Зоя сказала Григорию: «В семью принят!»

Когда ушёл Андрей Андреевич, мой муж поделился, что он больше переживает, чем если бы скончался родственник. Настолько теплыми были наши встречи.

Недавно на своей новой книге, которую Богуславская подарила мне в Переделкино, она оставила такой автограф: «Талантливой Инночке Богачинской, которая вошла в нашу семью с поднятой фотографией Андрея и пронесла его имя и поэзию сквозь всю жизнь и её Грише-самородку, выигравшему золотой талант – Инну. Целую, Зоя». Для меня это очень дорого.

- Как к Вам обычно обращался Вознесенский? Говорят, он называл Вас «русалкой»?

- Да, он действительно в одной публикации назвал меня «длинноволосой, белокурой русалкой», что даже вызвало полемику среди тех, кто меня знал. Некоторые считали, что я на русалку совершенно не похожа, поскольку она – холодная и мокрая, а я совсем не такая. Тем не менее, с легкой руки поэта меня стали называть «русалкой». Очень часто Андрей Андреевич обращался ко мне «Ангел». С его же подачи меня начали называть «Иннапланетянкой». А вот подписывался всегда одинаково – «очень нежно»... Я порой шутила над этим, просила, чтобы он придумал что-то другое, а он специально каждый раз писал одни и те же слова.

- Вы уехали из Одессы в Нью-Йорк. Как продолжилось Ваше общение в США?

- Честно скажу, я не хотела уезжать в эмиграцию. Но перед отъездом я решила, что приеду в Америку, чтобы популяризировать там творчество Вознесенского и писать книги о нём.

Когда Андрей Андреевич приехал в США, я с ним связалась, мы продолжили общение. Он стал мне присылать свои публикации, вырезки из газет и журналов, из разных стран мира с шутливыми надписями – у него было редчайшее чувство юмора.

Я готовила многие выступления поэта в США – и для русскоязычной, и для американской публики. Его американская корреспонденция, письма из университетов отправлялись на мой адрес.

- Когда Вознесенский приезжал в Америку, как менялась Ваша жизнь?

- У меня всё перекручивалось, вставало с ног на голову, в доме был пустой холодильник, я почти не ела, не спала. Он мог мне позвонить часов в 11 вечера и сказать: «А давайте пойдем в кино, на фильм про Джеймса Бонда, агента 007, на последний сеанс?» Мы с бывшим мужем сразу поднимались и ехали.

Когда мы встречались, я старалась записывать за ним и сохраняла всё, что могла. Во время его приездов я мобилизовывалась, поскольку знала, что если я не буду этого делать – может быть упущено что-то важное. Ненавижу ничего придумывать, а многое со временем стирается из памяти. Теперь у меня дома своеобразный музей. Я всегда собирала все, что касается Вознесенского – это я, которая сама всегда всё теряет! У Андрея Андреевича была гениальная рассеянность – он мог потерять даже только что выданный гонорар.

Я храню все, что было связано с нашими встречами, общением, даже записи на автоответчике. Например, вот выдержки из записи сообщений: «Это звонит Андрей Вознесенский, художник, архитектор, иногда – писатель...» или «Андрей Вознесенский. Целую нежно. Твой друг, товарищ и брат...»

- Какое выступление Андрея Андреевича в США Вам особенно запомнилось?

- Безусловно, выступление в Вашингтоне, в Театре Форда, которое я помогала организовать, стало самым ярким и запоминающимся. Мероприятие было закрытым, исключительно для членов американского правительства и высшего эшелона власти. Подготовка потребовала невероятных трудов. Я тогда работала в Рокфеллеровском университете.

Мои коллеги ничего не понимали: мне постоянно звонили известные писатели, поэты, случались даже звонки из семьи Роберта Кеннеди и из Государственного департамента. Мой босс был американским профессором, очень приятным человеком. Он закрывал глаза на то, что я на работе занималась другими делами, поскольку понимал – раз приехал Вознесенский, мой КПД резко падает. Так вот, он настолько был очарован магией общения с Вознесенским, который приходил в университет, что попросил приглашенный билет на выступление поэта. И приехал, несмотря на то, что от Нью-Йорка до Вашингтона почти шесть часов езды!

Утром накануне выступления в Театре Форда Вознесенский мне позвонил и произнес следующее: «Ангел! Я тут стишок написал. Не могла бы ты перевести его на английский?» Вы себе представляете, насколько трудно переводить стихи вообще, а такого Мастера и Мэтра, как Вознесенский – в особенности. Это сверхзадача. Сказать, что у меня началась лихорадка – это просто ничего не сказать. Уже перед выходом поэта на сцену я завершила перевод, и Вознесенский прочитал это стихотворение на выступлении. Позже оно было включено в двуязычную книгу «Стрела в стене».

- Как принимала Вознесенского американская публика?

- Замечательно. Его исключительно ценили как человека и как поэта. Поколение «битников» боготворило его поэзию, Андрея Андреевича с радостью принимали в доме Алена Гинзберга. Он был дружен со многими американскими писателями того времени. Иногда поэт останавливался в квартире знаменитого драматурга Артура Миллера. Гениальность как солнечный свет – она моментально распространяется вокруг, люди её сразу чувствуют и не надо ничего говорить.

- А кем поэт был для Вас?

- Всем! Мэтром, учителем, другом. Учителем он был очень необычным: он учил, не уча – это самое главное. Например, иногда я со всей своей восторженностью вскрикивала: «Андрей Андреевич! У меня просто нет слов!..» На что он мне спокойно замечал: «Инночка, у поэта всегда должны быть слова». Ничего не делая, он уже оказывал влияние на всех окружающих.

- Какие человеческие качества Вы бы выделили в нём прежде всего?

- Он был гигантом. В нём невозможно выделить качеств. Есть планета Земля: нельзя сказать, что на ней тепло или холодно. Вознесенский – планета ошеломляющая, с невероятной энергетикой гения. Я много общалась с талантливыми людьми, но больше такого явления не встречала. Как только поэт входил – все моментально заполнялось его энергетикой. Это был непостижимый источник энергии, которая не передаётся словами, но в присутствии Вознесенского все это чувствовали.

У него было невероятное, неопишемое мужество, которое особенно проявилось во время его тяжелой болезни. Кстати, инсульта у него не произошло – это была редчайшая форма болезни Паркинсона. Он никогда не жаловался, даже когда очень сильно мучился. Вознесенский был очень солнечный.

А ещё – очень щедрый. Однажды мы были с ним в ресторане в Бруклине, там пела Майя Розова. Он дал певице 100 долларов в качестве чаевых. А она попросила у поэта автограф на стодолларовой купюре и сказала, что будет её хранить.

- Как происходил у Вознесенского творческий процесс? Вы присутствовали при том, как он писал стихи?

- Творческий процесс был спонтанный. Вознесенский был творческим во всех проявлениях: в том, как он себя вел, как одевался, как делал коллажи... Однажды мы с бывшим мужем везли его в Филадельфию на выступление. И он прямо в машине писал стихи, посвященные Высоцкому.

У меня дома висит автопортрет Вознесенского, на котором он изображён в четырехугольной шляпе при получении учёной степени американского доктора. Так он изобразил шляпу в форме четверостишия:

**Спасите, боги, мою душу
Идя сквозь разные этапы,
Я шел от треугольной груши
До четырехугольной шляпы.**

Однажды Вознесенский порвал брюки, и мне пришлось зашивать их. Надо сказать, что я совсем не дружу с иголкой, поэтому мне это далось непросто, но брюки я кое-как зашила. В ответ Вознесенский выдал такой экспромт:

**Оборванная штанина
Плывет как ряса благочинная
А што Инна?
Она сияет, Богачинская.**

Я всегда задавала ему много вопросов, например, спрашивала, почему я не могу писать стихи, сидя за столом - у меня это получается только, когда я хожу... Он мне ответил, что у него то же самое: он пишет стихи ногами! Говорил: «Выйду утром в Переделкино и пойду, пойду по лесу... Попрыгаю – и прихожу уже со стихотворением».

Однажды он сказал, что в поэзии главное – нерв. Иосиф Бродский получил Нобелевскую премию, но советское государство само создавало нобелевских лауреатов с политической точки зрения. На мой взгляд, в поэзии Бродского нет нерва. Его стихи талантливы, но после прочтения – не запоминаются, от них не дрожишь, не трепещешь, как от стихов Вознесенского.

- Многим, наоборот, кажется, что его стихи излишне архитектурны и математичны...

- Действительно, Вознесенского многие обвиняют в том, что он «делал» свои стихи математически. Но это неправда. Он говорил: «У поэта есть не только избранные произведения, но и избранный читатель». Он очень любил творческое слово во всех проявлениях, любил игру слов.

Я сама против того, чтобы в стихах была просто архитектура. У Андрея Андреевича в стихах пульсирует нерв, который заставляет трепетать рецепторы читателей. Стихи Вознесенского, как и стихи Цветаевой, органически вплетаются в ткань души. Его стихи – это физические волны, которые способны проникать в глубинные сферы сознания. К тому же, его стихи необыкновенно афористичны:

**Все конкретней и необычайней
недоступный смысл миропорядка,
что ребенка приобщает к тайне,
взрослого – к отсутствию разгадки.**

- А как Вознесенский относился к творчеству других поэтов?

- Очень любил Маяковского, Цветаеву, Пастернака, который был его поэтическим Богом. Мог по достоинству оценить настоящую поэзию. Однажды я спросила Вознесенского по поводу какой-то рифмы. Он мне сказал: «В любви и в поэзии можно всё!»

Ещё он никогда никому не завидовал. После хрущёвского эпизода он был на грани самоубийства. От него одномоментно отвернулись все, кто до этого пел осанну, был рядом. Люди перестали здороваться, замечать его. Вознесенский оказался в абсолютном вакууме. Его спасла Зоя Богуславская.

- Андрей Андреевич был открытым человеком?

- Наоборот, он был очень закрытым. С одной стороны, от него исходило сияние, с другой, как всякая гениальная личность, он был вещью в себе. Вознесенский – это миллион иксов, игреков, непознанных и неоткрытых.

Как говорил Жан Кокто: «Я не следовал моде, я её создавал». Создавал моду и Вознесенский: у него был свой взгляд, свой стиль, абсолютно узнаваемый.

У него не было по-настоящему близких друзей: ему или завидовали или его не понимали. Чтобы общаться с людьми, Вознесенскому нужно было спускаться с высочайшего уровня, на котором он находился, и говорить на понятном языке. Общался он всегда очень демократично. Но другим до его уровня подниматься было невозможно. У него была непостижимая степень свободы. Каждый раз я поражалась тому, что вроде бы он находился рядом, но при этом ощущался внутренний сейф, в который никто не был допущен.

- А Вам было тяжело с ним общаться?

- Напротив, с ним можно было говорить совершенно на равных. Когда меня спрашивали, с кем мне интересно, я всегда отвечала: с Вознесенским! Я уважаю тонкое интеллектуальное пикирование, он в этом был мастером неподражаемой словесной дуэли. Это был настоящий словесный пинг-понг. Когда я была рядом с ним, я не чувствовала усталости, наоборот, возникал невероятный заряд, как будто рядом присутствовал гигантский энергетический источник.

Вознесенский обладал величайшим по нашим временам талантом – умением слушать других. Ещё он никогда не говорил ни о ком плохо, даже когда другие его ругали.

Как и Пастернак, Вознесенский очень не любил день своего рождения. Он всегда или уезжал, или старался куда-то укрыться. Но я ему всегда звонила и говорила одно и то же: «Я звоню поздравить человечество!»

- Оглядываясь на десятилетия Вашего общения, чем была для Вас встреча с Вознесенским?

- Такие люди, как Вознесенский, соединены с Высшим Разумом. Поэт верил в то, что этот миропорядок непостижим, но управляем неведомым нам Высшим порядком, который не в состоянии охватить наш мозг. Он носил в себе тайну. Было ощущение, что он знал что-то, чего не знают другие.

Я тоже человек очень свободной группы крови, с сознанием из другой планеты, могу служить только Высшему Разуму, который меня направляет, мне подсказывает, учит меня. Я не сомневаюсь, что наша встреча и общение с Вознесенским – на уровне кармических связей. У нас было невероятное родство и в человеческом, и в интеллектуальном, и в творческом плане.

Конечно, я не все принимала в его мироздании, мы не были идентичными личностями. Но я могла это открыто высказать Андрею Андреевичу. И, как и подобает глобальной личности, он мог спокойно выслушивать и принимать критику в свой адрес.

Я чувствую Вознесенского даже после его ухода. Особенно ярко это проявилось, когда я писала стихи его памяти. Я попросила его быть в это время со мной. И он выполнил мою просьбу...

Наталья ЛАЙДИНЕН

Вера Зубарева

Доктор филологических наук, писатель, литературовед. Главный редактор журнала «Гостиная». Президент литературного объединения ОРЛИТА. Первый сборник стихов, «Аура», вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной (Филадельфия, 1991). Лауреат международных литературных премий, в том числе, Муниципальной премии им. Паустовского. Преподаёт чеховскую комедию и искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах в Пенсильванском университете.

Первый лауреат новой литературной премии

Вера Зубарева – человек многих талантов и достижений: филолог, литературовед, преподаватель Пенсильванского университета (среди направлений, над которыми она работает, теория предрасположенностей, искусство принятия решений, комедии Чехова), кинематографист, главный редактор журнала «Гостиная», президент Объединения русских литераторов Америки – вот неполный перечень её занятий и интересов. Но прежде всего, Вера – поэт. Она автор 16 книг, которые выходили также на английском и немецком языках, лауреат премий и наград.

В этом году Зубарева удостоилась, может быть, важнейшей для неё награды – премии имени Беллы Ахмадулиной, которая была учреждена в честь 75-летнего юбилея выдающейся поэтессы. И дело не только в том, что это престижная премия, и Вера стала первым её лауреатом, – ведь именно Ахмадулина вручила ей когда-то «охранную грамоту», как называет это Вера, написав предисловие к её первой книге стихов. А какой неожиданностью стала для неё публикация её стихов в популярной газете «Смена», которые отнесла туда Ахмадулина без ведома Веры! Стихи никому не известного поэта из Одессы сразу прочли сотни тысяч людей по всей стране.

Народный художник России Борис Мессерер написал в обращении к учредителю премии, известному меценату Андрею Анатольевичу Горчакову, главе Княжеского дома Горчаковых: «Поэт уходит, но его поэзия, творения, идущие из сердца и души, остаются с нами навсегда. Господь подарил мне счастье быть верным спутником и единомышленником прекрасной женщины с удивительной судьбой, основанной на высшем предназначении... Её поэзия вневременна – так, затрагивая тонкие струны людской души, она вначале наполняет нас невыразимой тоской и безысходностью, но затем раскрывает глубинную суть нашего земного предназначения, той миссии, которую каждый выполняет по мере возможности на этой грешной земле. Я счастлив, что Одесса, к которой Белла всегда испытывала самые тёплые чувства, стала первой ласточкой в прекрасном и важном деле популяризации наследия великого поэта, проводя международный поэтический конкурс «Серебряная роза» и учредив Международную литературную премию им. Беллы Ахмадулиной. Я верю, они раскроют миру многих талантливых людей... Как председатель Ученого совета и жюри я ещё раз благодарю всех, кому небезразличны подлинные духовные ценности русской поэзии, яркой жемчужиной которой была, есть и будет Белла Ахатовна Ахмадулина». Андрей Анатольевич написал Вере: «Поздравляем Вас с абсолютной победой. Среди всех кандидатов Ваше поэтическое творчество было признано истинно лучшим».

Еще до присуждения премии на май была запланирована творческая поездка Зубаревой в Москву. После такого события она стала особенно знаменательной и успешной, и не только для самой Веры. Так, в Доме Русского Зарубежья с ней вместе выступали её коллеги и соавторы по «Гостиной» Наталья Лайдинен, Юрий Микулин, Александр Воловик, Надежда Бесфамильная. «Гостиная» – тематический ежемесячный сетевой журнал, на страницах которого наряду с новыми именами можно найти и известных авторов, таких как Михаил Эпштейн, Ирина Роднянская, Елена Скульская, Ирина Шульгина и др. Выступления поэтов «Гостиной» вызвали интерес у пришедших на встречу читателей и литераторов, среди которых были и известные московские критики.

Программа выступлений Зубаревой была разнообразной: тут и интервью в Останкинской телестудии с Львом Новождёновым, ведущим передачи «Наши», и выступление в Музее-квартире Михаила Булгакова, и лекция в Академии современных коммуникационных систем и технологий, и демонстрации документальных фильмов, сделанных Верой. Фильм «Единственность» посвящён Белле Ахмадулиной и основан на встречах с ней. Это лирический и очень личный рассказ о том, как великая поэтесса приняла и благословила на литературную деятельность никому неизвестную до тех пор юную поэтессу. После просмотра выступил Борис Мессерер, назвав этот фильм «изящным» и отметив, что Вере удалось в нём дать Ахмадулиной «возможность выразить себя». Второй фильм – «Лощман на трубе» – посвящён отцу Веры Киму Беленковичу, человеку необычной судьбы, капитану дальнего плавания, журналисту, поэту, участнику Великой Отечественной Войны. Зрители с теплом и благодарностью принимали Веру.

С творчеством Веры Зубаревой и её коллег можно познакомиться на сайте ОРЛИТА, информационный Бюллетень которого постоянно пополняется новыми материалами и новостями литературной жизни не только Америки, но и многочисленных литературных организаций-побратимов из разных стран.

ОРЛИТА проводит литературные встречи, которые транслируются по всему миру в режиме реального времени, благодаря веб-директору Вадиму Зубареву. Несколько таких встреч прошло также и в Нью-Йорке в библиотеках Бруклина и Манхэттена при содействии вице-президента ОРЛИТЫ и президента Бруклинского клуба поэтов Елены Литинской.

Хочется поздравить Веру Зубареву с высокой оценкой её творчества и пожелать, чтобы её талант и знания продолжали приносить радость людям.

Татьяна ЯНКОВСКАЯ

ЗНАКОМСТВО С ПОЛЬСКИМИ АВТОРАМИ

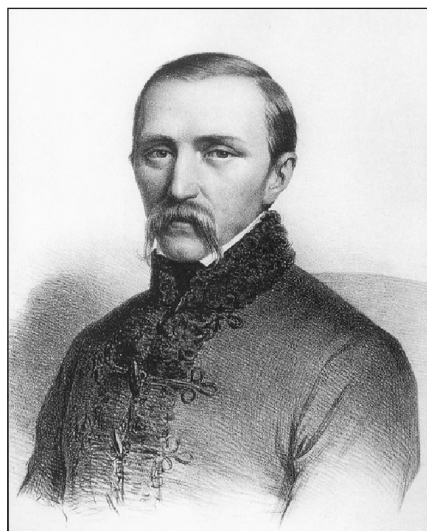
Ирина Гусева

Родилась в столице Латвии - Риге. Публиковалась в газете «Заря» (Брест), журнале «Неман» (Минск), в журнале «Работница» (Москва). В 2010 году вышли две книги поэзии в издательстве «Альтернатива» (Брест): «На языке любви» и «Дары пилигрима» (переводы лирики Юзефа Игнацы Крашевского).

На интернет-портале Ольги Лялич-Кровицкой (республика Польша) размещены мои переводы лирики польских авторов из Люблинского воеводства (2012). Живу в Москве.

НЕ ОТРЁКСЯ ОТ РИФМ ВДОХНОВЕННЫХ

(О поэзии Ю.И.Крашевского)

В 2009 году я начала переводить на русский язык поэзию Юзефа Игнацы Крашевского. Материалы любезно предоставили сотрудники музея Ю.И. Крашевского в Романове (Республика Польша). Директор музея Анна Чободинская-Пшибыславская была редактором переводов с польской стороны. Составлением занималась моя сестра – брестская журналистка Гусева Руслана Николаевна.

Сделанные переводы вошли, как раздел под названием «Во что верю?», в книгу «К Крашевскому в Романов и Долгое» (2009г., издательство «Альтернатива», г. Брест, РБ), а в 2010 году в том же издательстве вышла в свет книга «Дары пилигрима», полностью отданная поэзии Ю.И.Крашевского.

Эта книга была второй в серии, посвященной тогда еще предстоящей 200-летней годовщине со дня рождения польского классика.

Нашему читателю Юзеф Игнацы Крашевский (1812-1887) известен, прежде всего, как автор популярных исторических романов («Старое предание», «Графиня Козель» и др.).

Однако, это был человек разносторонних интересов, целеустремленно добивавшийся

осуществления своих замыслов, как в литературном творчестве, так и в искусстве, искусствоведении, музыковедении,

археологии и во многих других интеллектуальных видах человеческой деятельности.

Поэзия не стояла на первом месте в его творческих исканиях, тем не менее, достижения Ю.И.Крашевского в ней очевидны всем, кто читал рожденные его душой строки. Признавали его заслуги в этом литературном жанре и его современники.

Первый сборник Ю.И.Крашевского «Поэзия» (в 2-х томах) был издан в Вильно в 1838 году (переиздан в Варшаве в 1843г.). Следующий томик, названный «Гимны скорби», появился в 1857 году в Париже. Он был переведен на немецкий и французский языки (переиздан в Кракове в 1879 г.).

Эпическая историческая поэзия Ю.И.Крашевского рождалась в перерыве между этими книгами и увенчалась трилогией «Анафеляс» (1840-1845 гг.).

Все остальное лирическое поэтическое наследие (кроме драматической фантазии «Чёрт и женщина» и идиллии «Деревня») было издано посмертно в 1912 году в Варшаве. Книга получила название «Поэзия и фрагменты прозы».

Уже в начале творческого пути Ю.И.Крашевский задумывался о судьбе поэта, о его предназначении, о чем говорит приведенный ниже отрывок из повести «Поэт и мир» (1839):

**Поэт! Зачем тебе было
Родиться на этот свет?
Чтобы мечтать о могиле
Много непрожитых лет?
Когда о Боге и небе
Поешь и стучишься в души:
Хотят, чтобы думал о хлебе
Насущном, а песни не слушают;
Хотят, чтобы, им на потребу,
Отрекся от рифм вдохновенных –
Только золота, только хлеба!
Попеременно.**

Любовь к родной Польше, для которой он был хранителем языка, просветителем, идеологом восстановления утраченной государственности, отражена наиболее ярко и эмоционально в стихотворении

Продолжение на стр. 82

РОДИНА, ПОЛЬША МОЯ...

(1863)

Родина, Польша моя, муки твои святы,
 За свои, за чужие ль грехи ты на кресте распята --
 Словно статуя ты, вытесанная дланью божьей,
 Которую из-под земли выкапывают осторожно.
 Варваром оскверненная и плесенью покрыта,
 Еще хранит отпечаток руки творца вдохновенного...
 Еще вокруг ее чела сиянье разлито...
 Дрожит без меча рука от усилия неимоверного...
 Имя Твое – проступок в устах детей твоих ныне,
 Любовь Твоя – преступление,

а память о твоей доле

В катакомбах, запретная, над могилами стынет,
 Ибо даже на них сейчас кандалы неволи!
 Из-за врага и сына испившая муку до дна –
 Мученица! Истерзанная, оболганная... Родная!
 Болью великой Твоя искупилась вина –
 Распятая на кресте – Ты сегодня святая!

Сложные перипетии судьбы Ю.И.Крашевского привели его к невозможности возвратиться на родину, чтобы на благо-словенной её земле окончить свои дни:

СКИТАЛЬЧЕСТВО

Вечным скитаньем наказан,
 Где похоронят – не знаю,
 Только не в Польше...

Заказан

Путь мне туда... Стеная,
 Бьюсь в стены клетки, мучаюсь,
 Горечь страданий множа –
 О, плачевная участь...
 Вечно по бездорожью
 Должен плестись бродяжкой,
 Как Агасфер блуждая...
 Только вздохнет душа -

тяжкая

Дорога вновь ожидает,
 Полная мук неизбывных...
 Бич судьбы настигает -
 Гонит к близкой могиле,
 В край, где меня не знают,
 Где нет людей, сердцу милых.
 Так через двадцать лет снова,
 Куда же судьба забросит
 С моим печальным уловом,
 В какую глубокую пропасть?

Юзеф Игнацы Крашевский тонко чувствовал природу, красоту окружающего мира. Особенно были близки ему пейзажи Романова, где он провёл счастливые годы детства, и к которым всегда возвращался в мыслях, куда бы судьба его не забросила:

РОМАНОВ

Как там было радостно – как здесь уныло стало!
 Словно кто-то мир окутал темным покрывалом.
 Времена меняются! И чувства иные!
 Розы детства отцвели, тернии там ныне!
 И смеюсь натужно я, и смеюсь неискренно,
 И теперь чужая радость кажется мне выспренной.
 Было все другим совсем – помню дом старинный...
 Среди леса, на ольхах гнезда аистинные,
 И свисали до земли елей черных лапы,
 И казался мне их шум шепотом монахов.
 Я, бывало, там грустил... Та грусть молодая --
 О! сейчас дороже мне, чем радость иная --
 В ней надежды расцветали, как в бутоне розы,
 Нынче тяжело на душе, я смеюсь сквозь слезы...

Дрезден

Хочу привести ещё один отрывок из стихотворения «Зима», где автор с таким вниманием и любовью «выписывает» детали зимнего пейзажа:

ЗИМА

Зима... И серой пеленой все небо закрывает,
 И в тишине снежинок рой кружится, одевая
 Покровом белым наготу деревьев омертвевших,
 Сухие, голые кусты и травы пожелтевшие.
 На темном фоне целый мир вот уж окрашен белым --
 И крохотуля-стебелек, и листик самый мелкий --
 Природу в сонном забытии Маэстро оживляет,
 Он взмахом кисти мертвое в живое превращает.
 Затем, что белый кокон тот, оберегая, спрячет
 То, что зеленым полыхнет – весны огнем горячим!

....

Ю.И.Крашевского, как и всех нас, волновали мысли, отражённые в стихотворении «Почему» и «Жалобы и слёзы», представленные фрагментарно ниже:

ПОЧЕМУ?

Мысли – язычки огня, что горит, не угасая,
 Но неведомо нам, как и откуда возникают...
 Почему, когда зову я, нет вас, непокорные,
 А, бывает, не спросясь, лезете вы в голову?

Но для чего и жизнь! и мысль! – Великие к тому же?
 Кто нам ответит, в чем их смысл? Кому все это нужно?
 И толпы жаждающих понять к истокам устремляются,
 А, правда, где? Природа-мать, где истина скрывается?

...

ЖАЛОБЫ И СЛЕЗЫ

О! может наполнить свет
 Сердце бездонное? Нет...
 Ведь разве плоды осенние
 Заменят мечты весенние?

В прошлом же нет отдушины -
 Мечтаний минули сроки --
 В колыбели они задушены
 Временем строгим.

И мысли в дороге тревожат:
 Если б начать все сначала,
 Что бы ты сделать был должен,
 В то время, что миновало.

...

(1845)

В его поэзии есть место и «Разговору».

РАЗГОВОР

ОН.

Добрый вечер, свет-Галина!
Как ты, милая, живешь?
И куда, принарядившись,
В поздний час одна идешь?

ОНА.

Добрый! Я, сказать по правде,
Тороплюсь, в костел спешу --
Ведь сегодня моя свадьба,
Замуж, милый, выхожу!

ОН.

Не жалеешь ли сейчас,
Что уже невеста?
И слезиночки из глаз
Вроде бы не к месту?

ОНА.

Нечего мне горевать.
Только сожалею,
Что пришлось мне потерять
Золотое время.

...и извительным строчкам, обращенным «К А.Б.В.Г.Д. и т.д.»

К А. Б. В. Г. Д. и т. д. (Первый и последний ответ) (В сокращении)

Панове! я премного благодарен за похвалу, советы и указки;
Куда без вашего внимания и ласки?!
Кого б ни встретил на своей дороге -
Со мною мнением спешат делиться многие,
И радуюсь иль злуюсь - все интересно людям;
Но, вы, позвольте мне, всевидящие судьи,
Побольше написать - потом меня казните,
Хотя бы толику мне жизни отпустите!

...

Раз ночью из-за туч вдруг месяц показался,
И все окрестности так ярко осветил,
Что пса своим сияньем разбудил,
Который во дворе в то время отсыпался.

Тот подхватился и брехать:

- Кто мне мешает мирно спать!

А! Это месяц гордый!

И вверх поднявши морду,

Ну, лаять, тявкать, выть, пищать,

Пытаясь неугодного прогнать...

- И что светить в глаза, мне спать мешая!

Прекрасна темнота - уютная такая!

А этот вылез, не спросясь,

С своим сиянием никчемным!

Ну, что не спать, в потемках затаюсь...

(Гав-гав, тяв-тяв - дословно)

Так до утра брехал - никак не унимался,

А месяц, знай себе, светил и в споры не вдавался...

Но не ищите вновь подтекст, где быть его не может -

Упаси меня, Боже! Сохрани меня, Боже!

Кому же в голову взбредет связать стишок мой с вами -

Ну, как могу быть месяцем, а вы, панове, - псами!

Горечью пронизано последнее, написанное им стихотворение:

* * *

Жить, не имея крова, пристанища не зная,
Всегда быть вне закона, презренным став скитальцем,
Бродягою прилудным среди своих считаться,
День начинать со стоном, заканчивать рыдая.
Трудиться напряженно, мечтая о покое,
Жить клеветой истерзанным, издевками отребья,
Быть побежденным без борьбы, побитым быть без боя --
Такой сегодня Господом мне предначертан жребий.
Но мощный и великий Бог правит этим светом!
И дал он волю палачам, сердца их испытую
Слезами невинного, чтоб отомстить свирепым --
Воздастся им за зверства их -- он с каждого взыскует...

...но, даже читая его, всегда помнишь о других его стихах и поэмах, когда он был очарован жизнью, полной грудью вдыхал воздух своей несравненной Польши и любил:

ДВА СЛОВА

На всех наречьях и на языке души
Роднят всех нас два слова,
Они, как в засуху, капли росы,
В них смысл сокровенный живого.

Как в океане жизни две жемчужинки,
Как звездочки две в небе,
Нам от рожденья светят, нужные,
Два слова:
-- Kocham ciebie!*

...

Счастлив, кто -- Kocham ciebie! -- слышал от матери милой,
Кого седовласый отец благословил,
Кто верную дружбу познал, кто из уст любимой --
Kocham ciebie! -- услышал, не зря он на свете жил!

Ты же, кто скуп был на слёзы, порывы благие,
Кому -- Kocham -- никто никогда не сказал,
Пусть даже все наслажденья изведал земные,
Но без любви ты и тени счастья не знал.

Ибо нет на земле и в небе

Таких, как эти два слова,

Музыкой сфер звучит снова:

Kocham ciebie!

Долгое, 1834

* Kocham ciebie -- Я тебя люблю

Все процитированные стихотворения и фрагменты представлены в книге «Дары пилигрима», поэтому знакомство читающих эту статью с поэзией Юзефа Игнацы Крашевского хотела бы закончить следующими строчками из одноимённого стихотворения:

...Дарю для долгого пути я страннический посох свой --
Как стержень веры, что всегда пусть с вами пребывает,
Вы нынче веселы, бодры, идете легкою стопой...
Кто знает, Завтра что сулит... как жизнь вас испытает?
Иссякнут силы вдруг в пути или ослабнут ноги --
Не даст вам посох мой упасть, врагов он отпугнет.
И вместо странника суммы поможет вам в дороге
Любовь, что в сердце спрятана, по жизни поведет.
...

ЕСЛИ НЕ ПЕРЕСТАЛ МЕЧТАТЬ...

(о поэзии Хенрика Козака)

Немало лет прошло с того времени, когда сидели мы с мамой на кухне, «сочиняя еду» для большой нашей семьи и пели на два голоса. Всегда, если было на душе тяжело, тоска покидала её, а приходила на смену светлая грусть. Та грусть, что даёт силы

жить дальше, улыбаться и верить, что лучшее в жизни не за горами.

Когда я стала думать, с чего начать писать о поэзии Хенрика Козака и искать, с чем могу сравнить в своей жизни ощущения от его поэзии, то первое, что пришло в голову — это воспоминание о наших с мамой посиделках на кухне.

Теплота, искренность, эмоциональность его поэзии, на первый взгляд простой и безыскусной, сразу же взяли в плен душу. Хотелось переводить и переводить. Чтобы самой стать такой же светлой, как его стихи, такой же искренней и открытой миру.

Хенрик Козак незнаком широкому российскому читателю, поэтому немного биографии.

Родился он в 1945 году в деревне Красна на Подлясье. Детство и молодость провёл возле Бялой Подляски, в Ситнике.

Окончил педагогический лицей в Лесной Подляске, а затем исторический факультет Университета Марии Кюри-Скłodовской в Люблине.

Опубликовал 2 романа и 10 сборников стихов, среди которых: Поездка в Майами (1995), Места волшебные (2001), На рассвете когда... никого из нас (2007), Моменты отъезда (2011).

Лауреат литературных премий имени Юзефа Чеховича, Юзефа Лободовского, а также многих всепольских поэтических и прозаических конкурсов.

Его стихи были переведены на русский, сербский, венгерский и румынский языки.

В 1998 году в Румынии вышел том его стихотворений и прозы под названием *In umbra taceri*, в переводе Александра Сербана, а в 2010 году том избранных стихотворений под названием Письмо от матери (в версиях румынской и польской).

Живёт в Люблине, но связей с родным Подлясьем не прерывает и всегда возвращается к нему в своих произведениях.

Невозможно среди множества понравившихся мне стихотворений выбрать какое-либо одно, чтобы положить начало знакомству читающему эти строки с поэзией Хенрика Козака, поэтому начну, как бог на душу положит. А положил он «письмо от отца»:

ПИСЬМО ОТ ОТЦА

весна и я раздумываю
как за порог хаты
выбраться

потому что для меня сынок
прогулка во двор
как для тебя
проезд через Нью-Йорк

а все из-за товарища Бургера
посадил меня негодяй
у окна

и рассказывает печальные
из окопов великой войны
истории

в утешение — сообщает
уже никогда в сенокос
или при сборе грибов
не вымокнешь

приезжай когда будет возможность
посмотреть как живу

Дальше его «тропинка» повела меня за собой:

ТРОПИНКА

оглянулся назад
взглянул пристальней на дорогу
на себя
и не знаю

моя ли тропинка
потому что такая простая
солнечная

ведь моя была кривая
туманная
болотистая
и вся в выбоинах

а может свернул на чью-то
и ее себе
присвоил

неужели просто таким
хитрюгой оказался
что подложил кому-то
как свинью
ту свою тропку

посмотрел погрузил
зеркало не врет

так кто же я

О любви можно писать по-разному, но Хенрик Козак и тут меня не разочаровал, я даже (смешно сказать!) почувствовала укол ревности к той, что позвонила ему «...из Clearwater»:

КОГДА ТЫ ПОЗВОНИЛА ИЗ CLEARWATER

когда ты впервые позвонила из Clearwater
у меня была поздняя осенняя ночь
Боже как я тебя люблю сказал я
а кого больше меня или Бога спросила ты со смехом

ему молюсь чтобы ты вернулась
иногда до рассвета гипнотизирую телефон
и рассуждаю как могло случиться что не ища друг друга
вдруг отыскались после 50 лет

но все ж не знаю моя осенняя любви
была ли это обыкновенная случайность судьбы
или тоже как пишешь в письме
необыкновенный случай божьего Провидения

Стихотворение «ожидая Пасху» проникнуто глубокой любовью и нежностью к родным для поэта и близким его сердцу местам:

ОЖИДАЯ ПАСХУ

Матери

и вот я вновь на святом Подлясье
в родимом доме

пахнет праздником
землей
и сочится теплыми беседами
день апрельский
Великая Пятница

в деревне тихо и никто
никуда не торопится

все уже знают что сегодня
в далеком Иерусалиме
умер на кресте
Христос

после обеда с собакой брата
иду в луга
калужницы как золотые самородки
выглядывают из бурой прошлогодней травы
покрикивают чайки
и сережки вербы как жирные мохнатые гусеницы
чванятся на ветках
нет у меня смелости
проглотить самую крупную
как поступал в детстве
чтобы зимой
не болело горло

нет у меня уже
той сумасшедшей юношеской отваги
чтобы омыться как прежде
перед Пасхой
в быстрой канаве

сумерки приближаются из-за
Витулинского залива
разливаются над дорогой
а с нее во дворы
и сады
и становится еще тише

все будто бы замерло в ожидании
Воскресения

А теперь я умолкаю, чтобы оставить читателя наедине со строками Хенрика Козака почти до конца статьи...

ЭТО

уже не сплю жаль каждой минуты
когда в жизни
столько прозевал

и вот вглядываюсь
прислушиваюсь
по миру странствую
и все делаю
чтобы это
вновь не промелькнуло
стороной

только что я ищу
и что именно это
все еще не знаю

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

живу эмоциями
(а это сестры веры)
и со дня на день

но мысли у меня чистые
и прозрачные
и готов я
принять все
что еще случится

и не могу прийти в себя от изумления
каким порядочным
оказался человеком
мужем и гражданином

родился в честной семье
никого не оставил в беде
рано не умер
воспитал детей
своих и чужих

и шалый — пани из одиннадцатки
приношу землянику и розы
и именно поэтому
не должен вспоминать
вкус поцелуев
да и жить буду намного дольше
чем раньше планировал

ЛЮБОВЬ-СМЕРТЬ

люби меня
только мы есть друг у друга
ты у меня
а я у тебя

останься
еще не время
для расставанья
для слез
одиначества
умирания

только меня люби
лишь меня желай
издевайся
смейся над ней

над этой смешной худой
страшной пани
что уже месяц
невидимая
стережет за дверью

МАЙСКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

как в песенке старой
держась за руки — парой —
Предместьем мы Краковским шли
к Чеховичу
на мороженое к Чертовой Лапе
и к Вождю
на Литовскую площадь

Продолжение на стр. 86

Продолжение. Начало на стр. 85

играл оркестр
от собора кафедрального
шагала процессия
и в ряду первом
как и везде
первостатейные лицемеры
и эти что всегда напоказ
а в конце те кому жизнь не удалась
кому кости переломала
погруженные в молитвы
тихие

и всюду
куда ты только смотрела
и куда только возможно
пробивалось солнце
было на каждой травке
даже под листиками
в каждой капелке
воды из фонтана
а лепестки розы
которую я тебе подарил
чтоб любовь доказать
еще долго
все лето
будут во тьме сиять
даже когда ты уедешь
и когда меня
не будет уж тоже

глупость
вздор какой
такая минута прийти не может
никогда не наступит день такой

За свою долгую жизнь Хенрик Козак написал немало стихов, которые, как и мне, помогли многим пережить тяжелые моменты в жизни, заставили задуматься о правильности пройденного пути, вселили уверенность в своих силах, дав тем самым возможность найти выход из создавшегося положения, развеяли накопившуюся в сердце грусть.

Поэтому хочется закончить краткое знакомство с поэзией Хенрика Козака одним из самых моих любимых стихотворений этого автора, название которого дало название этому небольшому по объёму материалу:

ЕСЛИ НЕ ПЕРЕСТАЛ МЕЧТАТЬ

только не бойся если не перестал мечтать
ничего не страшно
даже одиночество
и умирание

всегда
если только захочешь
сможешь уклониться
спрятаться под кровом
сотканным из тоски
и воображения

только не поддавайся
и за самой высокой горой
есть солнечная долина полная птиц
с речкой журчащей обещаниями

и удастся также выдумать луг
еще чудеснее
чем тот из ситницкого детства
и себя несущегося над ним
на шарике пушицы
или на крыльях бабочки

Выражаю благодарность за всестороннюю поддержку в подготовке этой статьи главному редактору «Подлясского квартальника культурального» пану Гжегожу Михаловскому.

МОЛОДЫЕ О ЛЮБВИ

Так случилось, что в 2011 году я стала переписываться с главным редактором «Подлясского квартальника культурального» Гжегожем Михаловским.

Пан Гжегож - известный популяризатор поэзии своих земляков, считающий, что их поэтические произведения, в силу несомненных достоинств, должны быть известны не только в Польше, но и за её пределами.

Он и меня «подвиг» на переводы своих любимых авторов – «птенцов из гнезда Подлясского».

Среди авторов, им любовно опекаемых, много молодых, тонко чувствующих, ищущих свой особый путь в поэзии, уделяющих в своих стихах много внимания теме любви.

Эта тема у молодых поляков - одна из основных, что свойственно всем молодым поэтам в разные времена и у разных народов.

В их стихах, конечно же, чувствуется и разное настроение, при разных отношениях с любимыми – печаль и грусть, радость...

Своей искренностью сразу привлекли стихи Паулины Мацеюк – тонкие, лиричные, близкие мне по душевному настрою:

* * *

хотела счастье
спрятать
поглубже в сердце
но пришли
и силой его забрали
хотела печаль
отдать
кому-нибудь
не захотел никто
даже с доплатой

ЛЮБОВЬ

Моя любовь как мотылек
и летит к Тебе
приседает на Твоем плече
ласкает крыльями щеку и губы
и тогда уже знаешь
что люблю

Грусть в стихотворении «Камиллю» Марии Жук заставила сопереживать ей в первом её любовном разочаровании:

КАМИЛЮ

По твоим рукам я тоскую
Не по лицу твоему

Тоскую по голосу
Не по твоим словам

Я по тебе не тоскую
Тоскую по лету тому

Не могу никак его вспомнить
вспоминанья сожгла

Кшиштоф Погожельский поделился со мной своим восхищением перед красотой любимой им и любящей его женщины:

УТРО, НАРИСОВАННОЕ ШЁПОТОМ

ты
дыханье на плече моем
шепчущее крохами ночи вчерашней
губы и глаза
пожаров пространства непостижимые
как вечных цветов сады
таят в себе тысячи стихотворений
смотришь вопросом нагим
заклинание знаешь
бурным теченьем реки поплывем

Стихотворение «глаза у тебя красивые» отличается мягкий юмор, кажется, что лирический герой улыбается, когда обращается к любимой:

глаза у тебя красивые
это ничего что бываю так часто
твой кот порой
у меня во дворе бездельников ловит
напишу следующее
в сером конверте
с маркой и штемпелем непременно
дурачок
глаза у тебя красивые
из-за шторы смотрящие
в ящик для писем

Стихи Анны Корульчик о первой любви – грустные, трогательные, пронизанные благодарностью к любимому, несмотря на то, что влюблённым случилось расстаться:

* * *
каждым словом
каждым жестом
приносил мне надежду
- цветок папоротника
что цветет
раз в году
для меня зацвел
ночью той

прикосновеньями
поцелуями
возвращал меня
к жизни
что угасла
вместе с тобой

в недопитом сегодня
чае
в дожде
грозы
и в тоске

* * *

Марку

при тебе огонек спичек переставал обжигать
наш ковер превращался в города
а пластилиновые человечки
вылепленные по ночам вместе с тобой
оживали и начинали разговаривать

благодарю за веру в то
что мужчина способен любить
за сжатые от злости кулаки
если видел как плачу
и за открытие мира
что соединяет нас не только
девять месяцев в лоне матери

выпивая сто двадцать шестой
стакан черного напитка
смотрю на тебя
и вижу часть себя

мою во сто крат лучшую
половинку

Александра Пенькош обладает талантом экспериментатора, смелостью для создания неологизмов, присущей только ей в этой плеяде способных молодых поэтов:

АТМОСФЭРОТИКА

чтоб измерить пространство этого движения
должна была бы зацепить его за горизонт
и намотать как паутину
на вытянутые пальцы звезд

чтобы почувствовать духоту этого движения
должна была бы сконденсировать влажность дыхания
до уровня насыщения
и слизать облака с его шеи

чтобы описать совершенство этого движения
один протяжный вздох
должна была бы повиснуть вновь над ним
одной рукой держась земли
за месяц
и написать об этом стихотворенье

* * *

пришел ко мне сегодня ночью
ласкал широко открыто
и неожиданно
руки

наполнил постель гибельным ароматом
в ответвлении нейронов
вплелся крылато

утром оглядела с удивленьем пальцы
с остатками облаков под ногтями

Стихи Агаты Щодрак метафоричны, пронизаны чувственным отношением к жизни, передающимся читающему её лирические строчки

Продолжение на стр. 88

Продолжение. Начало на стр. 88

* * *

как появятся у тебя крылья
и поплывешь
вспомни имя мое
я приду
буду и не усну

потому что еще раз хочу
чтобы те мотыльки
вновь в волосах запутались
а Твои растерявшиеся пальцы
начали их неуклюже искать

как появятся на Твоей коже
капли росы об нее дробящиеся
позови
чтоб я их ощутила прохладу
шепни
и вновь задрожу от голоса Твоего...

потому что еще раз хочу
чтоб у меня перехватило дыхание
только слово пропой
я все берега позабуду
и утону
в крылатой той глубине

* * *

грешу
флюид развратного неба
застилает глаза мне
душно...
ресницы ломаются
под пальцами этой ночи
что ест у меня с руки
и звездой плюет
грустно...
искришь
и копаешься
шепелявя эхом
двигается ядовито
храм сумерек
не разрешаю присниться тебе
ты холодом щелкаешь
и я смехом
грешу...
тошнотворным стыдом
люблю
когда называешь меня
распущенной

Невозможно в небольшом материале представить всех молодых поэтов Люблинщины,

да это и не было задачей, поставленной мне редактором.

Не претендуя на звание литературного критика, я хотела лишь, чтобы читающие эту «молодую» поэзию, почувствовали, пусть частично, то же, что и я, проведенная наедине с этими стихами немало времени.

Ощутили, быть может, свежесть восприятия, которая бывает в начале долгого жизненного пути, искренность строк, посвященных самому прекрасному, что есть на земле – Любви.

Ирина Гусева (Науменкова)

Страницы памяти...

КОРОТКАЯ РУБАШКА

Памяти капитана Уилфреда Доумена

История не приемлет сослагательных наклонений. Происходит то, что должно произойти, безо всяких поправок на «если бы». И всё же, если бы мне посчастливилось однажды оказаться в Англии, я бы отправилась в Гринвич. Здесь, на берегу Темзы, в специально выстроенном сухом доке стоит легенда парусного флота, таинственная и прекрасная, как все легенды на свете. Латунная табличка на одной из стен дока гласит: «Здесь сохраняется «Катти Сарк», как памятник своего времени, как дань уважения людям и кораблям эпохи паруса».

Я бы коснулась ладонью обшивки корпуса, нагретой скупым английским солнцем...

– Ну, здравствуй, Короткая Рубашка!

И Вечная Нэнни, возможно, улыбнулась бы мне в ответ.

Своим появлением на свет чайный клипер «Катти Сарк» обязан именно ей, молоденькой ведьме в короткой рубашке. Своей нелёгкой судьбой, роковым невезением и необъяснимым везением – ей, и только ей. В истории клипера, единственного на сегодняшний день сохранившегося представителя стаи «гончих псов океана», тесно сплетены события реальные и вымышленные. Окутанная тайной древних баллад и легенд, королева парусного флота и в наши дни вызывает восхищение. Да, не менее красив был и «Ариэль», без вести пропавший, и английский галеон «Золотая лань», – знаменитое судно не менее знаменитого пирата – сэра Фрэнсиса Дрейка. Более того, в гонках чайных клиперов «Катти Сарк» ни разу не удалось прийти первой, всё время мешали досадные случайности, которые очень скоро переросли в закономерность.

И всё-таки, именно ей принадлежит титул королевы парусного флота.

А начиналось всё в те далёкие и славные времена, когда Шотландия была Каледонией, и бродили по её бескрайним зелёным просторам меккеры – странствующие певцы и музыканты. На этой древней благословенной земле суждено было появиться на свет Роберту Бернсу – великому шотландскому поэту. Наверное, в раннем детстве от матушки услышал он предание о Нэнни Короткой Рубашке, а может, от подвыпивших завсегдатаев кабачка в Аллоуэй, – так называлась деревня недалеко от городка Эйр. Именно это предание и легло в основу сюжета повести в стихах «Тэм О'Шентер».

Не знала бабушка седая,
Рубашку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдёт
В пустынный храм среди болот.
Что бесноваться будет Нэнни,
Среди чертей и привидений!

Злую шутку сыграл с Тэмом коварный Джон Ячменное Зерно. Встреча с ведьмой в короткой рубашке чуть не стоила ему жизни, но старая верная Мэг, кобыла Тэма, рванулась изо всех сил и спасла своего непутёвого хозяина, вот только хвост остался в руках у ведьмы, а ведьма...

...была в рубашке тонкой,
Которую ещё девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.

После выхода в свет повести «Тэм О'Шентер» прошло немногим менее ста лет. Английский судовладелец Джон Виллис (по прозвищу «Белый цилиндр») в одной из картинных галерей Лондона увидел полотно неизвестного художника. На нём была изображена молоденькая ведьма в короткой рубашке, летящая над серым бескрайним болотом. Джон, влюблённый в поэзию Роберта Бернса, конечно же сразу узнал Нэнни. Узнал и... влюбился. Он решил построить корабль, такой же лёгкий и быстрый, как его мифическая возлюбленная, и назвать его в её честь.

В 1869 году с шотландской верфи «Линтон & Скотт» сошёл чайный клипер с необычной формой кормы, с невероятно пышной громадой парусов и с носовой фигурой – ведьмой в короткой рубашке, крепко сжимающей в вытянутой руке лошадиный хвост (не забыли старушку – Мэг?).

Продолжение на след. стр.

Людмила Шарга

Поэт, прозаик, публицист. Автор трёх сборников поэзии и прозы. Автор многочисленных публикаций в альманахах, антологиях, периодике. Лауреат IV-го и VII международных поэтических конкурсов «Пушкинская Лира» (Нью-Йорк), Лауреат литературной премии им. А.Мицкевича с вручением почётного знака «Золотой Платан» (Одесса, 2006) Победитель Первого международного фестиваля «Славянские традиции» в основной номинации «Поэзия» (Крым. Щёлкино, 2009г.) Лауреат всеукраинской литературной премии им. Молодой Гвардии (2009г.) Лауреат международной литературной премии «Славянские традиции» (2010г.) Награждена почётным знаком «Писательское братство» (2011г.) Член Южнорусского Союза Писателей (ООО ВТО КЛУ МСПУ). Руководитель творческой гостиной Diligans. Представитель изданий «Интеллигент».

Оставалась одна проблема – название. Люди верят в приметы, а уж моряки – народ самый суеверный, и вряд ли кто из них отважился бы ступить на борт судна, носящего имя ведьмы. Слишком живучей оказалась древняя легенда, и Нэн Короткая Рубашка была хорошо известна не только в Шотландии, но и в Англии. Пришлось убрать из названия само имя «Нэн», оставив загадочное и странное «Катти Сарк», что в переводе с древнего каледонского наречия и означает «Короткая Рубашка».

Кто знает, может быть именно это и послужило причиной неудач, преследовавших судно. Клипер неоднократно менял хозяев, порта приписки, названия. Не раз приходилось ему вместо чая и шерсти (чайные клипера строились для перевозки именно такого рода грузов) перевозить уголь. Видимо, закончилось бы это всё для красавца-клипера печально, если бы не...

В домике, приютившемся на одной из окраин города, было холодно. На широкой лежанке у остывшего камина спал седой старик. Когда-то давно он был Капитаном. Судьба хранила его, как умеет она хранить молодых и сильных. Теперь он жил здесь со своей женой да с белым огромным попугаем – большим любителем рома. В прежние времена Капитан частенько баловал птицу, до краёв наполняя чашечку крепким ароматным напитком.

Попугай выпивал всё до капельки и принимался орать: «Браво, Короткая Рубашка!». Ещё он обожал отдавать команды, но частенько путал зной с вестом. За это Капитан наказывал пьянчужку – накрывал клетку тёмным платком и загонял туда совершенно окосевшего от рома попугая.

Но счастливое время это ушло безвозвратно, как уходит песок сквозь пальцы, и лишь воспоминания одинокими песчинками остаются в пустых ладонях. Капитан состарился, в плаванья больше не ходил, что ты всё сделаешь, как надо. А недавно Капитан заболел, да так, что и вставал теперь с трудом. Вот и сидела грустная птица на подоконнике, и целыми днями наблюдала за наглой вороной, важно разгуливающей по карнизу соседнего дома.

В комнату вошла Женщина. Серые глаза её были темны и тревожны. Она подошла к лежанке и коснулась лба Капитана узкой прохладной рукой. Он открыл глаза.

– Ты совсем замёрзла.

– А ты горишь. Сейчас я растоплю камин и согрею чай.

– Погоди. Присядь-ка на минутку.

Она присела на краешек лежанки и взяла его за руку.

– Пообещай мне, что ты всё сделаешь, как надо.

Ему было тяжело говорить, голос его часто прерывался хрипами, но он продолжил:

– Сделай это, пожалуйста, и пусть Нэнни поможет тебе, да простит меня Бог.

Глаза Женщины ещё больше потемнели – от слёз, она молча кивнула головой и легонько сжала руку Капитана. Он пытался сказать что-то ещё, но не мог, лишь хрип вырывался из его груди.

Наконец, голова его бессильно откинулась на подушку, и он затих, а Женщина заплакала тихо, беззвучно, лишь худенькие плечики её вздрагивали под тёплым старым пледом. Старый моряк был мёртв.

Спустя несколько лет после смерти капитана Доумена его вдова передала восстановленный парусник Морскому колледжу. В 1949 году «Катти Сарк» становится собственностью Национального Морского музея в Гринвиче, а ещё через пять лет, в 1954 году, клипер установили в сухом доке на берегу Темзы.

Именно капитан Доумен «случайно» оказался в порту Фалмут в один из ненастных дней 1920 года, куда, спасаясь от шторма, зашло судно под именем «Мария де Ампару» (по другим сведениям «Ферейра»). Но ни обрывки грязных парусов, свисающие с поломанных мачт, ни другое название не могли обмануть Доумена. Такие великолепные, изысканные обводы корпуса могли принадлежать лишь одному судну. И лишь одному судну могла принадлежать эта странная носовая фигура – девочка в короткой рубашке с копной развевающихся волос, девочка, сжимающая в вытянутой руке лошадиный хвост. В этом, словно явившемся с того света корабли-призраке, он узнал «Катти Сарк», на которой служил когда-то в юности юнгой.

На то, чтобы выкупить и восстановить парусник, ушла большая часть сбережений капитана. Что случилось потом, вы уже знаете. К сожалению, он не дожил до того дня, когда в сухом доке на берегу Темзы встало на вечную стоянку судно, спасённое им от неминуемой гибели.

Оно и по сей день стоит в далёком туманном Альбионе. На его борту создан уникальный музей носовых фигур, и всё так же рвётся навстречу морским ветрам Нэн Короткая Рубашка. И совершенно неважно, какой век бурлит вокруг. По – прежнему бредят мальчишки дальними странами и неоткрытыми островами.

Вы говорите, что не осталось белых пятен на карте? Но у каждого поколения своя

TERRA INCOGNITA. Её Величество Мечта царствует вне времени, и границы её простираются далеко за пределы Зурбагана и Лисса, да самой таинственной страны

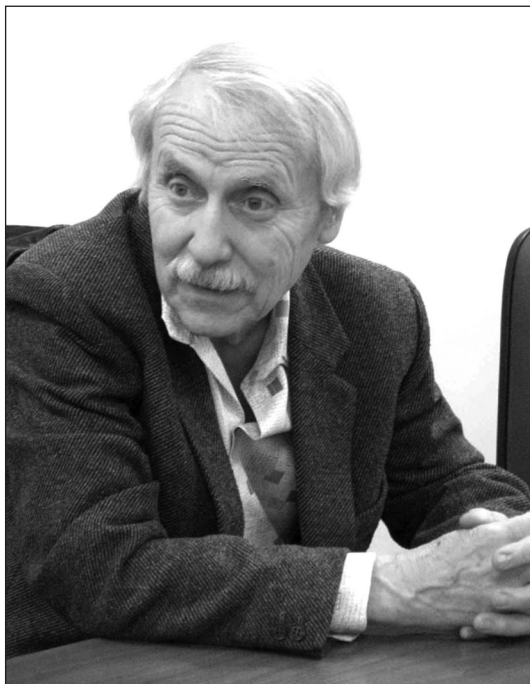
NEVERLAND. Там, на просторах Мечты, несётся под парусами, полными попутного ветра, прекрасная «Нэн Катти Сарк», несётся в порт приписки по имени Вечность.

P.S. Эта миниатюра была опубликована в 2006-ом году, когда клипер «Катти Сарк» ещё стоял в сухом доке в Гринвиче. 21 мая 2007 года на судне вспыхнул пожар, который практически уничтожил легендарный парусник. Что послужило причиной пожара?

Думаю, что ответ знает только одна она – Вечная Нэнни.

И можно надеяться на то, что и на этот раз судьба будет благосклонна к судну.

Людмила ШАРГА
официальный представитель
медиа-группы изданий «Интеллигент»

Анатолий Липицкий

Анатолий Григорьевич Липицкий родился в 1933 году в Кривом Роге. По специальности инженер-энергетик. Служил в Советской Армии. Работал на Ново-Криворожском ГОКе, на энергетических предприятиях Магаданской области — на Колыме и Чукотке, в Магадане. В свободное от основной работы время писал рассказы и повести, которые печатались в периодической прессе Эвбекинота, Анадыря, Магадана, Владивостока, Днепропетровска, в журналах «Дальний Восток» (Хабаровск), «На Севере Дальнем» (Магадан), в коллективных сборниках, в альманахе «Саксагань» (Кривой Рог). В 1990 году стал инициатором создания и первым главным редактором альманаха «Саксагань» в г.Кривом Роге, редакцию которого возглавлял до 2009 года.

Член Союза писателей Украины.

СВОБОДНЫЙ НЕВОЛЬНИК

До последней минуты не верилось, что это — отъезд.

Дрожащей рукой сжимая торбу, в которой были собраны его убогие пожитки и самое дорогое — исписанные тетради дневника, — он шагнул с берега на борт небольшой парусной лодки.

Сколько раз, бывало, глядел он с тоской и завистью на паруса идущих в море лодок и судов. И вот теперь страшно поверить в своё освобождение. Он отвёл взгляд от воды и оглянулся.

В лицо повеяло жаром раскалённых песков. Солнце упало за край моря, ночь наступала быстро, но из пустыни продолжало нести потоки перегретого воздуха и мелкой, вьедливой пыли.

Хозяин лодки, прикрикнув на зазевавшегося рулевого, прошлёпал босиком по белым доскам палубы, ловко поднял выдававший виды парус.

— С Богом, — сказал рыбак. — С Богом, Григорыч!

Шевченко нерешительно взмахнул рукой в ответ на прощальные возгласы с берега.

Радостно затрепетал парус, наполняясь горячим ветром. Лодка рванулась навстречу бегущим волнам, и между кормой и бревнами причала стремительно стало вырастать чёрное пространство колышущейся воды. Казалось, уплывает берег, а не парусник.

Маячили на берегу провожающие — как безмолвные, проклятые кем-то тени, как птицы с обрубленными крыльями, глядели они с безысходной тоской вслед паруснику. А ветер уносил утлую ладью всё дальше от берега, и вскоре тени возле причала и батареи на скалах, и сами скалы — всё слилось в темное подножие далекой горной гряды, светлеющей в сумерках над бескрайним морем.

С плеском опускался нос лодки в волну, рассекал её, вздымая брызги, зарываясь в пенящуюся воду и снова взбирался кверху.

И пригрезилось освобождённому Кобзарю, что не горькое Каспийское море брызжет каплями влаги, а шумит под днищем парусника днепровская волна, перекатывая с берега на берег светлые украинские зори. Веет прохладой от склонённых к воде плакучих ив и от влажных левад, темнеющих за ивами. А слабый ветерок приносит издалека, от села, едва слышимую песню девочек.

Шевченко опустился у борта на отполированную ногами рыбаков палубу, прислонился спиной к своей торбе, устало прикрыл глаза.

Ощущение свободы не приходило. Сердце сжималось от дурных предчувствий. А мысли все были там, на воле, на Украине, куда ему не разрешили возвращаться. Лодку слабо качало, и он незаметно погрузился в дрему. Ему привиделась встреча, о которой он давно перестал мечтать: она была так же немислима, как возвращение в юность.

Он увидел себя в старом парке, на аллее, по которой навстречу ему шла женщина. Он знал, кто это, но годами выработанное умение сдерживать себя оказалось сильнее желания броситься к идущей с протянутыми руками.

— Добры вечир, Тарасе...

— Здравствуй, серденько моё. Ты узнала меня? — он видел себя как бы со стороны: в мятой шинели, сгорбленного, борода того, схожего с убогим лирником из Мотронинского монастыря.

— Узнала... — ответ её был еле слышен. Она казалась прежней — юной, стройной, в белом одеянии и кружевах вокруг высокой шеи. И в глазах её утопала та же печаль и тревога, нерешительность и боязнь, как всегда, в часы их редких встреч украдкой.

— Ты помнишь, моя чернобровая? Ты не забыла? Молчишь... А я не забыл и не забуду уже до смерти. И Рудки, и этот парк, и твои глаза... Погоди, что же ты уходишь?

Зябко прикрывая плечи прозрачной накидкой, она отвернулась и стала исчезать.

Тарас открыл глаза.

Над Мангышлаком падали звезды. Они гасли, не долетев до земли, растоптанной ботинками казарменных каторжан, рассыпаясь мириадами брызг.

Ветер бездумно теребил короткие седые волосы вокруг полысевшей головы поэта. Солёные морские брызги прятались в затвердевших от яростного солнца морщинах на лице, скатывались на жёсткое сукно потрёпанной солдатской шинели.

— Тарас Григорыч! — подошёл хозяин лодки, крупный седой мужчина лет пятидесяти, давний знакомый Шевченко. — Тут у меня парус старый, укройся, замкнуть можно.

— Спасибо, Захарыч.

Шевченко прикрыл колени парусиной. Рыбак присел рядом, раскуривая глиняную трубку, заговорил, искоса поглядывая на своего пассажира.

— Тревожно тебе, маешься? Ты не загадывай, как оно сложится, не надо изводить себя. Поверь, что всё худое осталось там, в крепости. Ты — вольный человек.

— Ох, Захарыч, Захарыч, — Шевченко покачал головой. — Не оттого я маюсь, друже мой, что поверить не могу в свою свободу. — Он помолчал, словно прислушиваясь к себе, продолжил: — Свобода... Где она? Если в сердцах наших, то я всегда был свободен. Хотя впервые познал этап ещё в тридцатом, когда шёл в лютый холод с господским обозом из Варшавы в Петербург. Было мне тогда шестнадцать годков. А не смог мой жестокий и жадный хозяин заставить меня не мечтать, не рисовать, не видеть вокруг всё — и красоту, и убожество. Не смог, понимаешь?

— Да-да, — согласен кивал рыбак.

Шевченко вздохнул тяжело, растирая ладонью левую сторону груди под шинелью, прошептал:

— Горькая та свобода, при которой остаются рабами мать твоя, сестра, друг...

Молчал рыбак, посасывая потухшую трубку. Шумела вода за бортом лодки, плескалась в крепкие просмоленные доски, разносила по сторонам осколки звёзд.

На следующий день море совсем успокоилось. Слабый ветер гнал лодку к Астрахани, с каждым часом приближая освобождённого поэта к самому заветному.

— Неужели, — шептал Шевченко, — неужели это правда? И я скоро буду в Петербурге, увижу милые сердцу лица, войду в мою прекрасную Академию, услышу волшебницу-оперу?..

Прислонясь к мачте, часами глядел он на море, над которым бродили прозрачные облака. Исчезла за горизонтом чёрная гряда гор, семь лет служившая заключенному в Новопетровский форт Кобзарю границей мира на востоке.

Он и раньше не любил, не признавал шумного безделья. А после десятилетнего постоянного надзора и казарменной жизни настоящим раем казалось ему уединение, близость к бескрайнему морю, небу. Никто не перебивал мысли, и он всё думал и мечтал. «Из Астрахани в Нижний — тридцать дней по Волге. Из Москвы в Петербург — двадцать два часа поезде», — прикидывал, когда прибудет в столицу. Он уже видел себя в мастерской над заготовками для акватинта. Он мечтал о стихах, которые теперь-то потекут свободнее, проще, сильнее.

— Старый дурень! — говорил он себе, — одумайся! Жизнь прожита. К чему эти юношеские надежды?

И сам себе отвечал:

— Надежда... Это — самая нежная, постоянная, до гробовой доски неизменная нянька-любовница.

Ночью приходили воспоминания. Смутные видения детства. Больше всего детства, как знамение вновь начинающейся жизни.

В глухих зарослях терновников — влажные овраги. Левады с цветущими картофелем и подсолнухами. Таинственные опушки Кульбашева леса. Будто вырезанные из дерева и обожжённые на лесных кострах — лица монахов в Мотронинском монастыре. И там же безымянные надгробные плиты на могилах гайдамаков. Колышущееся марево над степью, цветущие вишни, безнадежный плач женщин вслед уходящим в москали сыновьям. Щемлящая душу нежность, ласковые тихие слова, протяжная грустная песня над засыпающей Ириной — это мама. Тщетно пытается он вспомнить её лицо, уловить в тайниках памяти дорогие черты. И молча, тяжело плачет от жалости к её короткой горемычной жизни, к своему горькому сиротству.

Качает на едва заметной морской волне лодку. Светлеет на востоке небо. Сон и действительность теряют границу. Тарасу начинает казаться, что лежит он на пахучем сене, скрипят чумацкие возы, фыркают воли и медленно плывут в небесной бездне огромные яркие созвездия. А рядом — рукой дотянуться — спина отца. И будто говорит отец, не оборачиваясь:

— Довезу тебя, Тарас, до Грузовки, а там уже и сам пойдёшь. Такая твоя доля, одному идти.

Тарас поднимается, садится в сене, ему страшно, он не хочет идти один, в темноте. Робко и умоляюще трогает отца

за рукав серяка. Но оборачивается не отец. То — Михайло Семенович Щепкин. Он усмехается своей доброй улыбкой и говорит: «Давай заспиваем нашу». И первым начинает приятным баритоном: «Ой зийды-зийды, ясен мисяцю, як млыноное коло...»

На третий день спокойного плавания парусная лодка, в которой плыл Шевченко, прошла извилинами Волжской дельты к причалам Астраханского порта.

Вечернее солнце золотило пять куполов огромного собора, господствующего над городом. Узкими кривыми улицами сбежали к самой воде расшатанные домишки. Неслись запахи рыбы и речного ила. У причалов неспешно прохаживался полицейский.

Поэт распрощался с рыбаками, выгрузил ящик с книгами на причал, вскинул торбу на плечо и стал оглядываться, отыскивая глазами извозчика.

— Кто такой будешь?! Откуда и куда едешь? — раздался за спиной властный голос.

Шевченко вздрогнул и обернулся. В двух шагах от него стоял полицейский, насторожённо ожидая ответа, зорко оглядывая истрепанные одежды солдата, схожего на беглого.

— Художник Шевченко. Еду из Новопетровского в Петербург.

— Документ!

Он молча достал, осторожно развернул и подал отпускной билет, выданный майором Усковым.

Толстые холёные пальцы полицейского хищно сжимали документ, и Шевченко понял, что сейчас произойдет самое ужасное. Окажется, что Усков отпустил его ошибочно. Подъедет арестантская кибитка, его затолкают внутрь и снова, через горы и степи, повезут в проклятую неволю, и опять потянутся невыносимые годы безумной тоски.

Полицейский медленно, вполголоса читал:

— ...по высочайшему повелению уволен со службы и ныне, по желанию его, отправлен на местожительство своё в город Санкт-Петербург.

Шевченко жадно смотрел на пыльную улицу, грязный причал, бедные дома. И этот порт, эти дома, эта улица стали казаться ему краем чудесным и удивительно прекрасным: ведь отсюда можно было уходить, куда хочешь, в любую сторону. Неужели оборвётся его освобождение на первом же шагу?!

Полицейский небрежно сложил пропуск, с интересом глядя на бородатого оборванца, протянул документ, спрашивая:

— За что были в ссылке, господин художник?

Поэт прижимал к груди драгоценный пропуск, безмолвно, безумными глазами глядя на полицейского.

«За что же был я в самом деле столько лет бессловесным рабом, каторжанином? — спросил сам у себя Шевченко, потрясенный мелькнувшей угрозой нового ареста. — За разбой? Убийство? За несчастное мое детство подзаборное, за любовь мою поруганную? За то, что больше жизни люблю обворованную, замученную родину мою?..»

— За сочинение возмутительных стихов, — побелевшие губы сами прошептали привычную на всех инспекторских опросах формулировку приговора.

Глядя в спину уходящему полицейскому, Шевченко продолжал повторять дикие слова, и вдруг ему стало казаться, что гулкое эхо подхватывает этот шёпот и разносит его стоголос по свету.

— За сочинение возмутительных стихов! — несётся ужасный приговор к равелинам Петропавловской крепости в Петербург, к поросшим камышами берегам пустынного Арала, к унылым скалам Новопетровского форта.

— За сочинение возмутительных стихов! — гремят на плацу барабаны и топают в ногу сотни солдат.

— ... возмутительных стихов!! — бушует, пенится на каменистых порогах, ревёт и стонет широкий Днепр.

МАЯК

- Вы знаете, как пахнет пеньковый канат, неоднократно вымоченный, в морской воде?! А, как пахнет натёртый «концами» «кнхт», с маленькой канавкой у бетонного основания, всегда почему-то заполненной морской водой? И этого вы тоже не знаете?! Ну, вы хотя бы слышали, как скрипят «кранцы», трясь о деревянные брусья причала?! Вы и этого не слышали?! Что же вы тогда знаете о жизни...? раздумывал Кешка, направляясь в сторону причалов.

Вон тот, прямой и длинный, с пакгаузами через широкую площадь справа, это пассажирский, самый его любимый. Ведь здесь швартуются самые разнообразные суда: и танкера, и сухогрузы, и контейнеровозы, и масловозы, ну а о пассажирских, так то и говорить нечего. Если, не доходя сотню метров до его конца, свернуть в сторону западного мола, то окажешься на «аппендиците». Кто и когда назвал так этот отросток причала, Кешка не знал, но, однако испытывал к нему мальчишеское уважение, ведь, как метко-то. По-другому, пожалуй, и не назовёшь, да по-другому и звучать не будет, наверное. В самом конце «аппендицита», у конечной стены его, стоял небольшой и невысокий Маяк. Невзрачный, вечно небелёный, он всегда притягивал к себе Кешку с такой силой, что устоять тот не мог, и каждый раз, приходя на причал, обязательно заворачивал и туда, подолгу стоял, заворожёно глядя на тусклый его огонь. Штурманы и капитаны каботажных судов не нуждались в нём особенно-то, потому как прекрасно знали свой привычный фарватер и конфигурацию причала в мелочах и, конечно же, никогда не наскочили бы на «аппендицит», но положено, так положено. Тем более, что в нём больше других, несомненно, нуждался Кешка. Это был его, Кешкин, самый настоящий Маяк. Он мог подолгу стоять, глядя на отражение мерцающей лампы, под немытым стеклом башни, в ночной морской воде, вслушиваясь в протяжные высокие гудки буксиров в торговом порту. Отойдя от Маяка на пару десятков метров в сторону основного причала, он прикладывал к глазам ладонь, так, чтобы она отрезала от его взора высокую стену «мола», напротив и светящиеся башни нефтяного района, по ту сторону бухты. Тогда создавалось впечатление, что этот огонь одиноко светит, где-то далеко, далеко в море, а поэтому становится для кораблей-странников единственной надеждой в непроглядной мгле, освещаемой лишь далёким светом далёких звёзд.

Сегодня у причала стоял танкер «Ашхабад». Постройки он был достаточно древней, говорят, этот тип судов строили ещё до тридцати седьмого года. Кешка слышал это от отца, когда тот разговаривал с дядькой Володи у их дома, за бутылочкой водки. И что на палубе этих самых судов есть специальные станины для установки пушек, на случай войны. Сам Кешка, конечно, никаких станин не видел, да и на борту-то ни разу не бывал, однако очень любил в компании одноклассников, да и не только, блеснуть своими не детскими познаниями в истории торгового флота родного города. Не раз он с гордостью рассказывал о том, как «самоглазно», то есть сам видел, эти самые станины и даже однажды чуть было не упал, зацепившись за болт, к которому, по словам капитана, и крепилась пушка.

Под форштевнем судна тихо плескалась вода, трясь о борт и о брусчатку причала, резиновые «кранцы» жалобно стонали. Наверху, у самых канатных «кнюзов», дребезжали одетые поверх «швартовых» жестяные круги – крысоотбойники, пахло мокрой пенькой, мазутом, отработанным маслом и морской травой. Вообще каждое судно имеет свой запах. Кешка точно знал это и даже, не без гордости, мог определить по нему, к какой категории относится то или иное судно. Кешка любил бродить вдоль борта, заглядывая в низко расположенные иллюминаторы. За ними шумела, звучала «Антоновым», пахла борщом и свежим хлебом и ещё чем-то неуловимо морским, светилась неоновыми лампами своя таинственная судовая жизнь. Кешка представлял, какая она сейчас там. В проходах тихо и безлюдно, команда, наверное, на берегу, лишь стояночная вахта несла скучную рутину телефонных звонков да моторист мусолил грязной тряпкой бубнящий дизель – генератор. Кое-где открывались и захлопывались двери кают. Повариха, шаркая домашними тапочками в проходе, сетовала, наверное, на горячую воду и бурчала вслед третьему помощнику что-то о сгоревшем элементе, на плите, вытирая мокрые руки о подол уже не белого передника. Где-

то в конце прохода, почти у самой кают-компания, двое, осторожно шушукаясь, собирали мелочь на вторую бутылку водки. Причем Петра решено было в каюту не приглашать и вообще, лучшим вариантом было бы отправить на «бак», в «донкерманскую», там её «заразу» и «раздавить». Кешка улыбнулся, представляя этих двоих уже после «раздавления заразы». На корме, в районе машинного отделения, чуть выше ватерлинии была струя тёплой воды и падая в море, образовывала эхо, растекаясь под полостью причала. Борт танкера незаметно кончился и Кешка через несколько минут, оказавшись на конце причала. Здесь кряхтя и покуривая, смеясь и шутя, передавая между собой, то крючки и грузила, то мотки закидушек, на пробковых, самодельных выюшках, то стаканы с местным, любимым вином «Кавказ15», сидело с десяток рыбаков. Здесь всегда сидели рыбаки, даже в те сезоны, в которые, по идее, кроме медуз вообще ничего не может ловиться. Рыбалка для этих людей была образом жизни, если хотите, образом мышления. Вот так, сидя на маленьких раскладных стульях или просто на деревянном бруствере паркета, поругиваясь, поплёвывая на крючки в ожидании Валентина, отправленного в магазин за очередной бутылкой вина, они проживали дни, строя планы на завтра: Уж завтра-то клёв будет обязательно, вишь, как чисто, бороды-то на перевале нет и ветер южный, не иначе кефали косяк загонит и баклан, смотри, как кричит, уж он-то рыбу чувствует...

Кешка недолго побродил среди нехитрого рыбацкого скарба, заглядывая в садки, чтобы позавидовать счастливицам с добычей:

- Ух, ты!! Вот это «бекас»!! Ничего себе, первый раз такого вижу!! Это вы здесь вытащили дяденька?! – Кешка остановился у одного из садков, удивлённо разглядывая огромного «бычка».

- Иди отсюда пацан, лазаешь, шантрапа кругом, а потом вот такие рыбы пропадают..., мужик в клеёчатой куртке и с классным спиннингом в руках, недовольно подвинул сумку с садком поближе к себе и с недоверием глянул на Кешку:

- Здесь, здесь, под самым причалом взял...

А вот тут запах был совсем другой, здесь пахло всем сразу. Морем, вымокшей пенькой, засохшими рыбьими кишками и чешуёй, которая была здесь повсюду, пролитым вином и морской травой, огрызками от яблок, засохшими огуречными попками. Повсюду валялась шелуха от мелких креветок – излюбленная наживка местных рыбаков. Кстати на каждом таком пятачке, обычно, подбиралась и своя компания, так сказать общество любителей рыбалки и местного напитка, часто знакомые с детства, так, как и жили все во дворах неподалёку. Кешка скучающей походкой добрёл до правого крыла причала. Когда-то здесь стояла на вечном приколе, не то плавбаза, не то плавучее общежитие, теперь здесь было сиротливо пусто, зато хорошо было видно западный «мол». Он свернул вдоль паркета налево и направился на «аппендицит». Вон уже виден его Маяк. Кешка вытащил из-за пазухи приспённую тряпку, надо протереть стекло, совсем запылилось, не видно ведь никому и потом стыдно же кому сказать, что на его Маяке стекло грязное. Он побежал в конец «аппендицита». Маяк радостно мигал ему голубым светом:

- Ну, наконец, ну где же ты был Кешка?!

Стекло, когда уже протереть обещал, а сам заваялся, как ветер в поле, жди тут тебя, верь так тебе,... – сетовал Маяк.

- Не бурчи старина, сейчас протру, а на лето припру краски и ночью выкрашу тебя в зелёный цвет... Вот все обалдеют!!

- Почему же в зелёный, я же не ёлка?!

- Хочешь, в оранжевый, но ты же не апельсин, в красный, ты скажешь, что не пожарная машина, если в жёлтый, то ты не одуванчик. Вот, что покрашу в зелёный и спрашивать не буду...

Кешка подбежал к башне, взобрался по металлическим ступенькам на самый верх, рискуя свалиться в воду, со всех сторон вытер фонарь. Вот теперь порядок. Держась левой рукой за набалдашник, он встал рядом со своим Маяком:

- Ээ, Гэ, Гэ, Гэй!!! Глупые смешные чайки, что теперь СКАЖЕТЕ ?????!! – Кешка помахал им рукой:

- Ээ, Гэ, Гэ, Гэй!!! Вам отсюда видно мой маяк!? Я вытер его стекла, теперь его должно быть видно отовсюду!! Эй, ВЫ ТАМ, ГЛУПЫЕ ПТИЦЫ...!!!!???

Но они не обращали внимания ни на него, ни на новый, яркий свет Маяка. Завтра в бухту должен зайти косяк кефали, вот пир - то будет, лишь бы мимо не надумал пройти. Эх, только бы не свернул!!!

Сергей КИРЕЕВ (Новая Зеландия)

Эксперимент

В Краснодаре прошёл нестандартный поэзо-вечер-арома-поэтический сеанс «Аромат Любви»

зал вдыхает ароматы

Впервые в Краснодаре поэт Андрей Насонов и культуролог Виктория Насонова провели уникальный поэтический вечер с одновременной дегустацией ароматов.

«Идею вечера предложила моя супруга, культуролог по образованию, которая в нынешний момент работает менеджером во французской парфюмерной компании. Эта мысль мне очень понравилась. Я «прошерстил» Интернет на предмет подобных мероприятий и, к своему удивлению, не нашёл ни одной ссылки. Хотя, казалось бы, идея лежит на поверхности. Нет ничего более поэтического, нежели ароматы. Недаром парфюмеры при описании духов так часто прибегают к помощи поэтической метафоры, и вообще, пользуются словосочетанием «поэзия ароматов», – рассказал Андрей Насонов.

«Наш сеанс представляет собой своеобразный синтез искусств: музыки, изобразительного искусства, поэзии и парфюмерии. Задействованы не только слух и зрение, но и обоняние. Кроме этого, немаловажно терапевтическое влияние ароматов: гармонизация эмоционального фона, создание психологического комфорта, повышение уверенности в себе», – добавил Андрей.

Арома-поэтический сеанс «Аромат Любви» прошёл в тёплой уютной обстановке художественной галереи «Арт-Союз», согретой весенней выставкой краснодарских художников «Окно в Весну». Зрители вечера были и его участниками, перед выступлением каждого поэта ведущие вечера

наносили на запястья гостей аромат, соответствующий настроению и теме стиха, а так же основной идее вечера одному из возрастов Любви.

«Концепция сеанса «Аромат Любви» подчинена идее трёх возрастов Любви: Влюблённости, Страсти и Её Величества Любви, которые воплотились в поэзии трёх краснодарских авторов: Николая Анисимова, Андрея Насонова, Сергея Аболмазова и раскрылись в трёх французских ароматах», – пояснила Виктория Насонова.

«Лирическая поэзия Николая ярким всплеском осветила увлечённость мужчины и женщины друг другом, позволила первым робким чувствам раскрыться! Мы вдохнули свежесть фрезии и жасмина, насладились нежным очарованием розовых лепестков! Стихи Андрея Насонова погрузили нас в бушующий океан страстей вместе с пьянящим обилием цветочных и цитрусовых нот. И в завершении в строчках Сергея Аболмазова Её величество Любовь опьянила дыханием красной розы и жасмина, оттененного ландышем», – добавила Виктория.

Пока ведущие вечера «ходили в народ» наносить ароматы, музыкант Михаил Анисимов, импровизируя на акустической гитаре, наполнял это действо романтическим настроением. Гости сосредоточенно вдыхали ароматы, потом расслабились с первыми звуками поэзии и

Представление музыканта

далее в течение выступления каждого из поэтов зрительницы нет-нет, да и подносили к носу ароматизированное запястье, и мечтательно улыбались. Общий позитивный настрой вечера, приятные запахи, замечательная любовная лирика авторов явно повысили настроение зрителей.

«Каждый из представленных ароматов, содержит афродизиаки, которые позволили участникам вечера раскрепоститься, почувствовать в себе вдохновение и стать более привлекательными», – отметил Андрей Насонов.

Вечер закончил акустический мини-концерт Михаила Анисимова. Он спел авторские песни из своего первого сольного альбома, который выйдет в этом году.

Сеанс состоялся! Кураж выступающих передался гостям. Поэта Андрея Насонова приглашали на бис. «Влюблённым» поэтам долго аплодировали. В конце вечера присутствующие отметили, что хотелось бы ещё больше поэзии.

«Мы хотели бы сделать наш арома-поэтический сеанс постоянным. Виден большой интерес! А в связи с тем, что вечер камерный, не все желающие смогли попасть на него. Это связано ещё и с технической стороной проведения сеанса, ведь нужно успеть всем зрителям нанести ароматы и при этом сохранить легкость и динамичность мероприятия. До скорой встречи на новом сеансе поэзии и ароматов!» – сказала в заключение Виктория.

Краснодарский Интеллигент.

Поздравляем с Юбилеем!

Уважаемая Надежда Сергеева!

Редакция медийной-группы

«Интеллигент»

поздравляет Вас

с Днём Рождения!

Желаем Вам

богатого здоровья
и творческих успехов!

Золотник

Как-то летом, во время смиренной охоты, завела меня грибная дорожка почти до самого Синегорска, набрёл я на избушку лесника. Дело к ночи уже было, я и попросился на ночлег.

Хозяин, лесник Фёдор, по доброте своей душевной не только на постой принял, но и накормил. Пока мы картошке в мундире да огурцам солёным честь воздавали, слышал я за печкой побряхтывание да покашливание. А когда самовар забулькал-зафырчал, вышел из-за занавески дедок, при взгляде на которого я невольно улыбнулся. Именно таким я представлял себе шишка, верного стража в деревенском доме. Невысокий, в домотканой рубаше, холщёвых штанах, заправленных в старенькие, подшитые валенки, из длинных рукавов рубашки чуть видно жилистые натруженные руки. Окладистая белая, как снег, борода лежит во всю грудь, а из-под видавшего вида треуха выглядывают жиденькие волосёнки, словно перья из подушки. Выцветшие от старости глаза смотрели внимательно, но светились хитринкой.

- Мир гостю, – проговорил дед, подсаживаясь к столу и принимая от Фёдора кружку с чаем.

- Добрый вечер, дедушка, – с улыбкой ответил я ему.

- Грибник, стало быть, – дедуля оценивающим взглядом окинул мою полную с верхом корзину, – Фёдор, ты корзину-то вынеси в ледник, а то утром полкорзинки выбросить можно будет.

Лесник молча кивнул и вышел, подхватив мою добычу.

- А вот скажи, мил человек, зачем тебе столько грибов-то? – прихлёбывая чай, тихо спросил меня старик.

- Как зачем? – не понял я его вопроса, – и грибницу сварить, жарёху сделать и на зиму насолить.

- Семья, стало быть, большая, – констатировал дед как факт.

- А как же – дети с семьями уже, всем грибов хочется. А мне в радость по лесу походить, – я с удовольствием наблюдал, как старичок наслаждался чаем.

- Эт, хорошо, что не от жадности ты грибов много набрал, – дед отставил пустую кружку, достал из кармана трубку, кисет, набил табачку, достал из печки лучинку прикурнул,

пыхнул дымом пару раз и продолжил, – кто от жадности, к тому тёмная сила придёт.

- Батя, – обратился в нему Фёдор, вошедший в избушку с охапкой дров, – Расскажи про Золотника гостю.

- Могу и рассказать, если слушать будете, – пыхнул трубкой старик.

- Расскажите, дедушка, глядишь и ночь скоротаем за разговором, – попросил я.

Старик докурил трубку, спрятал её, кряхтя залез на печь и начал рассказ....

Жил на приiske Дальнем мужичок. Откуда, из каких краёв он пожаловал никто и не скажет, не ведали того люди. Просто появился он однажды вечером на околице, как из воздуха возник. Возраста – неопределённого, и не то чтобы стар-старичок, но и не парень – росточка невеликого, сухонький как сорожка вяленая, борода с усами сивые с проседью, волосы белые как снег, под потрёпанную шапочку спрятанные, глаза когда-то карие были да выцвели, а взгляд внимательный, словно в самую душу смотрит. Имени мужичка тож никто не знает, назвался он Ветрович, так и кликали.

К старательскому труду Ветрович оказался неспособным, равно как и к любому другому, где сила мужская да сноровка необходимы. Зато было ему небесами умение дадено, за которое полюбилися он люду приисковому, особенно бабам. Играл он на свирели да на рожке, была еще гармоника губная. Как на гармонике заиграет – ноги в пляс просятся, на свирели – душа веселела, все горести отступали, а ежели на рожке начинал коленца выводить – бабы в голос ревели, а мужики слезу в кулак прятали.

Приняли Ветровича на приiske, в пастухи определили.

Каждо утро собирал Ветрович по дворам, где коровку, где пару коз, и отправлялся на лесную опушку, там травостой был хороший да и речка для водопоя подход пологий имела. А с ним частенько пацанва из тех, что к большой работе не годились. Вот в такой ватажке и проходили дни. Как-то вечерело уже, и Ветрович с мальчуками приготовились по домам скотинку гнать, пришли они к водопою. Коровы с козами пьют, Ветрович у воды на свирельке своей играет, а мальцы, как истые дети старательские в речном песке шарятся. Вдруг видит пастух волна на берег блестяшку малёхонькую выкатила. Подобрал её он, покрутил в руках да говорит старшему из своих подручных:

- На-кося, тебе золотишку, Митяй, ты ноне знатну кашкицу на привале сварил. Это тебе от наших коровок награда. Когда пастух сыт, ему и работается веселей.

А пацан-то рад тому, радёшенек.

Под песенку свирельки Ветровича скотинку по домам и проводили. Так и жили день за днём.

Одна нашли два брата жужелку в своём шурфе, размером с ноготок, а на вид приметную – на голову мужика похожую! Всё как есть – глаза, нос, рот с улыбкой, картуз по самые брови надвинутый. Отмыли братовья камушек, тряпичей чистой попробовали блеск навести – глядят, а улыбка-то заметней стала!

Начальник-то прииска как энто дело увидал, деньжищ пообещал тому, кто остальные части тулова сыщёт.

Что тут началось! Не было на прииске человека, который бы на речке да на её ручьях не колготился. Только Ветровича в поисках не видали, пас себе спокойно коровёнок да коз на опушке леса. Долго ли, коротко ли, а вскоре у начальника на столе лежали жужелки, из коих можно было человека составить, одной только ноги не хватало. И ведь что интересно, у любого, что частичку от золотого мужичка находил, фарт пропадал! Ну, начисто! Более энто старательишко ни крупиночки золотой, самой малёхонькой даже, не находил.

Сколь ни маялись мужики, а ушло золото, как не было.

А на хуторе, что вверх по реке был, жила баушка-ведунья. Акимовной звали. Она травами лечила страждущих, заговоры-наговоры знала. Вот к ней и пошли артельщики – старатели, спросить, отчего вдруг фарт золотой пропал.

Притопали на хутор, поклонились Акимовне:

- Баушка, тебе тайны земные ведомы, скажи, куда золото с прииска делосся.

А баушка Акимовна как замашет на них, на всю артель-то, голиком да говорит:

- Сами вы, людишки, свое золото темной стороне отдали! Вот погодите, скоро темная сторона всю силу свою займёт, совсем плохо будет! И не только вам, всему люду вокруг прииска, а может и дале!

Старшой артельный не больно старухино голика испугался, сердито так ее спрашивает:

- Ты не махай тут помелом своим, место своё знай. Кажи толком, Акимовна, что за темная сила грядет и как с ней справиться!

Баушка голик не бросила, но махать им перестала. Вышла из избы на двор, артельные все за ней потопали.

Акимовна очертила голиком своим круг посреди двора, встала в него и старшого поманила. Егор, звали так старшого, стал рядом с баушкой. И она ему что-то говорить начала, а остальным и не слышно, будто за стеной стоят. Поговорили так-то Акимовна с Егором, она потом в избу зашла, вскорости вышла с пучком трав в руках.

- Вот, - говорит, - травы заповедные. Как случится то, о чём я сказала, брось этот пучок наземь. Сдержат травы немного темноту, а вы пока сыщете того, кто справиться с ней сможет. Ступайте, дел у меня много.

Вернулись артельные на прииск, в хате старшого всё собрались, кто сам пришёл, а кто и супружницу (из тех, что побойчее) привёл.

Егор хмуро оглядел собравшихся, остановился взглядом на тех братьниках, что голову мужичковую нашли, и говорит:

- От вас вся беда и началась! Вам в руки тёмной силой заговорённая жужелка далася.

Загалдели все враз, ругаячи братовьёв-то, а бабы-то норовят их ишо и стукнуть побольнее али за волосы трепануть.

- Тихо всем! – Прикрикнул Егор на артельщиков и ладонью по столешнице грохнул, – а любому из вас эта штуковина явилася, неужто, бросили бы?! А кто другие камушки к этой голове искал? А?

Примолкли артельщики, глаз друг на друга не поднимают.

- Вот то-то же. А то, загалдели тут, – Егор вздохнул тяжело и сказал, – жадность это наша общая сыграла. Акимовна баила, что ежели б меньше мы золота брали, да по-разумному, не вошла бы в силу тёмная жадность, да не послала супротив нас Золотника. Вот Жогины более всех в шурфе колготились, всё золотишка им мало было! Им и дался в руки чудо-камушек. Да заразный он оказался! Всех себе подчинил. И с каждой находкой таяло золото в земле. От того и фарт пропал.

- Что ж робить-то таперича, Егорушка? – В наступившей тишине раздался голос одного из братовьёв Жогиных.

- Акимовна сказала, – Егор обвел взглядом артельщиков, – поможет нам тот, кто без золотой жадности в сердце. Только такой чистый душой человек и справится с тёмной силой. А тут вот такая заковыка...

- Да, говори уж! Не томи душу, Егор, – загалдели мужики. Егор снова хлопнул по столу ладонью:

- Спаситель наш сам объявится, не знает он, что в нём наше спасение. А случится это, только когда Золотник в полную силу войдёт!

- Тятя, – в избу вбежал старшой сынишка Егора, – там начальник всех в контору кличет.

Поднялись артельщики да всем тулаем пошли из избы.

Начальник прииска на конторском дворе не один стоял, выжидаячи, когда старатели подойдут. Рядом незнакомец был, по-господски одетый, наглой, видать из больших, городских начальников. Стоит на палку резную опирается.

Как подошли артельщики к конторе, чужак вперёд вышел и, постукивая палкой оземь, начал кричать:

- Что ж вы стараетесь плохо? Мало золота в контору сдаёте. Али на пожарну захотели?

Егор вперёд вышел и, голосу не повышая, отвечает:

- Ты нас пожарной не пужай, мил человек. Мы тебя в первый раз видим, не знаем, кто ты, поколотить могём.

Чужак аж запыхтел от недовольства. Начальник-то вступить хотел да приезжий его придержал:

- Ты, видать, старшой в артели, так вот, говори да не заговаривайся! Место своё знай. Отвечай, что ж золота мало стали сдавать?

Егор так прямо и вывалил:

- Ушло золото. Перебуторивать впустую уже устали. Ежели ране много находили поддернова золота, не говоря о шурфах, то ныне как корова языком слизала. Нет золота. Вот как жужелки мужичковые нашлись, так и пропало.

- Это ты о самородках, что на мужика похожи, говоришь? – Приезжий палкой своей по ладони похлопал, – видел я эту забаву. И вот что вам скажу, тому, кто последний камень найдёт, контора втрое заплатит. А золото ищите! Ушло, говоришь? Да, ведь неходячее оно. Старайтесь лучше.

С этими словами чужак в двуколку сел, да и покати прочь.

Продолжение на стр. 96

Продолжение. Начало на стр. 95

Смотрели ему вслед артельщики хмурые, а думка-то, поди, у всех одна была... О тёмной силе, что надвигалась на прииск.

- Тятя, тятя, подивись, чего маманя в рыбине нашла, – сын Егоров подбежал к отцу и разжал ладошку.

Все, кто рядом стоял, ахнули! На пацанковой ладошке лежала : жужелка, точь-в-точь нога человечья.

- Я большущую рыбину в речке поймал, маманя ей пузо взрезала, а там – это, – затараторил малец.

Егор осторожно взял жужелку и передал её начальнику. Тот аж потом покрылся, увидав такое. Схватил золотинку да в контору бегом. Егор да кое-кто из мужиков за ним поспешили.

В конторе начальник достал из шкафа шкатулку, вытряхнул из неё прежние жужелки и положил все, как человека сложил.

Вдруг жужелки затряслись, будто кто стол зашатал, и стали друг к дружке слипаться. Склеился золотой мужичок и на ножки встал. Картуз на головёнке поправил, оглядел всех да как гаркнет:

- Ашать давай!

А артельщиков-то оторопь взяла, глядят во все глаза. Начальник ближе стоял, возьми да и ткни пальцем в плечо Золотника. Тот оглянулся, ощерился, и схватил его за палец. В тот же миг начальник застыл на месте словно каменный и стал золотеть с того самого пальца. А как весь озолотел - в песок осыпался. А Золотник со стола спрыгнул, сел возле кучи, что недавно начальником была, и начал то золото жадно есть. И ведь не подавится!

Артельщики отуговели малеха да бежать из конторы. Прямя кубарем с конторского крыльца скатились. Лица у всех белее снега, глаза как блёнды горят. Руками в сторону конторы машут, а слова вымолвить ни один не может. А народу-то на конторском дворе, чай, немало было. Как увидали тех, кто из конторы не в себе выбежал, зароптали, загомонили. А тут шаги громкие послышались, дверь конторы распахнулась, как не было её, и на крыльцо Золотник вышел, только росту он теперь был как паренёк-подлеток. Стоит и бубнит «Ашать давай! Ашать давай!». Возле ступенек на земле лежал один из братьев Жогиных, видать, когда выбежал из конторы упал да зашибся сильно, на ноги встать невмочь. Золотник его пальцем коснулся, вмиг вместо старателя кучка песка золотого. Уселся мужичок подле, и пока всё золото не съел – не встал.

А народ-то только охнул на это. Смотрят на него во все глаза, с места сойти никто не может, как есть приморожены!

Золотник, съевши кучку золота, весь затрясся как в лихорадке и вырос вровень с мужиками.

Стоит возле крыльца золотыми мургалами ворочает по сторонам и бормочет по-прежнему «Ашать давай! Ашать давай!».

Постоял-постоял да двинулся на людей. Егор выхватил из-за пазухи пучок трав, что Акимовна дала, в ноги чудищу бросил. От трав этих поднялся дым, окутал Золотника облаком, он и встал на месте. А народ во дворе оклемался, да по своим дворам все кинулись. Вскорости прииск опустел, как и не жил там никто. Даже собаки не брехали по дворам.

Долгонько тишина стояла, пока солнце к закату не показилось. К вечеру ветер поднялся, тучи по небу заходили, за-

метались. По земле гул пошёл, как будто кто тяжёлый топает. Из ворот двора конторского вышел Золотник. Тяжело ступает, как человек старый или хворый. А на каждом шаге по земле дрожь походит, как волна на лесном озере. По всей улице слышно как он бормочет «Ашать давай!»

А с другого конца, слышко, донеслись звуки свирели, это возвращались к своим дворам коровы да козы, которых вёл своей свирелью Ветрович. Животины шли, ни коим глазом не поглядев на Золотника, и разбрелись к хозяйским воротам. А пастух с места сойти не мог, как мертвяк, стоял перед ним. Голодное чудище заторопилось к Ветровичу, схватило того за руку. Ан, нет! Не закаменел от такой хватки человек! Не стал в золото превращаться. Золотника затрясло как в лихорадке, и он ростом поменьше стал, а сам всё лапал и лапал Ветровича. А пастух вдруг рассмеялся, достал губную гармонику, заиграл плясовую, да вокруг него в пляс пустился. Золотник всё руками машет, схватить Ветровича хочет да всё впустую. Гармоника всё веселей да веселей играет. Золотник уже и с места сойти не может, трясёт его, ажно земля дрожит. Вдруг остановился и, словно облако золотое, растаял, на земле лишь несколько золотых таракашек с пылью дорожной смешались. А пастух всё играл на своей гармонике да играл. Так играючи и ушёл с прииска, и больше его никто не видал.

А на прииск, говорят, золото вернулось, да только люди стали бояться много его добывать...

Утром Фёдор подвёз меня до Синегорска к первому автобусу, и всю дорогу до города я вспоминал рассказ деда, жалея, что некоторым людям не является такой вот Золотник.

Прииск – место, где добывали драгоценные металлы, небольшое поселение возле

Дадено – дано

Ежели – если

Однава – один раз, однажды

Жужелка – мелкий золотой самородок

Энто – это

Колготился – колготиться – работать не покладая рук

Фарт – удача в работе

Голиком – голик – берёзовый веник без листьев

Вкруг – вокруг

Баила – говорила

Робить – делать, работать

Тулаем – толпой

Выжидаячи – ожидая

Наглой – высокомерный

Перебуторивать – перерывать песок, землю

Поддерново золото – то, что находят в верхних слоях песка – под дёрном.

Ашать – есть, кушать

Отуговели малеха – пришли в себя

Блёнды – блёнда – рудничная лампа

Подлеток – подросток

Мургалами – глазами

Оклемался – оклематься - прийти в сознание

Мертвяк – мертвец; иногда потерявший сознание человек

Золотые таракашки – мелкие крупинки золота.

Злата Рапова

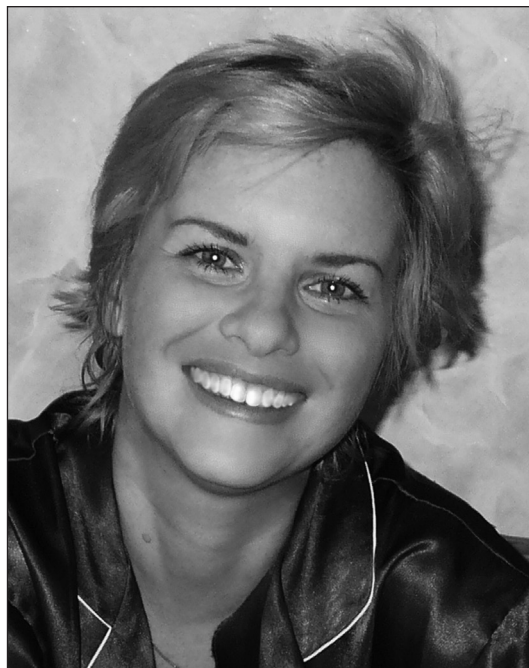
Российский публицист и редактор.

Графиня де Рапп де Кольмар-Строгонова. Французского происхождения. Прямым предком является генерал-адъютант Наполеона Бонапарта Жан Рапп граф де Кольмар.

Все предки были известными людьми. Отец – Рапов О.М. – профессор МГУ, академик, дед Рапов М.А. – член союза писателей СССР, художник, ген. конструктор авиационного завода. Прадед Рапов А.Н. кавалер Георгиевского креста, офицер царской армии, прапрадед – прославился в битве при Плевне, где на монументе высечено его имя. Мать – Гади (Галина Ивановна) Кацман, доцент филологического факультета МГУ.

В 1991 году окончила исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (специальность – историк со знанием иностранного языка).

Имеет 18 международных наград, трижды была лауреатом международных конкурсов. Золотой лауреат Национальной Литературной премии «Золотое перо Руси» 2007 года в номинации «Общественные коммуникации».

Влад Дракула. Мифы и факты.

22 июня 2008 г. от Р.Х. открыт – Орден Дракона «ДРАКУЛА». Основная цель – реабилитация имени Влада Дракулы.

«...Есть два образа Дракулы. Мы знаем Дракулу – национального героя Румынии, мудрого и храброго правителя, мученика, преданного друзьями и около трети жизни проведенного в тюрьмах, оболганного, оклеветанного, но не сломленного. Однако нам известен и другой Дракула – герой анекдотических повестей XV века, маньяк, «великий изверг», а позже и вовсе проклятый Богом вампир».

Е. АРТАМОНОВА. №2, 2005, «Наука и жизнь»

Значительное место и мировой литературе и кинематографе занимает интерпретация всевозможных жутких историй про вампира Дракулу.

В то же время, многие исследователи считают, что реальный прототип – Влад III, князь Валахии в 1436-1447 гг. (варианты написания – «господарь», «воевода») был величайшим государственным деятелем, основавшим, по-сути, саму Румынию, ее столицу – Бухарест, талантливым военачальником и национальным героем.

В Румынии продаются иконы с изображением Влада Дракулы, поскольку он считается не только национальным героем, но и национальным святым. Вот что говорит румынская православная церковь о Дракуле:

«Валахский князь Влад Цепеш (1430-1477 гг.), послуживший прототипом для книги Стокера, был «великим деятелем румынской истории» и не имел ничего общего с мифическим вампиром Дракулой».

А это пишут о Владе Дракуле учёные:

М.Михай: «Прозвище «Цепеш», имеющее такое жуткое значение, по-румынски при его жизни не было известно».

Это мнение подтверждает Е. АРТАМОНОВА. №2, 2005 «Наука и жизнь»:

«Прозвище Цепеш (Tepes – от румынского tepea – кол, буквально – Протыкатель, Сажатель на кол) Дракула получил от своих врагов. Так при жизни князя называли боявшиеся и ненавидевшие его турки. Однако в самой Валахии и в других христианских странах он был известен как Дракула, то есть «Сын Дракона» (прозвище, унаследованное Владом от отца). Так его называли во всех официальных документах, так он подписывал некоторые свои письма. Румынское прозвище Цепеш впервые было упомянуто только в 1508 году, спустя тридцать два года после гибели Влада».

Само слово «Дракула» означает в данном контексте: «сын Дракона», это подтверждают и румынские лингвисты. Отец Влада III, Влад II, ради борьбы с нашествием турок, вступил в орден «Дракона». Кстати, это считалось очень почётным. Как пишет Яков Ушаков: «Прозвище Дракула Влад III унаследовал от своего отца Влада II Дракулы. В переводе «Дракул» означает «Дракон». Ничего таинственного в этом имени нет: Влад-старший был членом католического ордена Дракона в надежде получить поддержку в борьбе против мусульман».

Но отец знаменитого Влада всё же не справился с турками и, далее цитирую Ушакова:

«В 1444, уступая турецкому давлению, Влад II был вынужден возобновить вассальные обязательства валахских господарей и отправить заложниками ко двору султана двух сыновей – 13-летнего Влада и его младшего брата Раду».

Влад возглавил Валахию в возрасте двадцати пяти лет, в 1456 году, в очень тяжёлые для княжества времена, когда Османская империя расширяла свои владения на Балканах, захватывая одну страну за другой....»

Когда я начала исследовать жизнь и деятельность Влада Дракулы, я не обнаружила никаких прижизненных документов, в которых бы говорилось о каких-либо массовых казнях или жестокости Дракулы. Во время своей поездки в Румынию, я имела возможность увидеть следы реальной деятельности Великого Господаря Влада. Это построенные им многочисленные крепости, города, даже столица – Бухарест, была разрешена к обустройству по его приказу для защиты региона от нашествия турок. Документы, составленные Владом Дракулой, говорят о его энергичности, образованности, стремлении улучшить ситуацию в своей стране, но нигде не сказано ни о каких казнях и иных жестокостях. Такое у меня сложилось мнение после изучения исторических источников Румынии. К подобному мнению пришли и другие исследователи. В частности М.Михай говорит о Дракуле: «Известно, что Влад с детства владел латынью, а также немецким и венгерским языками, прошел неплохое военное обучение на европейский манер, а затем, в бытность заложником у турецкого султана, досконально изучил обычаи, язык и военные приёмы своих будущих противников. Все перечисленные знания Цепеш умело и изобретательно применял на практике. Стиль его латинской официаль-

Продолжение на стр. 98

Продолжение. Начало на стр. 97

ной переписки превосходен. Многими военными победами над турками Влад обязан именно своему знанию тонкостей поведения врага».

Кроме того, Влад Дракула прославился как прекрасный военачальник, который учитывает даже психологические особенности противника. М.Михай пишет:

«Влад всюду использовал старинные легенды об оборотнях и злодеях, продавших душу шайтану. Он возродил существовавшую ещё у даков манеру отождествлять своих воинов в глазах противника с дикими зверями и тем самым наводить на них ужас.

Кроме психологического, эти операции наносили врагу и прямой урон. Особенно знаменитая «ночная атака», произведённая Дракулой 17 июня 1462 года, когда военный лагерь султана был устроен уже на пути к столице Валахии Тырговиште».

В Румынии любят рассказывать самые различные истории о мастерстве Влада Дракулы как военачальника. Он совершал блистательные маневры и разбивал войска противника, во много раз превосходящих его в численности. Яков Ушаков пишет: «На трон Валахии претендовал младший брат Дракулы Раду Красивый, принявший ислам и ставший фаворитом султана. Понимая, что не сможет в одиночку противостоять самой большой со времени покорения Константинополя турецкой армии, Дракула обратился за помощью к союзникам. Среди них были и римский папа Пий II, обещавший дать деньги на крестовый поход, и молодой венгерский король Матяш Корвин, называвший Влада «любимым и верным другом», и лидеры других христианских стран. Все они на словах поддерживали валашского князя, однако, когда летом 1462 года грянула беда, Дракула остался один на один с грозным врагом.

Султан двинул на Дракулу 250 тысяч воинов: больше, чем население Валахии, включая женщин и детей. Положение было отчаянным, и Влад сделал всё возможное, чтобы выстоять в этой неравной схватке. Он призвал в армию все мужское население княжества начиная с двенадцатилетнего возраста, применял тактику выжженной земли, оставляя врагу сожженные деревни, где невозможно было пополнить запасы продовольствия.

Влад избегал масштабных столкновений и использовал партизанскую тактику. Лично производил разведку и в основном обходился силами своей гвардии. Переодеваясь в турецкую одежду, Дракула сотоварищи налетал ночами на вражеский стан, поджигал шатры, рубил турок. Начинаясь паника, турки спроне убивали своих же, а гвардия Влада исчезала во тьме. Еще одним оружием князя стал панический ужас, который он внушал захватчикам. Защищая свою землю, Дракула безжалостно истреблял врагов, в частности, сажал пленных на кол, используя против турок очень «популярную» в самой Османской империи казнь.»

Да, к завоевателям Влад Дракула применял их любимый вид казни – сажание на кол. Когда он был пленен своим соратником венгерским королем Корвиным, захватившим немалую сумму денег, необходимую для борьбы с турками, тогда и появился первый документ, порочащий Влада, исходящий от самого Корвина. Корвину необходимо было оправдаться в пропаже денег и объяснить пленение союзника. Поэтому очернение Влада Дракулы исходило от Венгрии.

Что касается рассказов о невероятной жестокости Дракулы по отношению к собственному народу, об этом пишет в своей работе Е. АРТАМОНОВА в журнале «Наука и жизнь» так:

«Князя обвинили в жестокости, которую он якобы проявлял по отношению к саксонскому населению входившей в состав Венгерского королевства Трансильвании. По свидетельству Модрусы, Матяш Корвин лично рассказывал о злодеяниях своего вассала, а затем предъявил некий анонимный документ, в котором обстоятельно, с немецкой пунктуальностью сообщалось о кровавых похождениях «великого изверга». В доносе говорилось о десятках тысяч замученных мирных жителей и впервые упоминались анекдоты о заживо сожженных нищих, о посаженных на кол монахах, о том, как Дракула приказал прибить гвоздями шапки к головам иностранных послов, и прочие подобные истории. Неизвестный автор сравнивал валашского князя с тиранами древности, утверждая, что во времена его правления Валахия напоминала «лес из посаженных на кол», обвинял Влада в невиданной

жестокости, но при этом совершенно не заботился о правдоподобии своего рассказа. В тексте доноса встречается очень много противоречий, например, приведённые в документе названия населённых пунктов, где будто бы было уничтожено по 20-30 тысяч (!) человек, до сих пор не могут быть идентифицированы историками... Очень важно отметить, что, помимо появившегося в 1462 году доноса, нет ни одного более раннего свидетельства о массовых убийствах мирного населения на территории Трансильвании в 50-е годы XV века».

Не могу не согласиться с данным аргументом. А так же с следующими доводами:

«...сохранились документы, сообщающие, что горожане саксонского Брашова радостно приветствовали возвращение «великого изверга», который, если верить доносу, еще несколько лет назад творил здесь неслыханные злодеяния.

... Анализ произведений, в которых говорится о злодеяниях Дракулы, доказывает, что все они либо восходят к рукописному доносу 1462 года, «оправдывающему» арест валашского князя, либо написаны людьми, находившимися при венгерском дворе во времена правления Матяша Корвина. Отсюда же черпал сведения для своей повести о Дракуле, написанной около 1484 года, и русский посол в Венгрии дьяк Федор Курицын.

... Сохранились подписанные им грамоты, в которых он дарил крестьянам земли, жаловал привилегии монастырям, договор с Турцией, скрупулезно и последовательно отстаивавший права граждан Валахии. Мы знаем, что Дракула настаивал на соблюдении церковных обрядов погребения для казнённых преступников, и этот очень важный факт полностью опровергает утверждение о том, будто он сажал на кол исповедовавших христианство жителей румынских княжеств. Известно, что он строил церкви и монастыри, основал Бухарест, с отчаянной храбростью сражался с турецкими захватчиками, защищая свой народ и свою землю».

Что касается мифа о переходе, якобы Влада Дракулы в католическую веру, то М. Михай говорит следующее:

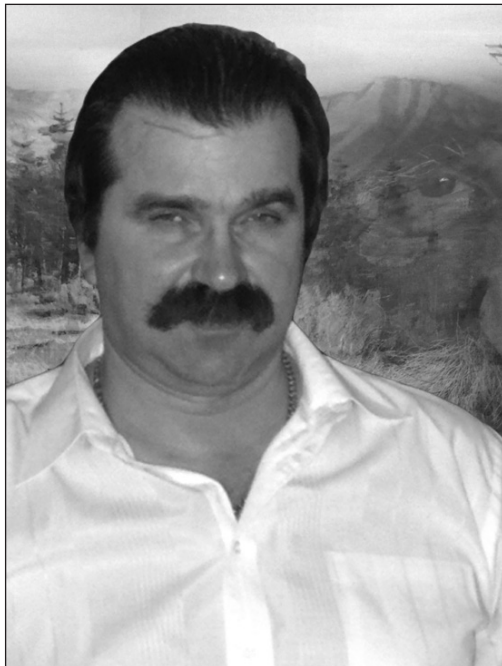
«В католическую веру Влада никто не обращал: отказ от православия сразу бы лишил его фигуру политической ценности как одного из претендентов на валашский трон».

Я полагаю, что исследователь прав, хотя нельзя исключить и того, что находясь в плену, Влад Дракула был вынужден пойти на уступки, чтобы иметь возможность вернуться на Родину.

Известно, что Влад Дракула пал в бою. При чем, скорее всего, его убили ставленники его младшего брата Раду, который уже владел тронem пока Влад находился в венгерском плену. После гибели Влада румынские территории были сданы османам.

Что касается общих достижений Влада Дракулы, то Яков Ушаков сформулировал это так: «Как государственный деятель Влад придерживался принципов настоящего патриотизма: борьба с захватчиками, развитие ремёсел и торговли, борьба с преступностью. И во всех этих областях в самые сжатые сроки Влад III добился впечатляющих успехов. Хроники повествуют о том, что во времена его правления можно было бросить золотую монету и подобрать её через неделю на том же месте. Никто не осмелился бы не то что присвоить чужое золото, но даже прикоснуться к нему».

Действительно, в Румынии до сих пор рассказывают эту знаменитую легенду о золотой чаше и о том, что никому и в голову не приходило украсть её, так как это бы означало воровать у самих себя. ...Сегодняшнюю Румынию отличает чистота улиц, меня удивили работающие на полях цыгане – такого я не встречала ни в одной стране мира. ... Кстати, существует заблуждение, что цыгане это этнические румыны. На самом деле, румыны имеют ярко выражено романское влияние. Когда-то на территории нынешней Румынии были поселения гетов и даков. Позднее римляне заселили территории своими ветеранами войн. Для Румынии характерен культ Влада Дракулы. Румыны, кстати, не любят, когда его называют Цепеш. Есть несколько памятников, посвящённых Владу III. Как пишет Яна Дубинянская: «Настоящий Дракула кровь не пил! В Румынии, где время правления этого князя дети изучают в школах, где установлен памятник валашскому господарю Владу Цепешу и даже назван его именем небольшой городок под Бухарестом, это знает каждый».

Сергей Малашко

Родился в 1962 году в г.Зeya, Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало профессией. В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и магаданской области, публиковался в альманахах «Охотничьи просторы», «Колымские просторы», «Записки охотников, рыболовов и грибников» (Рязань 2010). В 2008 году выходит книга «Весенняя охота на гуся или бегство от себя к себе. Публиковался в юбилейном сборнике «Неизвестный Магадан» (2009), сборниках «Чувства без границ» (2011), «Три желания» (2011). Член международного Союза писателей «Новый Современник».

В 2010 году вышла книга «Бальзам для охотничьей души»

Бомж

Уже лет шесть праздник мужской души в компании близких друзей устраивается один раз в неделю. Одно время это происходило по пятницам, ныне по четвергам. Называется этот праздник просто – «Баня». Именно так с большой буквы и никак иначе. Русская парилка даёт отличный оздоровительный эффект, да и общение с друзьями дорогого стоит.

Ждѐшь его уже в пятницу после прошедшего четверга, когда была крайняя банька. Так вот, дождавшись праздника души, изрядно укатанный недельными делами, я вышел из машины и направился в один из попутных магазинов. Нужно прикупить минералки, соку и чего-нибудь перекусить.

Его я заметил сразу же. Он был не стар, давно не брит, невысок и широкоплеч, сидел на крыльце магазина, в чёрном старомодном пальто, чёрной шапочке. Возле ног стояла баночка для подаваний. Я не дошёл до него шагов пять, но почувствовал, что это не совсем обычный бомж. В устремлённом на меня взгляде я не увидел безысходности, озлобления, опьянения. Его серо-голубые глаза смотрели на меня устало, но с достоинством. Он улыбался смиренной улыбкой человека, терпеливо переживающего обстоятельства, в которые попал. Можно сказать, он даже как-то располагал к себе, сам того не подозревая.

Среди людей, просящих милостыню, приходилось встречать всяких – кто-то тут же пропивает подавание, некоторые на предложение купить еды почему-то требуют именно денег и посылают очень далеко.

Приходилось встречать паренька, который просил милостыню возле магазина. Разговорившись, узнал, что мать пьёт уже неделю и ему просто нечего есть. Я купил ему в тот раз продуктов и до сих пор помню его благодарные глаза. Не думаю, что он меня обманул, по крайней мере, не хотелось, чтобы так оказалось. Ведь сдобную булочку и кефир он жадно начал есть сразу же. Я приближался к бомжу, поравнялся с ним. Какая-то неведомая сила заставила меня остановиться.

- Простите, пожалуйста, могу я к Вам обратиться с просьбой? – первым заговорил он.

Само обращение в таком тоне слегка удивило, и я ждал продолжения диалога, сам вступив в разговор

- Конечно, – коротко ответил я, внимательно всматриваясь в глаза собеседнику.

- Будьте любезны, купите мне хлебушка, – попросил он, протягивая мне три пятирублёвых монетки. – Мне очень тяжело ходить. Если встану, боюсь упасть.

На меня по-прежнему был устремлён взгляд человека, вопреки всем жизненным обстоятельствам, сохранившим чувство собственного достоинства. Я опешил от неожиданности, просьба вогнула в ступор. За полувековой жизненный путь ничего подобного встречать не приходилось – просили много, но никогда не предлагали купить хлебушка за свои деньги. Пристально, даже жёстко глянул в его глаза, сомневаясь в искренности просьбы. Лжи и лукавства или озлобленности не увидел, что-то пока непонятное шевельнулось в душе, не до конца осознанное, но тёплое. Появилось желание хоть как-то помочь человеку. С этим чувством вошёл в магазин, не взяв протянутые монетки. Прикупил всё необходимое для бани, купил булку хлеба, батон колбасы и вышел на улицу.

Он по-прежнему сидел на крыльце и смотрел в сторону улицы, а не в дверь магазина. Говорило это только об одном – он не ждал меня специально.

- Возьми, пожалуйста, в память о моем умершем отце, – сказал я, протягивая ему хлеб и колбасу. В пластиковую баночку положил немного денег.

В его глазах промелькнула гамма эмоций от неверия и ожидания какого-либо подвоха до благодарности. И даже в этом взгляде я увидел чувство собственного достоинства, которое ему удалось сохранить. Деньги из баночки он убирать не стал.

Он взял продукты, убрал их в сумку, предварительно завернув в чистый полиэтиленовый пакет.

- Храни Вас Бог. Скажите, как звали Вашего отца? – спросил благодарный бомж, -Я помолюсь за него.

- Лёвой его звали. Ну а Вам пусть Бог даст сил преодолеть все свои трудности –, ответил я своему новому знакомому и направился к машине, спиной ощущая благодарный взгляд.

Это вроде бы мимолётное событие несколько дней давало повод для размышлений.

Я первый и возможно в последний раз видел этого человека, не знаю его прошлого – но то, что он совершил достойно всяческого уважения. Эти монетки в руке в его положении – это поступок, на который способен не каждый даже благополучный человек.

Пусть ему повезёт ...

Презентации медиа-группы «Интеллигент»

Россия, г. Москва

Болгария

Индия

Испания

Израиль

Австралия, г. Мельбурн

Украина, г. Одесса

США, г. Нью-Йорк